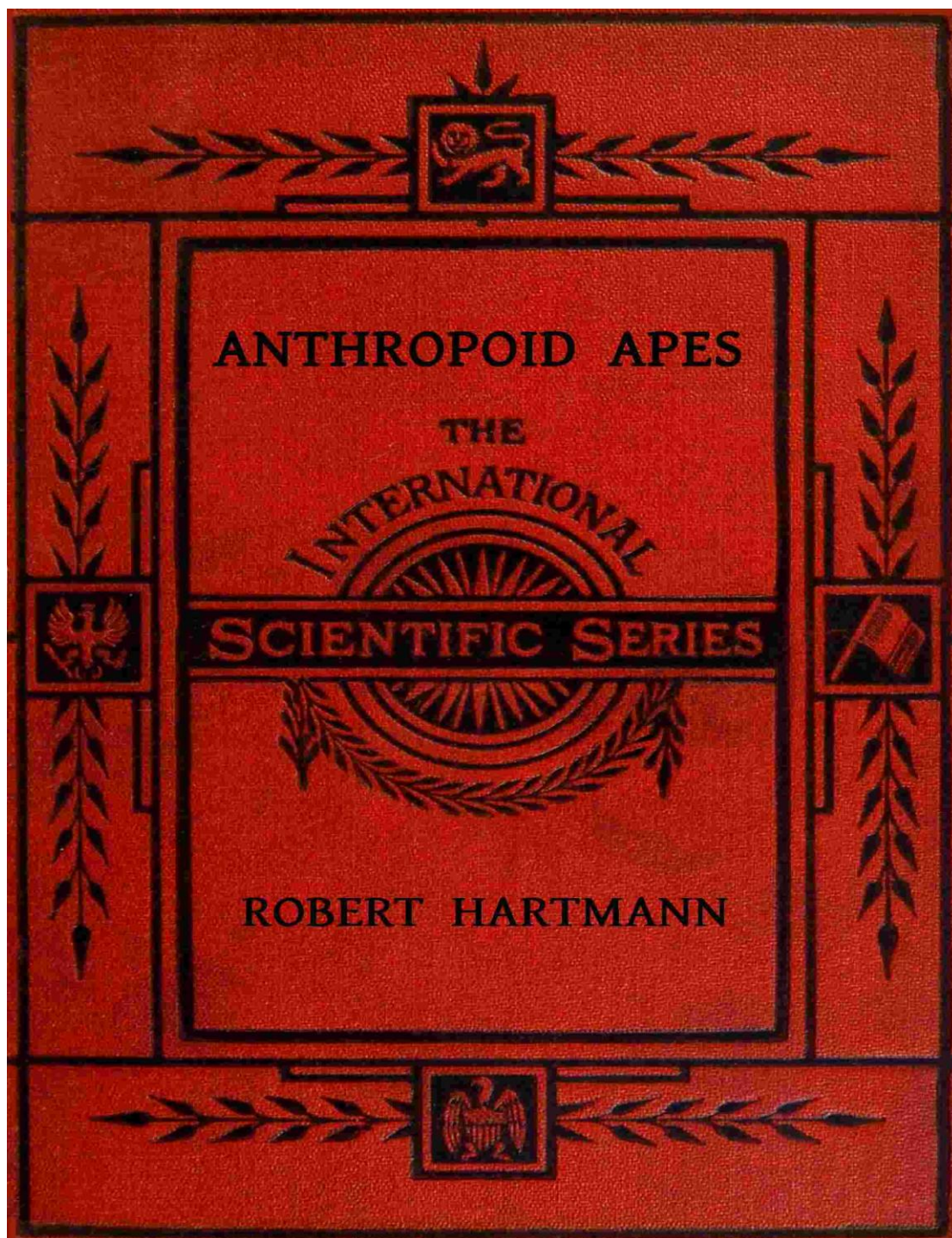

Человекообразные обезьяны

Роберт Хартманн

Содержание

[АНТРОПОИДНЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.](#)

[АНТРОПОИДНЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ.](#)

[ГЛАВА I. РАЗВИТИЕ НАШИХ ЗНАНИЙ О ЧЕЛОВЕКООБРАЗНЫХ ОБЕЗЬЯНАХ.1](#)

[ГЛАВА II. ВНЕШНИЙ ВИД АНТРОПОИДНЫХ ОБЕЗЬЯН.](#)

[ГЛАВА III. ВНЕШНЕЕ И АНАТОМИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ ЧЕЛОВЕКООБРАЗНЫХ ОБЕЗЬЯН В СРАВНЕНИИ СО СТРОЕНИЕМ ЧЕЛОВЕКА.](#)

[ГЛАВА IV. О РАЗНООБРАЗИИ ВНЕШНЕЙ ФОРМЫ АНТРОПОИДОВ.](#)

[ГЛАВА V. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ, ПРИВЫЧКИ В ПРИРОДЕ И МЕСТНЫЕ НАЗВАНИЯ АНТРОПОИДОВ.](#)

[ГЛАВА VI. ЖИЗНЬ В ПЛЕНУ.](#)

[ГЛАВА VII. МЕСТО АНТРОПОИДОВ В ЗООЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ.](#)

[ГЛАВА VIII. РЕЗЮМЕ, ВМЕСТЕ С НЕКОТОРЫМИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ РАЗМЫШЛЕНИЯМИ О АНТРОПОМОРФИЗМЕ ГОРИЛЛ, ШИМПАНЗЕ, ОРАНГУТАНОВ И ГИББОНОВ.](#)

[ПРИЛОЖЕНИЕ.](#)

[ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ГЛАВЫ I.](#)

[СНОСКИ.](#)

[УКАЗАТЕЛЬ.](#)

[Примечания транскрибатора](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга Проекта Гутенберга «Человекообразные обезьяны»

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и в большинстве других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Человекообразные обезьяны

Автор: Роберт Хартманн

Дата выпуска: 27 февраля 2025 г. [электронная книга № 75484]

Язык: английский

Оригинальное издание: Лондон: Kegan Paul, Trench & Co, 1885

Благодарности: deaurider и команде онлайн-корректоров <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, любезно предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «АНТРОПОИДНЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ» ***

Примечание транскрибатора

Большинство иллюстраций можно увидеть в увеличенном виде, щелкнув по ним правой кнопкой мыши и выбрав опцию для просмотра отдельно, или дважды нажав на них и/или растянув их.

Новая оригинальная обложка, включенная в эту электронную книгу, является общественным достоянием. Она использует оригинальную обложку с добавлением названия и имени автора, добавленными транскриптором.

[Дополнительные примечания](#) можно найти в конце этой электронной книги.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ СЕРИЯ.

Том LIII.

АНТРОПОИДНЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ

РОБЕРТ ХАРТМАНН

ПРОФЕССОР БЕРЛИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

С 63 ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

ЛОНДОН

КЕГАН ПОЛ, ТРЕНЧ И КО, 1, ПАТЕРНОСТЕР СКВЕР

1885

(Права на перевод и воспроизведение защищены)

СОДЕРЖАНИЕ.

ГЛАВА	СТРАНИЦА
I. РАЗВИТИЕ НАШИХ ЗНАНИЙ ОБ АНТРОПОИДНЫХ ОБЕЗЬЯНАХ	1
II. ВНЕШНИЙ ВИД ЧЕЛОВЕКООБРАЗНЫХ ОБЕЗЬЯН	11
III. ВНЕШНЕЕ И АНАТОМИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ ЧЕЛОВЕКООБРАЗНЫХ ОБЕЗЬЯН В СРАВНЕНИИ СО СТРОЕНИЕМ ЧЕЛОВЕКА	55
IV. О РАЗНОВИДНОСТЯХ АНТРОПОИДОВ	210
V. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ, ПОВАДКИ В ЕСТЕСТВЕННОЙ СРЕДЕ ОБИТАНИЯ И МЕСТНЫЕ НАЗВАНИЯ АНТРОПОИДОВ	225
VI. ЖИЗНЬ В НЕВОЛЕ	257
VII. МЕСТО АНТРОПОИДОВ В ЗООЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ	285
VIII. РЕЗЮМЕ С НЕКОТОРЫМИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ СООБРАЖЕНИЯМИ ОБ АНТРОПОМОРФИЗМЕ ГОРИЛЛ, ШИМПАНЗЕ, ОРАНГУТАНОВ И ГИББОНОВ	290
ПРИЛОЖЕНИЕ	309
УКАЗАТЕЛЬ	321

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

РИС.	СТРАНИЦА
1. Пожилой самец гориллы	14
2. Ухо взрослого самца гориллы	17
3. Молодой самец гориллы, из экземпляра в Берлинском аквариуме 1876–77 гг.	22
4. То же самое животное в еще более раннем возрасте	23
5. Ухо шимпанзе	31
6. Молодой шимпанзе	33
7. Голова и плечи пожилого самца орангутана	38
8. Ухо орангутана	39
9. Взрослый самец орангутанга	40
10. Голова белорукого гиббона	47
11. Ухо белорукого гиббона	48
12. Левая рука <i>Hylobates albimanus</i>	49
13. Левая нога того же животного	50
14. Ваува на переднем плане слева (<i>Hylobates agilis</i>); на заднем плане справа две стройные обезьяны (<i>Semnopithecus entellus</i>)	51
15. Череп пожилого самца гориллы в профиль	56
16. Вид спереди черепа пожилого самца гориллы	57
17. Скелет пожилого самца гориллы	65
18. Череп пожилого самца шимпанзе	69
19. Череп очень молодой самки шимпанзе	73
20. Скелет предплечья и кисти центральноафриканского шимпанзе	74
21. Скелет стопы центральноафриканского шимпанзе	76
22. Череп самцы орангутанга среднего возраста	77
23. Скелет молодого орангутана	79
24. Король зулусов Кетчвайо в боевом снаряжении с двумя своими воинами	85
25. Айданил, безволосый австралиец	88

26.	То же самое в профиль	88
27.	Деван, сестра Айданилла	90
28.	Человеческое ухо	93
29.	Magot (<i>Innuus ecaudatus</i>)	94
30.	Капуцин (<i>Cebus capucinus</i>)	98
31.	Рука очень пожилого самца гориллы	103
32.	Рука Хаммега из Росереса, на Голубом Ниле	104
33.	Обезьяна Сатаны (<i>Pithecia Satanas</i>). Показывает строение и способ использования лап у обезьян Нового Света	106
34.	Человеческий череп	108
35.	Череп неандертальца	115
36.	Нижняя челюсть из Мулен-Киньон	119
37.	Нижняя челюсть Наулетта	120
38.	Нижняя челюсть шимпанзе	120
39.	Сагиттальный срез черепа шимпанзе	123
40.	Скелет человека	132
41.	Скелет пожилого самца гориллы	133
42.	Скелет человеческой руки, вид сзади	136
43.	Срез плосконой большеберцовой кости из Кро-Маньона	138
44.	Срез большеберцовой кости самца гориллы	138
45.	Срез большеберцовой кости самца шимпанзе	138
46.	Скелет человеческой стопы, вид сверху	140
47.	Коаита (<i>Ateles paniscus</i>)	142
48.	Мышцы головы и лица европейца	151
49.	Мышцы головы монжальского негра	152
50.	Мышцы головы гориллы, представленные на рис. 3	153
51.	Ладонные мышцы человека	168
52.	Ладонные мышцы гориллы	169
53.	Мышечная система тыльной стороны ладони гиббона	170
54.	Мышечная система стопы человека	177
55.	Мышцы на верхней стороне стопы шимпанзе	178
56.	Мозг орангутана, вид сбоку	191

57.	Мозг шимпанзе, вид сверху	<u>192</u>
58.	Мозг гориллы, вид сбоку	<u>193</u>
59.	Мозг орангутана, вид сверху	<u>194</u>
60.	Продольный срез мозга гориллы	<u>196</u>
61.	Мафука	<u>216</u>
62.	Дом гориллы	<u>230</u>
63.	Лазающий орангутан, вид сзади	<u>244</u>

АНТРОПОИДНЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ.

ГЛАВА I.

РАЗВИТИЕ НАШЕГО ЗНАКОМСТВА С ЧЕЛОВЕКООБРАЗНЫМИ ОБЕЗЬЯНАМИ.¹

НАШЕ первое знакомство с человекообразными обезьянами датируется временами глубокой древности. Западное побережье Африки, которое является местом обитания этих животных, было известно карфагенянам еще в 500 году до нашей эры. В 470 году до нашей эры Ганнон отправился с шестьюдесятью галерами с пятьюдесятью веслами, груженными колонистами и товарами, в грандиозную экспедицию через Марокко в Верхнюю Гвинею. Цель экспедиции была отчасти торговой, отчасти связанной с созданием колонии. По-видимому, к тому времени пионерские экспедиции уже показали им, насколько побережье подходило для колонизации. Карфагеняне встретили «гориллай» в нижней части гор острова Шерборо () и в горном районе Сьерра-Леоне ([1](#)). Их описывают как волосатых лесных существ, которые отвечали на нападения моряков, бросая в них камни. Трое из этих чудовищ женского пола были пойманы, но они так яростно кусались и царапались, что их пришлось убить на месте. Плиний сообщает, что во время римского вторжения в 146 году до н. э. две шкуры, добытые в ходе этой экспедиции, все еще хранились в Карфагене, в храме Астарты ([2](#)). Впоследствии было доказано, что в этих «гориллах» описывались шимпанзе, а не настоящие гориллы. Последние в настоящее время не встречаются так далеко на севере.

¹ Список многочисленных источников, на которые опирается содержание этой главы, приведен в конце тома.

Старое изображение шимпанзе в мозаике было найдено на мостовой храма Фортуны в Пренесте (ныне Палестрина). Эта мозаика сейчас находится в музее в Риме и была описана несколькими авторами. Она изображает сцену в тропической Африке, вероятно, на Верхнем Ниле. Мне трудно распознать шимпанзе на мозаике среди жирафов, бегемотов, крокодилов и других представителей животного мира тропической Африки (3). Но хорошо известно, что эти крупные обезьяны встречаются на некоторых реках Верхнего Нила, например, в Ниама-Ниама и Уганде. Плиний пишет об этих животных: «На индийских горах к югу, в стране Катарклуби, обитают сатиры. Это самые быстрые из существ, иногда передвигающиеся на четвереньках, иногда прямо, как люди, и они настолько активны, что их можно поймать только старых или больных» ([4](#)). Этих сатиров отождествляют с орангутанами, но речь может идти и о гиббонах (), которые в вертикальном положении быстрее и проворнее орангутанов.

После того отдаленного периода, о котором мы упоминали, о этих замечательных животных долгое время ничего не было слышно. Только в то время, когда Португалия попала под власть Испании, мы слышим о них что-то из Конго и Анголы. Моряк Эдуардо Лопес дал описание шимпанзе, которое было опубликовано Пигафеттой в 1598 году ([5](#)). Более поздние описания очень крупных обезьян можно найти в трудах Педро да Синтра ([6](#)), отца Меролла из Сорренто ([7](#)), Фроже ([8](#)) и Уильяма Смита ([9](#)).

Смит дает изображение шимпанзе под ошибочным названием мандрил (*Cynocephalus Maimon*). Иллюстрация плохая, но его можно узнать по описанию. В 1641 году голландский анатом Н. ван Тулпе (Tulpius) дал более удачное изображение этого антропоида ([10](#)). Этот натуралист заметил, что рассматриваемое животное, *Homo sylvestris* или орангутан (*Satyrus*

indicus), африканцы называют quojas moggou. Анатомическое описание шимпанзе, которое до сих пор имеет большую ценность, было дано Тайсоном в 1699 году ([11](#)). Анатомические иллюстрации, включенные в эту работу, замечательно хорошо выполнены для того времени.

Наше биологическое знакомство с западноафриканскими антропоидами значительно расширилось благодаря рассказу, сделанному в XVI веке авантюристом Баттелем из Ли, Эссекс. Этот человек прошел через леса Нижней Гвинеи в качестве сержанта португальских войск под командованием губернатора Анголы Дона Мануэля Сильвейра Перейры. В 1613 году рассказ Баттеля был опубликован его соседом Пурчасом в его книге «Пилигримы» ([12](#)). Баттель говорит о двух видах крупных обезьян, энгеко и понго, которые обитали в лесах на берегах рек Банна и Майомбе. Энгеко соответствует нджеко или ншего (шимпанзе), а понго — нпунгу из Лоанго, или горилле. Описание Баттелем повадок этих животных содержит некоторые характерные детали, которые нас сейчас интересуют. Наше самое раннее знакомство с самым крупным из всех антропоидов можно датировать карьерой этого авантюриста.

Голландский врач Оливер Даппер в 1668 году опубликовал подробное описание Африки ([13](#)), в котором содержится много ценной информации, и упоминает о крупных обезьянах, называемых quojas moggau или moggou, обитающих в королевстве Конго ([14](#)). По-видимому, он имеет в виду шимпанзе.

Некоторые сведения о горилле, к сожалению, довольно расплывчатые, были недавно приведены Боудичем в его очень интересной работе «Миссия Англо-африканской компании в Ашанти» ([15](#)). Он говорит, что на территории Габона обитает несколько замечательных видов обезьян, среди которых ingenu (горилла) является самым странным. Местные жители утверждали, что это животное намного больше орангутана, обычно достигает пяти футов в высоту и четырех футов в ширину от плеча до плеча.

В 1847 году доктор Сэвидж, протестантский миссионер в Габоне, сообщил выдающемуся анатому Уэйту Оуэну (Owen), что в этой стране обитает обезьяна, крупнее шимпанзе. В дополнение к этой информации он прислал несколько рисунков черепов, выполненных женой английского миссионера Принса, на которых хорошо видна сильно развитая надглазничная дуга. Сэвидж дал этому животному название *Troglodytes Gorilla*, чтобы отличить его от *Troglodytes niger*, шимпанзе. Оуэн также описал два черепа горилл, присланных ему из Габона ([16](#)). Череп гориллы, присланный в Бостон миссионером Уилсоном, был нарисован и описан профессором Джеффрисом Уайманом, а вместе с ним были опубликованы и заметки дарителя ([17](#)). В 1851 году скелет гориллы попал в Филадельфию через медицинского миссионера Х. А. Форда, который также опубликовал последние сведения о новом антропоиде ([18](#)). В 1849 году некоторые останки гориллы попали в Париж через Готье Лабулайе, и этот ценный вклад в естественную историю был получен де Бленвилем и Исидором Жофруа Сен-Илером. В 1851 и 1852 годах более совершенные останки были представлены в музей в Париже доктором Франке и адмиралом Пено. В прекрасно иллюстрированных работах де Бленвиля ([19](#)), И. Жоффрау Сен-Илера ([20](#)) и Дювернуа ([21](#)) они представлены с большой тщательностью. Великолепная иллюстрация одного из этих экземпляров, отлично забальзамированного взрослого самца, украшает книгу «*Photographie zoologique*» Л. Руссо и А. Деверия, которая, насколько мне известно, была опубликована без какого-либо текста ([22](#)). Эта иллюстрация настолько верна природе, что я использовал ее в одной из своих ранних публикаций ([23](#)).

Поль Беллони дю Шайю, родившийся в Северной Америке во французской семье и выросший в торговом доме своего отца на Габоне, в 1855–1865 годах путешествовал по

землям, граничащим с Габоном, Огове и Фернао-Васом; он утверждал, что участвовал в охоте на горилл, и опубликовал несколько книг о своих путешествиях ([24](#)). Критический взгляд на эти работы был высказан, в частности, А. Э. Бремом и Уинвудом ([25](#)); иллюстрации в них неполные, а текст полон приключенческих рассказов. Информация Дю Шайю об африканских антропоидах была опубликована в «Трудах Лондонского зоологического общества» ([26](#)). Его замечательная коллекция останков обезьян была описана Джеффрисом Уайманом ([27](#)), которому мы также обязаны за информацию о материалах, собранных Сэвиджем ([17](#)).

Оуэн опубликовал поучительные анатомические трактаты о гориллах и шимпанзе, в дополнение к уже упомянутым. Этот английский профессор имел возможность вскрыть молодого самца гориллы, несовершенно сохранившегося в спиртовом растворе ([28](#)). Путешественники Бертон ([29](#)), де Компьень ([30](#)), Савонган де Брацца ([31](#)), Ленц ([32](#)), члены немецко-африканской экспедиции в Лоанго ([33](#)) и фон Коппенфельс ([34](#)) также внесли свой вклад в изучение горилл в дикой природе. Другие работы по зоологии и анатомии этого животного были опубликованы уже упомянутым Дювернуа, Дальбомом ([35](#)), Геккелем ([36](#)), Флауэром ([37](#)), Issel ([38](#)), Giglioli ([39](#)), Chapman ([40](#)), Mivart ([41](#)), Macalister ([41A](#)), Von Aeby ([42](#)), Lucae ([43](#)), Ecker ([44](#)), Bolau ([45](#)), Pansch ([46](#)), Lenz ([47](#)), A. B. Meyer ([48](#)), R. Meyer ([49](#)), Bischoff ([50](#)), Ehlers ([51](#)), Virchow ([52](#)), Von Bär ([53](#)), автором данной работы ([54](#)) и др. Дювернуа, Чепмен, Бишофф, Болау, Элерс и я, как и Оуэн, имели возможность вскрыть идеальные экземпляры горилл. Два из экземпляров, которые попали в мои руки, были, без сомнения, в наилучшем состоянии, поскольку я получил их сразу после их смерти в Берлине. Более крупный экземпляр самки, высотой 1000 мм, был в худшем состоянии, но все же вполне пригодном для целей исследования.

Список анатомических трактатов о гориллах еще не исчерпан. Ценную информацию можно найти в антропологических работах К. Фогта ([55](#)), в трудах Прунера-Бея ([56](#)) и Магито ([57](#)), в работах Дарвина ([58](#)), в «*Histoire Naturelle des Mammifères*» Жерве ([59](#)), в «*Anatomy of Vertebrated Animals*» Хаксли ([60](#)), в «*Osteology of the Mammalia*» Флауэра ([61](#)), в «*Odontographie*» Гибеля ([62](#)) и во многих других справочниках и трактатах по естественной истории, которые я не могу упомянуть из-за нехватки места.

Насколько мне известно, в 1860 году в Англию прибыла первая живая горилла. Она прожила после прибытия семь месяцев, и недавно в «Трудах Лондонского зоологического общества» ([63](#)) была опубликована хорошая иллюстрация этого животного с кратким описанием. В конце июня 1876 года доктор Фалькенштайн привез вторую живую гориллу из Лоанго в Берлин. С 1874 года она содержалась в неволе в этой стране на немецкой станции Чинчоксо, а умерла 13 ноября 1877 года в Берлинском аквариуме. Доктор Гермес получил третий экземпляр в сентябре 1881 года, который умер вскоре после прибытия в Берлин. В 1883 году четвертый экземпляр все еще выживал в Берлинском аквариуме.

Шимпанзе стали более распространенным объектом зоологических и анатомических исследований в более ранний период, поскольку этот вид занимал более обширную территорию, чем горилла, и его было легче поймать. Я уже упоминал наблюдения Ганно по этому вопросу и животное, описанное фон Тульпе. В 1740 году Бюффон видел молодой экземпляр шимпанзе, а еще один существовал в то же время в Лондоне. В томе 35, табл. 2, своей «Естественной истории» Бюффон дает иллюстрацию шимпанзе, а на табл. 3 изображен орангутан, не очень точный, но все же узнаваемый ([64](#)). Обычно считается, что голландский путешественник Босман, цитируемый Бюффоном, был знаком как с гориллой, так и с шимпанзе. Он говорит об обезьяне высотой около пяти футов, живущей недалеко от форта Вимба, «d'une couleur fauve» ([65](#)). Хотя Бюффон был знаком с названиями «шимпанзе» и «chimpezée», а также с предположениями Баттеля о понго и энджеко, он

считал джoko, понго и орангутангов животными, принадлежащими к одному виду. Молодые африканские животные, наблюдаемые им и фон Тульпе (шимпанзе), должны были быть молодыми понго ([66](#)). Название «понго» впоследствии было применено к старому уродливому орангутангу. Кожа и скелет шимпанзе, наблюдаемого Буффом еще при жизни, хранились в Зоологическом музее в Париже вплоть до 1842 года ([67](#)). В каталоге этого благородного учреждения ([68](#)) есть прекрасная иллюстрация молодой самки, которая жила в зверинце Jardin des Plantes в Париже в 1838 году. Эта иллюстрация, на которой животное изображено на четвереньках, с тех пор часто копировалась. Также были сделаны копии рисунков того же самого животного в положении стоя и качающегося на одной руке, которые первоначально появились в знаменитом каталоге музея Парижа, составленном Велином. Ис. Жоффруа Сен-Илер и Дальбом дали хорошие иллюстрации головы и тела старого самца шимпанзе ([69](#)). Многочисленные и в большинстве своем правильные изображения шимпанзе были представлены в нескольких современных работах и иллюстрированных изданиях ([70](#)). Несомненно, лучшие изображения шимпанзе, исправленные на основе фотографий, сделанных с натуры, можно найти в моем остеологическом трактате о гориллах, который появился в 1880 году, а также в небольшой книге, которая предшествовала ему ([71](#)). Форма и образ жизни этого вида обезьян довольно хорошо описаны Бишоффом ([72](#)), а также в уже упомянутых книгах, и особенно в книгах Темминк ([73](#)), Жерве, Райхенбаха и Брема. В последнее время появилось много возможностей для описания тел шимпанзе. Замечания по анатомии этого животного можно также найти в работах Тайсона ([11](#)), Вролика ([74](#)), Чампни ([75](#)), Брюля ([76](#)) и Шредер ван дер Колка и Вролика ([77](#)), а также в уже упомянутых нами работах Оуэна, Дювернуа, Бишоффа, Исселя, Джильйоли, Ленца и др. Дю Шайю ([26](#)), Дювернуа ([78](#)), Бишофф ([50](#)), Гратиоле и Аликс ([79](#)), А. Б. Мейер ([80](#)) и автор настоящей работы ([81](#)) рассматривали внешнюю форму и внутреннее строение новых видов обезьян и разновидностей шимпанзе.

С момента появления работы Восмаера ([82](#)) о орангутангах было написано много, в частности Радемахером ([83](#)), Вурмбом ([84](#)), Гриффитом ([85](#)), Темминком ([86](#)), Шлегелем и С. Мюллером ([87](#)), Ис. Жоффруа Сен-Илер ([88](#)), Брук ([89](#)), Абель ([90](#)) и Уоллес ([91](#)). Кампер ([92](#)), Оуэн ([93](#)), Дж. Мюллер ([94](#)), Шлегель и С. Мюллер ([95](#)), Хойзингер ([96](#)), Дюмортье ([97](#)), Брюль ([98](#)), Бишофф, Лангер ([99](#)) и др. изучали анатомию этого животного. Хорошие иллюстрации орангутана можно найти в каталоге Велена, скопированном Шену ([100](#)) и Жерве ([101](#)), а также в работе Уоллеса; кроме того, в рисунках Мютцеля ([102](#)) и Макса ([103](#)) и в моей работе о горилле, уже упомянутой выше.

Тилезиус ([104](#)) и Кювье ([105](#)) уже показали, что молодой понго Вурмба идентичен орангу Линнея. Теперь мы точно знаем, что название понго (p'runge в Лоанго) должно применяться только к горилле.

Четвертый и самый маленький вид человекообразных обезьян, индийские длиннорукие обезьяны или гиббоны, были недавно описаны с точки зрения их формы и образа жизни различными путешественниками и натуралистами, в частности Дювоселем ([106](#)), Беннетом ([107](#)), Мартином ([108](#)), Льюисом ([109](#)), С. Мюллер ([110](#)), Диар ([111](#)); а также Бюффон ([112](#)), Ис. Жоффруа Сент-Илер ([113](#)) и Блайт ([114](#)) и др. Гулливер ([115](#)), Бишофф ([116](#)) и автор настоящей работы изучали анатомию этих существ.

ГЛАВА II.

ВНЕШНЯЯ ФОРМА ЧЕЛОВЕКООБРАЗНЫХ ОБЕЗЬЯН.

У горилл, шимпанзе и орангутанов внешний вид подвержен существенным изменениям в зависимости от возраста и пола. Различия между полами наиболее заметны у горилл, а наименее заметны у гиббонов.

Когда молодого самца гориллы сравнивают со старым животным того же вида, возникает почти соблазн поверить, что мы имеем дело с двумя совершенно разными существами. В то время как молодой самец все еще демонстрирует явное сходство с человеческой структурой и развивает в своих телесных привычках те же качества, которые обычно характеризуют короткохвостых обезьян Старого Света, за исключением бабуина, старый самец имеет иную форму. В последнем случае сходства с человеческим типом гораздо меньше; пожилое животное стало гигантской обезьяной, сохранив в строении рук и ног характеристики приматов, в то время как выступающая голова чем-то напоминает морду бабуина, медведя, и кабана. Одновременно с этими замечательными изменениями внешней структуры происходит изменение скелета. Череп пожилого самца гориллы становится более прогнатическим, а резцы почти достигают длины резцов львов и тигров. В верхней части черепа, которая в молодости имеет округлую форму, на макушке и затылке развиваются большие костные гребни, которые поддерживаются высокими остистыми отростками шейных позвонков и, таким образом, служат отправной точкой для мощных мышц шеи и челюсти. Надочничные дуги покрыты морщинистой кожей, что усиливает и без того дикий и даже отталкивающий вид старого горилла. Сравнение двух иллюстраций (рис. 1 и 3), сопровождающих текст, ясно показывает это.

Эти различия не так заметны у самок, как у самцов горилл. Хотя во внешнем виде пожилой самки многое напоминает животное, у нее отсутствуют гребни, так ярко выраженные у самцов, выступающие глазницы и сильные мышечные подушки, а также прогнатическая форма черепа и длина и толщина клыков. Пожилая самка гориллы по своему строению не так сильно отличается от молодой особи того же пола, как пожилой самец. Строение самки в целом имеет больше общего с человеческим. Было сказано, и действительно с полным основанием, что при изучении строения животных первое место следует отдать женскому типу, поскольку он является более универсальным. Но Х. фон Натузиус утверждает, что при изучении домашних животных мы должны учитывать оба пола, поскольку оба необходимы для определения породы.^[2] Я согласен с этим условием и при научном изучении и описании диких животных всех видов и разновидностей. Все, что говорится об универсальном типе самок животных, является и должно оставаться в моих глазах простой фразой. Только точное наблюдение за самцами и самками, а также за молодыми особями обоих полов может пролить достаточно света на историю расы. Самец животного крупнее и доминирует в отношении полного развития определенных особенностей формы в конкретном организме, поскольку они сомнительно присутствуют у взрослой самки и либо полностью отсутствуют у незрелых молодых особей, либо являются лишь зачаточными.

Рассмотрим теперь, в первую очередь, прототип вида — пожилого самца гориллы в полной силе своего физического развития ([рис. 1](#)). Это животное, стоя в вертикальном положении, имеет рост более шести футов, или 2000 мм. Длина головы составляет 300 мм. Затылок кажется более широким внизу, чем вверху, поскольку верхняя часть наклоняется, как двускатная крыша, к высокому продольному гребню темени. Выступающие надглазничные дуги начинаются от верхнего и центрального контура черепа. У этого вида, как и у других человекообразных обезьян, и вообще у млекопитающих, особенно у плотоядных, жвачных и многокопытных, имеются брови (). У горилл они состоят из довольно скудного роста угольно-черных щетинок длиной около 40 мм. Под выступающими надглазничными дугами находятся глаза, открывающиеся узкими щелями, с веками, на которых видны многочисленные глубокие продольные складки. Верхнее веко имеет более длинные и густые ресницы, чем нижнее. Темные глаза светятся между веками с свирепым выражением.

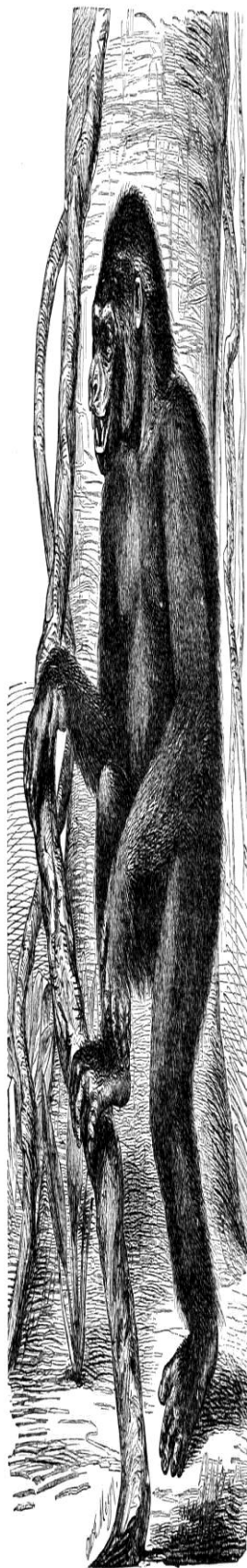

Рис. 1. Пожилой самец гориллы.

Переносица постепенно поднимается наружу от внутренних уголков глаз и имеет форму киля в центре. Эта часть головы имеет длину от 70 до 80 мм, у одних особей она длиннее и уже, у других — короче и шире. Кожа в этой области покрыта сетью морщин разного размера. Кончик носа и ноздри высокие, конические и очень широкие у основания. Эта часть носа, прикрепленная к очень выступающему лбу, создает впечатление морды, похожей на рыло. Она пересекается центральной продольной бороздой, которая делит весь кончик носа на две симметричные половины. Эта борозда более выражена у взрослых животных, чем у молодых. Отверстия ноздрей большие и треугольные, с хрящевой вершиной, обращенной вверх, а края, прилегающие к переносице и щекам, имеют несколько отступающий вид. Боковые края этой части ноздрей имеют арочную форму, сначала расходясь в разных направлениях, а затем постепенно сходясь снова к верхней губе. Губа короткая, что в сочетании с большим носом придает ей некоторое сходство с пастью быка (). Это сходство тем более поразительно, что вся эта область покрыта железистой кожей глубокого черного цвета, которая либо гладкая, либо покрыта несколькими разбросанными волосками, но снабжена небольшими уплощенными бородавками.

Ниже глаз щеки широкие и очень круглые, сужаются и становятся вдавленными в нижней части лица. Они покрыты изогнутыми морщинами различной глубины, которые направлены вниз в том же направлении, что и морщины на нижних веках. Короткая верхняя губа имеет косые складки, которые сходятся наружу в центре. Концы крепких клыков, которые у многих особей имеют длину от 38 до 40 мм и ширину 20 мм, немного расходятся друг от друга и растягивают верхнюю губу в косом направлении, так что эта часть лица принимает форму треугольной скошенной поверхности с выступающей базовой линией между клыками. Можно также заметить, что у многих особей этого вида нос не очень глубоко посажен на верхней губе; у других же нос явно приподнят, и губа представляет собой лишь небольшой край под носом. Во многих таких случаях прогнатия лица сильно выражена, что придает ему сходство с бабуином. У других особей этот упрощенный тип не сопровождается сильно выраженной прогнатией.

Если мы посмотрим на череп пожилого самца гориллы спереди, то увидим, что верхние края больших надглазничных дуг скошены внизу и по бокам. Эта скошенная форма повторяется в широких скулах, как мы видим их спереди. Вид головы спереди, как и всего животного, представляет собой сильно выступающий контур, впечатление от которого усиливается вздутыми щеками с боковыми жировыми подушками. Нижняя челюсть с едва заметным подбородком отступает в центре и сужается до треугольной формы. Этот контур характерен для данного вида. Вся кожа лица блестящая, с небольшим количеством волос и глубокого черного цвета.

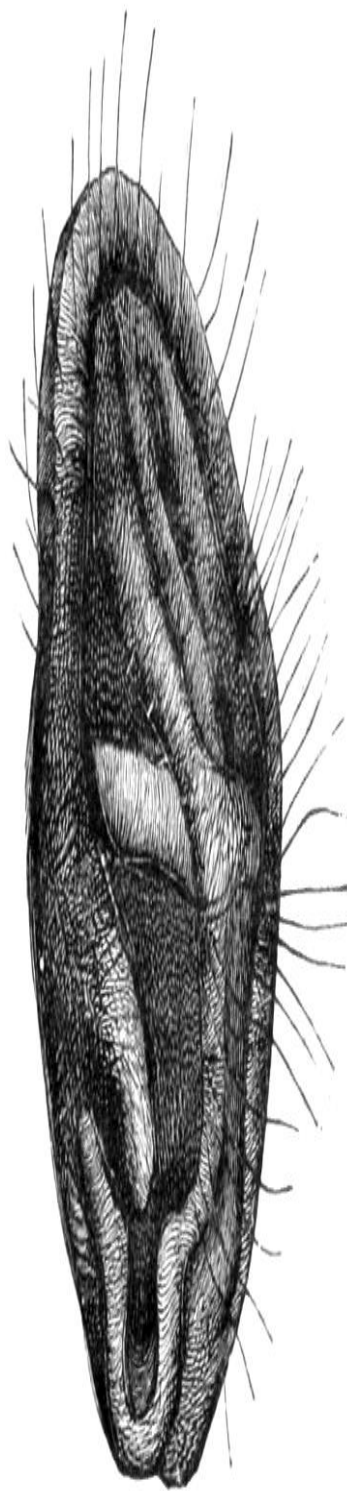

Рис. 2. Ухо взрослого самца гориллы.

Ухо ([рис. 2](#)) в среднем имеет длину 60 мм и ширину от 36 до 40 мм. Оно, по-видимому, прикреплено к голове задней и верхней частью, обычно имеет овальную форму и снабжено сильно выраженной ушной раковиной. Ширина ушной раковины варьируется у разных особей и часто заканчивается на внутреннем крае выступающим заостренным наростом, описанным Дарвином, о котором я расскажу подробнее ниже. Антигеликс, трагус, антитрагус и щель между этими двумя последними частями (*incisura inter tragica*) обычно

полностью развиты (); мочка встречается реже. Часто можно наблюдать индивидуальные вариации в особой структуре этих частей.

Сильные трапециевидные мышцы хорошо заметны на шее, и когда голова вытянута, они выделяются как столбы по бокам шеи. Благодаря значительному развитию остистых отростков шейных позвонков и прикрепленных к ним мышц, а также затылочных костей черепа, шея очень мощная, почти как у быка. Плечи отличаются шириной, а грудные мышцы — большим размером. Соски груди, не окруженные видимыми *ареолами*, в молодости выделяются, а затем приобретают роговую текстуру, которая затвердевает, превращаясь в своего рода кость. Когда одно из этих животных наедается досыта, пупок по-прежнему виден на бочонкообразном, округлом животе, бока которого впадают, когда желудок пуст.

На предплечьях и запястьях очень заметна пластичная форма сильно развитых сгибательных и разгибательных мышц, свидетельствующая об огромной силе верхних конечностей. Руки большие и очень широкие, с короткими толстыми пальцами. Большой палец, кончик которого имеет коническую форму, короткий, немного выходит за середину второй пястной кости. Концы широких пальцев несколько сдавлены в боковом направлении. Указательный палец не намного короче среднего. Третий палец иногда короче, иногда такой же длины, как первый, а четвертый — заметно короче. Задняя часть запястья покрыта глубокими косыми складками. Сеть морщин, косых или изогнутых, также покрывает кожу на тыльной стороне пальцев, на которой имеются мозоли до первого сустава. Горилла сжимает пальцы, когда ходит на четвереньках, и поворачивает тыльную сторону ладони на землю, что приводит к утолщению верхнего слоя кожи на суставах. Мозоли того же характера, хотя и не столь обширные, не редкость на вторых суставах пальцев. Ладонь покрыта твердой, ороговевшей кожей, обычно покрытой бородавками, особенно у основания пальцев. Несмотря на черноту кожи, покрывающей их, эти особенности все же заметны.

Пальцы соединены прочной перепонкой, напоминающей мембрану, которую можно увидеть у выдр и других перепончатопалых животных, и доходящей почти до первого сустава пальца. Густой слой шерсти простирается до основания пальцев, хотя на тыльной стороне пальцев есть только несколько отдельных волосков.

Спина гориллы, если смотреть сзади, по форме напоминает трапецию, длинная из двух параллельных сторон которой проходит между плечами, а короткая — между двумя половинами таза. Продольные стороны, которые не параллельны, соответствуют бокам спины. Расположение всей нижней части туловища, на которой кости таза выделяются в косом направлении, несколько напоминает четырехстороннюю пирамиду с перевернутой вершиной. Ягодичные мышцы не сильно развиты. Бугор седалищной кости выступает в несколько угловатой форме.

В то время как наружные половые органы мужчины настолько покрыты морщинистой кожей живота, что в пассивном состоянии они не заметны, у женщины они, напротив, очень заметны; наружные губы влагалища, снабженные большими нимфами, и большой клитор заметны только при возбуждении полового инстинкта.

Бедра покрыты сильными мышцами, которые кажутся сглаженными с внутренней стороны и несколько выпуклыми с внешней. Нижняя часть ноги также мускулистая, ее сечение имеет форму длинного овала; область икры более развита, чем у других антропоидов. Кости стопы совсем не выделяются, то же самое можно сказать и о костях кисти. Контур задней части длинной, широкой стопы плоский; подошва выпуклая, покрыта сильными мышцами и проложенная слоями жира. Когда животное ставит подошву стопы на землю, его мышцы отходят назад к области пятки и вперед к внутренней стороне стопы, образуя таким образом примитивную форму пятки.

Большой палец, как у всех обезьян, отделен от других пальцев, как большой палец руки, и может использоваться как таковой. Плюсна служит основой для его выпячивания, так же как большой палец руки начинается от передней части контура запястья. Большой палец иногда простирается до сустава между первой и второй фалангами второго пальца, иногда почти до середины второй фаланги. Эта характеристика варьируется у разных особей. В месте соединения первой плюсневой кости с задним концом первой фаланги большого пальца на внутренней стороне стопы имеется круглый выступ. Большой палец очень широкий у основания, затем становится меньше, а затем снова расширяется в широкую конечную фалангу. Благодаря сильным боковым гребням кожи, которые покрывают сухожилия и жировые подушки, вся эта часть стопы выглядит широкой и уплощенной от задней части до подошвы.

Второй, третий, четвертый и пятый пальцы более тонкие, чем большой палец. Второй палец в большинстве случаев короче третьего. Третий и четвертый пальцы почти одинаковой длины и лишь немного длиннее второго пальца.³ Пятый палец значительно короче четвертого. Последние фаланги пальцев ног сужаются к передней части и снабжены на нижней поверхности длинными, сдавленными с боков подушечками. Сечение такой фаланги почти трапециевидное, с длинной верхней параллельной стороной. Верхняя часть стопы, хотя и в целом плоская, немного приподнимается в районе первой плюсневой кости и оттуда наклоняется к внешнему краю.

Волосы густо растут на тыльной стороне стопы до конца плюсневых костей, более редко — на тыльной стороне пальцев. На этой части стопы, особенно на суставах, имеются сильно выраженные косые борозды, часто сочетающиеся с роговыми мозолями (), поскольку животное иногда сгибает пальцы и бежит на их тыльной стороне. Ногти на руках и ногах черные, как и вся кожа, покрывающая их, с четкими бороздками, сильно выпуклые и, как правило, несколько шире у основания, чем в передней части.

Рис. 3. Молодой самец гориллы, экземпляра из Берлинского аквариума 1876–77 гг.

На подошве стопы мы находим область пятки, подушечку большого пальца, в данном случае напоминающую подушечку большого пальца руки, корни и кончики пальцев, а также подушечки, состоящие из мышц, сухожилий, соединительной ткани () и кожи. Несколько частей этих подушечек отделены друг от друга бороздками, которые являются продольными, косыми и поперечными и более или менее отчетливыми друг от друга. Черная кожа, покрывающая подошву стопы, толстая и ороговевшая, но снабжена рядом сосочков. Вся кожа пожилого животного имеет темно-черный цвет, несколько блестящий, и покрыта пересекающимися морщинами.

Рис. 4. — То же животное в еще более раннем возрасте.

Молодой самец гориллы по своему общему и внешнему виду не отличается от старого самца. Однако его череп не имеет характерного для последнего животного гребня и все еще имеет округлую форму в области темени и затылка. В этом возрасте голова не такая высокая сзади и наверху, как у пожилых самцов. Глазницы менее выпуклые, общий вид лица

не столь явно прогнатический, а переносица короче. Линии тела у молодого самца более мягкие и менее выраженные, а выражение лица менее свирепое, чем у пожилого самца. Роговые мозоли на руках и ногах полностью отсутствуют или слабо выражены, а руки, пальцы рук и ног еще не достигли того мощного развития, которое мы наблюдаем у более взрослых животных. (Ср. рис. 3 и 4.)

Значительные различия можно наблюдать во всей структуре взрослой самки гориллы. Животные этого пола меньше и слабее самцов того же возраста. Череп самки меньше и более округлый, чем у самца, а большие костные гребни также отсутствуют. Глазницы менее заметны, и вид головы спереди создает впечатление трапецевидной формы. Коронарная дуга поднимается над этой трапецией. У самцов, напротив, макушка головы кажется удлинённой сверху и сзади, принимая пирамидальную форму. У пожилых самок переносица обычно короче, чем у пожилых самцов, но даже в этом отношении наблюдаются большие различия между отдельными особями. Иногда переносица у женщин сильно вдавлена, и тогда расстояние между глазами и концом носа короче: я намеренно избегаю термина «кончик носа» из-за тупой формы этого органа. Даже когда переносица более заметна, расстояние между ее концом и глазами иногда бывает очень коротким.

Пожилая самка гориллы обычно имеет более широкие щеки, меньший нос и более высокую верхнюю губу. Эта последняя особенность продемонстрирована на правильных и хорошо забальзамированных экземплярах в музеях Парижа и Любека. Хотя в процессе сушки кожа носа могла немного сжаться, все же остается место для верхней губы, снабженной складками, которые либо вертикальны и параллельны, либо расходятся веером. Оуэн и Мютцель⁽⁴⁾ дали удовлетворительные иллюстрации этих частей. У пожилой женщины форма шеи не такая, как у пожилого мужчины, сильная и выпуклая, напоминающая капюшон. Тем не менее, она увеличена в соответствии с немалым развитием остистых отростков шейных позвонков и мощных шейных мышц. Даже у молодого самца, возраст которого соответствовал возрасту экземпляра, содержавшегося в Берлинском аквариуме с июля 1876 года по ноябрь 1877 года, это увеличение шеи было выражено в значительной степени. Однако у еще более молодых особей, младше одного года, у которых остистые отростки позвонков еще не развиты, такого увеличения нет, а наоборот, эта область шеи принимает вогнутую форму.

В соответствии с меньшими размерами тела плечи, руки и бедра взрослой самки меньше, чем у взрослого самца, но все же очень сильные. Во время кормления грудь самки набухает в форме полуконуса, а не принимает выпуклую форму, которая наблюдается у многих европейских женщин и еще чаще у женщин негритянской, индийской, индонезийской () и южноморской (South Sea) рас. Сосок имеет скорее цилиндрическую, чем коническую форму и покрыт мелко морщинистой черной кожей, которая иногда бывает твердой и ороговевшей. Когда женщина не кормит грудью, груди свисают, как короткие пустые мешочки. Живот вздувается в области гребня подвздошной кости и увеличивается в толщине в паховой области. Внешние половые органы в период возбуждения вздуваются, напоминая губы женских половых органов.

У молодой самки череп округлый, а лицо лишь слегка выпуклое. У пожилых особей, особенно мужского пола, наблюдается несколько типичное удлинение той части лица, которая находится между глазами и концом носа, что в небольшой степени проявляется и у молодой самки. Однако различия в форме и степени удлинения заметны даже в этом раннем возрасте. Туловище и конечности более стройные, чем у самцов того же возраста.

Шерсть гориллы состоит из длинных, густых, прямых или жестко изогнутых щетинок, а также из более коротких, тонких и вьющихся шерстистых волос. На макушке головы шерсть несколько жесткая, длиной от 12 до 20 мм, и при возбуждении она встает дыбом. В то время

как бока и передняя часть подбородка покрыты только короткими, жесткими волосами, на задней части подбородка они растут густо, как борода или чуб. Волосы, которые отходят наружу от боков лица и на шее, имеют длину 30 и более мм. На плечах () волосы имеют длину от 130 до 150 мм и свисают на предплечья и спину. В середине предплечья волосы имеют длину от 50 до 70 мм и растут вниз до сгиба локтя. В этом месте они обычно начинают расти вверх. На тыльной стороне предплечья они снова растут вниз. В середине предплечья на его внутренней стороне происходит разделение волос, так как одна часть идет перед лучевой костью, а другая часть поворачивает за локтевой костью. На тыльной стороне запястья пучок изогнутых волос поворачивает вверх; средний пучок идет прямо назад; а нижний пучок, также изогнутый, поворачивает наружу. На тыльной стороне ладони волосы поворачивают к пальцам. На груди и животе волосы короче и растут более редко. На груди они, как правило, направлены вверх и наружу. На животе они сходятся от ребер к центру и пупку. На бедрах волосы имеют длину около 160 мм, и здесь, как и на нижней части ноги, они направлены наружу, а на тыльной стороне стопы растут в направлении пальцев. На спине, плечах, бедрах и ногах щетина слегка изогнута. Эта особенность усиливает общее впечатление мохнатости и пушистости, которое создает шерсть этих животных. Шерсть не очень густая и не сильно спутана.

Цвет шерсти различается не только на разных частях тела, но и у разных особей. На макушке головы она красновато-коричневая, реже — коричневая или черная. Шерсть в этой области иногда имеет сероватый цвет у корней, серовато-белый в середине и коричневато-красный, переходящий в темно-коричневый на кончиках. Волосы на губах иногда черновато-коричневые, иногда беловатые, или оба цвета встречаются вместе. Волосы, растущие по бокам лица, внизу седые, вверху темно-коричневые или почти черные. На шее и плечах волосы у корней серого цвета и постепенно становятся светлее к кончикам. В центре они коричневые, переходящие в более светлый цвет на обоих концах, но такая кольцевая форма окраски не является универсальной. Кончики волос темные, иногда коричневые или красноватые. Волосы на спине, на предплечьях и бедрах беловатые или светло-серые на половине своей длины, с черновато-коричневым кольцом к кончику, который имеет темно-серый цвет. Многие из этих волос на спине имеют два коричневых кольца. Предплечья, кисти, голени и стопы покрыты волосами, которые у корня серого цвета, а на кончиках — коричневато-серого, темно-коричневого или черного. Вокруг задних конечностей имеется круг из белых, серых или коричневато-желтых волос длиной от 10 до 20 мм. У обоих полов нередко отклонения от описанного здесь цвета шерсти. Уже было отмечено, что коричневато-красный цвет шерсти на голове иногда сменяется другим оттенком. У многих особей шея, плечи и спина имеют темно-серый, коричневый или даже черный цвет. У других предплечья, кисти, голени и стопы покрыты, как и остальная часть тела, смешанной серой и коричневой шерстью.

Вторым видом человекообразных обезьян является шимпанзе (). В данном случае мы также должны последовательно рассмотреть взрослых и молодых самцов, а также взрослых и молодых самок.

Взрослый шимпанзе меньше взрослой гориллы. У этого вида самцы также крупнее самок. В целом шимпанзе имеют более стройное телосложение, чем гориллы.

Голова пожилого самца шимпанзе принципиально отличается от головы пожилого самца гориллы, поскольку череп первого имеет вдавленную макушку, а поперечный затылочный гребень выражен слабо. Поскольку глазницы также менее развиты, чем у пожилого самца гориллы, а остистые отростки шейных позвонков не имеют такой же приподнятой формы, которая характерна для последнего вида, лицо шимпанзе не имеет

квадратной формы, и на нем нет места для сильной мускулатуры, сводящейся над шеей, как капюшон, что так характерно для гориллы. Голова шимпанзе, как у пожилых, так и у молодых особей, имеет вогнутую шею, которая характерна для обезьян, то есть впадину между головой и горлом. У пожилого самца макушка головы имеет округлый, выпуклый контур, поскольку, как мы уже сказали, у него отсутствуют выступающие костные отростки. Хотя надглазничные дуги не так чрезмерно выпуклы, как у гориллы того же возраста, они сильно развиты, покрыты морщинистой кожей, и в этом случае также имеется своего рода бровь, жесткая и щетинистая, с более короткими волосами между ними. Большие морщинистые веки снабжены густыми ресницами. Внутренний угол глаза () несколько напоминает угол глаза гориллы.

Общее физиогномическое отличие между гориллой и шимпанзе заключается в том, что у последней переносица короче, чем у первой. У шимпанзе эта часть органа вдавлена, но вдавление имеет коническую и выпуклую форму и покрыто сетью морщин различной глубины. У шимпанзе расстояние между внутренним углом глаза и верхним боковым контуром хрящевого конца носа короче, чем у гориллы. Есть также некоторые различия в форме носа: он в целом более плоский, кончик менее заметный, ноздри не так широко открыты и не так толстые. (Рис. 3.) У шимпанзе, как и у гориллы, центральная вертикальная бороздка прямо делит треугольные ноздри, которые также отделены от остальной части лица широкой грушевидной бороздкой, окружающей их. Верхняя губа обычно высокая, иногда достигает 30 мм, но у некоторых особей она намного ниже. Как и у горилл, подбородок образует треугольник с равными сторонами и обращенной вершиной.

Внешнее ухо шимпанзе в целом менее похоже на человеческое ухо, и его контур больше, чем у гориллы. Но этот орган настолько различается у разных особей, что трудно установить какое-либо правило для его среднего размера. Его длина колеблется от 59 до 77 мм, а ширина — от 42 до 80 мм. У многих особей есть отчетливый мочек уха, у других — нет. (Рис. 5.) В этом примере ушная раковина и противоушная раковина развиты, у других они отсутствуют. Трагус и антитрагус более или менее заметны у разных особей, как и другие изменения наружного хряща уха.

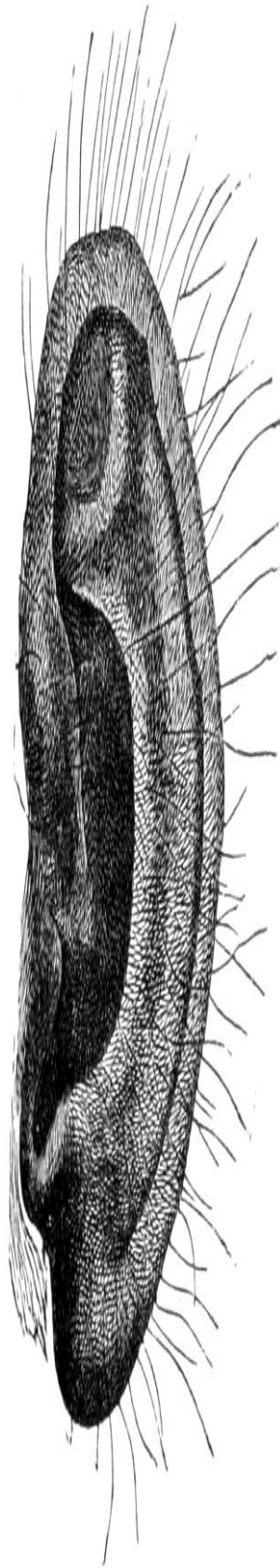

Рис. 5. — Ухо шимпанзе.

Пожилой самец шимпанзе имеет широкие, довольно округлые плечи, мощную грудь, длинные мускулистые руки, достигающие колен, и длинные руки, которые кажутся очень тонкими по сравнению с руками гориллы. Большие пальцы рук различаются по длине, в большинстве случаев достигая фаланг кисти, но не во всех. Средний палец длиннее трех других; первый и третий пальцы короче на длину последней фаланги, третий немного длиннее первого, а четвертый снова короче. Между основаниями четырех пальцев простирается перепонка, которая доходит до середины первого ряда фаланг. На тыльной стороне ладони пожилого самца имеются роговые мозоли, поскольку шимпанзе, как и горилла, опирается на тыльную сторону согнутых пальцев. Пальцы сжаты в боковом направлении, но слегка выгнуты на тыльной стороне ладони и более выражено на ладони. Спина ладони покрыта сетью бороздок, которые более глубоко запечатлены на ее ладони. Большой палец отделен от ладони четкой бороздкой; от четырех до шести бороздок различной глубины пересекают центр ладони. Ногти короткие, широкие и изогнутые, очень выпуклые на свободных краях.

У пожилого самца бока живота сдавлены, бедра широкие и мускулистые, несколько уплощенные как с внутренней, так и с внешней стороны. Колени довольно выпуклые, голени несколько сдавлены в боковом направлении, а икры ног очень слабо развиты. Как и у гориллы, длинные широкие стопы имеют большие пальцы, похожие на большие пальцы рук, которые имеют значительные размеры. При притягивании чего-либо к себе они вытягиваются до второй фаланги второго пальца. Четыре других пальца более тонкие и лишь немного длиннее большого пальца. Пятка слабо развита и наклонена вниз. Сустав между первой фалангой большого пальца и первой плюсневой костью отмечен угловатым выступом на внутреннем крае стопы. Задняя часть стопы очень слегка выпуклая. Последняя фаланга большого пальца сильно наклонена на верхней поверхности, но это менее заметно в других частях этой конечности. Последние фаланги других боковых сжатых пальцев сильно выгнуты на нижней поверхности. Значительные выпуклости также можно наблюдать под плюснефаланговым суставом большого пальца и под его последней фалангой. Форма ногтей на пальцах ног напоминает форму ногтей на пальцах рук. На тыльной стороне пальцев ног нередко встречаются большие мозоли, поскольку животное иногда опирается на эти части. Между всеми пальцами ног, за исключением большого пальца и соседнего с ним, имеется соединительная перепонка, но она не простирается так далеко, как перепонка между основаниями пальцев рук.

Рис. 6. Молодой шимпанзе.

Хотя молодой самец шимпанзе отличается от пожилого самца того же вида различиями в строении многих частей тела, эти различия не столь характерны, как различия между молодыми и пожилыми самцами горилл. Череп молодого животного, полностью лишенный выступающих костных гребней и выступов, имеет форму почти усеченного конуса в области темени; у некоторых особей, которым всего несколько лет, уже началось костное развитие глазниц, начинающееся от основной части лобной кости и покрытое складками морщинистой кожи. Короткий и приплюснутый переносица становится длиннее и выше, хрящевой конец носа становится больше, а прогнатизм лица увеличивается с каждым последующим этапом роста. Сила туловища и конечностей развивается рано. Половые признаки развиваются постепенно и явно, но самцы горилл значительно превосходят шимпанзе по демонической жестокости.

Взрослая самка меньше по размеру и имеет меньшую голову с овальной макушкой черепа. Глазницы не так сильно развиты, как у пожилого самца, носовые части менее заметны, а зубы не такие крепкие. Тело животного этого пола более округлое во всех частях, а живот с более широким тазом имеет более бочкообразную форму, чем у пожилого самца. Конечности также не имеют такой же угловатой формы мышц.⁵ Руки и ноги самки также меньше и тоньше. У молодой самки описанные здесь характеристики проявляются в смягченной форме, что соответствует ее молодому возрасту. Но самка иногда становится очень сильным и даже жестоким существом. Это часто доказывалось в Гамбургском зоологическом саду, где самка в прекрасном состоянии прожила несколько лет под заботливым присмотром старого Зигеля.⁶

Кожа шимпанзе имеет особый светлый, но мутный телесный цвет, который иногда граничит с коричневым. Пятна, различающиеся по размеру и глубине цвета, иногда изолированные, иногда в группах, черновато-коричневого, сажистого или синевато-черного оттенка, встречаются на разных частях тела многих особей, особенно на лице, шее, груди, животе, руках и кистях, бедрах и голенях; реже на спине. Лицо, которое вскоре после рождения имеет телесный цвет, переходящий в желтовато-коричневый, приобретает более темный оттенок по мере постепенного развития тела. Волосатый покров гладкий или только в редких случаях слегка вьющийся, а более грубые и щетинистые волосы, как правило, жесткие и эластичные. Пробор на лбу часто настолько правильный, что его можно было бы причесать у парикмахера (см. [рис. 6](#)). Сразу за той частью головы, где у горилл обычно сходятся выступающие надглазничные дуги, у шимпанзе находится совершенно лысое место или только несколько разбросанных волос. Вокруг лица волосы растут вниз, как борода. На шее их длина составляет от 60 до 80 или 100 мм, и они падают такими же длинными прядями на плечи, спину и бедра. Волосы на конечностях не такие длинные и направлены вниз на плече, и в противоположном направлении на предплечье, при этом часто имеется продольный пробор по центру внутренней поверхности этой части конечности. На тыльной стороне запястья волосы растут в виде витка; верхние волосы направлены вверх и назад, средние — назад, нижние — назад и вниз. Задняя часть ладоней и основания пальцев покрыты волосами. На передней части бедра волосы направлены вниз, а на задней — назад. На голени они растут вниз в области большеберцовой кости и поворачиваются назад на внутренней стороне ноги. Задняя часть стопы и основания пальцев также покрыты волосами. На лице, подбородке и ушах эти волосы более короткие и растут более редко. На надглазничных дугах () имеется от восьми до двадцати, а то и более, жестких, редких волос, похожих на брови; также имеются ресницы.

В большинстве случаев шерсть настоящего шимпанзе черного цвета. Короткие беловатые волосы можно наблюдать на нижней части лица и подбородке, а также вокруг

задней части тела. Иногда цвет шерсти пронизан красноватым или коричневато-черным оттенком.

Орангутан, главный представитель антропоидов в Азии, отличается от африканских форм этой группы почти с первого взгляда высотой черепа, передняя часть которого сдавлена и укорочена в заднем направлении. У пожилого самца он, однако, снабжен высокими и прямыми костными гребнями, которые придают лицу прогнатический вид. Мы берем пожилого самца в качестве типа для нашего описания.

Лоб высокий и прямой, не отступающий, как у шимпанзе; он открытый и имеет умеренно выпуклые лобные выступы. Из центра лба иногда выступает круглый или тупоовальный выступ. Надочничные дуги сильно выпуклые, но не такие заметные, как у пожилого самца шимпанзе, не считая горилл. Глаза не широко раскрыты, веки не большие и не морщинистые, но на нижних веках есть глубокие морщины. Небольшой переносица обычно сильно вдавлена, но иногда принимает слегка коническую форму, выходя из центральной продольной впадины лица. Кончик носа, расположенный дальше от глаз (), чем обычно у шимпанзе, не такой широкий, как у последних и у горилл. Крылья носа узкие и сильно выпуклые в верхней части, разделены друг от друга вертикальной бороздкой, а ноздри маленькие и овальные, разделены тонкой перегородкой. Верхняя губа высокая, широкая и выступающая, редко сильно морщинистая. Она отделена от щек и верхней части лица глубоким углублением; а за щеками часто выступают вперед и вниз две большие и длинные, а иногда треугольные жировые подушки.

Рис. 7. Голова и плечи пожилого самца орангутана.

Очень подвижные губы морщинистые и не особенно толстые. Подбородок сильно отступает, но спереди несколько равномерно закруглен (рис. 7). Маленькое ухо в среднем имеет длину 55 мм и ширину 12 мм и по структуре в целом похоже на человеческое ухо (рис. 8). На передней части короткой, толстой шеи имеются неровные, а в некоторых местах очень глубокие круглые складки кожи. Горловой мешок растягивает часть этой дряблой, морщинистой кожи, которая свисает спереди, как большой пустой кошелек (см. рис. 7 и 9).

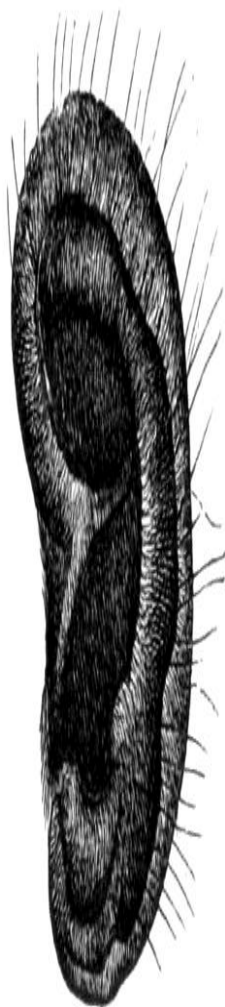

Рис. 8. — Ухо орангутана.

Строение других частей тела в некоторой степени лишено мощной и симметричной формы, которую мы наблюдаем у гориллы и, конечно же, у шимпанзе. Туловище с широкими, но довольно угловатыми и наклонными плечами, с плоской грудью, округлой спиной и еще более округлым животом имеет форму бочонка и производит впечатление непропорциональности. У худых особей ягодичная область напоминает выступающий зад птицы, что можно наблюдать и у молодых горилл и шимпанзе. Длинные мускулистые руки доходят до лодыжек, когда животное находится в вертикальном положении, и совершенно несоразмерны с остальной частью тела. Мощная верхняя часть руки короче худого предплечья. Рука длинная и узкая. Большой палец, доходящий до пястно-фалангового сустава, производит неприятное и почти рудиментарное впечатление. Пальцы соединены перепонкой, которая иногда простирается на треть первой фаланги, а иногда — на половину. Средний палец () несколько длиннее первого и третьего пальцев (), а третий

палец по длине () находится рядом с ним. Четвертый палец сравнительно длинный. Ладонь плоская, с несколькими глубокими бороздками. Длинные, тонкие пальцы сжаты с боков, а ногти на их заостренных концах изогнуты.

Рис. 9. Взрослый самец орангутанга.

Бедра, несколько сжатые с внутренней стороны, очень мускулистые, но с задней стороны становятся гораздо меньше. Икры ног менее развиты, чем у горилл и даже у шимпанзе. Стопы, как и кисти, длинные и тонкие. Узкие, плоские пятки слегка выступают назад. Большие пальцы ног короткие, с широкими концами, закруглены сверху и покрыты толстой жирной кожей на подошве. В старости эти животные не только часто теряют ногти на больших пальцах, но иногда даже сами последние фаланги. Это не просто болезнь, вызванная содержанием в неволе, как в случае с морскими котиками, гиенами и т. д., которые в этом состоянии теряют части хвостов или пальцев, но также встречается у орангутанов в диком состоянии. Средний палец самый длинный, а четвертый — самый короткий. Слои жира можно наблюдать на нижней стороне всех пальцев, кроме большого, где они встречаются редко. Спинки рук и ног покрыты очень ребристой и морщинистой кожей, а на руках есть мозоли.

Это животное, более спокойное и флегматичное по сравнению с гориллами и шимпанзе, имеет очень странный вид с выступающей головой и короткой шеей; его лицо расширяется в середине и сужается к лбу и подбородку; его туловище имеет форму бочонка, конечности длинные и тонкие, а шерсть лохматая (). По этим признакам оно сильно отличается от шимпанзе и горилл. У молодых самцов сдавленность лба менее заметна, чем у пожилых животных, а костные гребни, которые приводят к поднятию коронарной дуги в верхней и задней части, также отсутствуют. Надочничные дуги менее развиты, челюсти менее заметны, а жировые слои на щеках отсутствуют. Голова более отделена от шеи, строение всего тела более стройное, выражение лица более мягкое. На большом пальце ноги обычно можно наблюдать небольшой конический ноготь, затупленный на конце.

У взрослой самки, как я уже отмечал в других работах, физические характеристики молодого самца повторяются в преувеличенной форме. Череп, имеющий лишь очень небольшие костные гребни, действительно высокий, но более округлый, чем у пожилого самца; лицо выпуклое, но голова более отделена от шеи, чем в последнем случае. Из-за большей ширины таза тело еще более бочкообразное, чем у пожилого самца. Во время кормления грудь набухает в форме полуконуса, но когда это состояние проходит, она опускается и представляет собой только две короткие, морщинистые, слегка выпуклые складки кожи; маленькие, роговые соски почти цилиндрические; а ареола, следы которой всегда скудны, полностью исчезает. Горловой мешок менее развит, чем у пожилого самца, но конечности развиты в полной мере. Голова молодой самки еще более округлая, с более плоским, но все же выступающим лицом, а конечности более стройные, и поэтому орангутан () еще более несоразмерен с толстым туловищем, чем молодой самец.

Кожа орангутана серо-голубого цвета, иногда с коричневым оттенком, но преобладает серо-голубой оттенок. Желтоватый или коричневато-серый оттенок встречается реже. Вокруг глаз, ноздрей, верхней губы и подбородка часто имеется кольцо грязно-желтовато-коричневого цвета, образующее странный контраст с общим синевато-серым оттенком лица. Руки, ноги, кисти и стопы черные или серовато-черные, реже коричневые или красновато-коричневые.

Волосатый покров орангутана состоит из длинных, изогнутых, волнистых щетинок и небольшого количества пуховых волос. На затылке, плечах, спине и бедрах я измерил волосы длиной от 220 до 235 мм. У других особей они были, однако, гораздо короче — 20, 40 или 60 мм. Часто встречается естественный пробор на голове, волосы которого распадаются по обе стороны. В некоторых случаях пробора нет, и волосы беспорядочно спадают вниз; в других же они стоят дыбом, жестко торча по бокам и на макушке головы, как у демона (рис. 7 и 9). Борода часто окружает щеки и подбородок. Волосы растут вверх и наружу на шее и

передней части горла, на плечах, спине, груди, животе, предплечьях и бедрах, а на предплечьях — в противоположном направлении. На запястьях волосы растут так же, как у гориллы. На груди и животе волосы растут скудно, а на лице, ушах и тыльной стороне рук и ног они короткие и слабые. Я не замечал бровей у животных, которых видел, но они могут быть, а ресницы полностью развиты.

Шерсть красновато-коричневого цвета, чем-то напоминающего жженую сиену, а кончики волос на задней части тела, как правило, коричневые. У некоторых особей шерсть более темная, рыжевато-коричневая или черновато-коричневая; у других она более светлая, и в последнем случае грудь и живот имеют желтовато-белый цвет. Борода иногда бывает темно-желтой. Были замечены некоторые особи, почти лишенные шерсти.

Гиббоны, или длиннорукие обезьяны (*Hylobates*), составляют четвертую группу антропоидов. Известно много видов этой группы, и я считаю своим долгом описать, по крайней мере, некоторые из них, чтобы дать представление об их строении. Что касается этих животных, я не могу полагаться только на доступные мне материалы, но должен также использовать описания, данные другими.⁷

Гиббоны, как правило, имеют очень длинные руки, которые, когда они стоят прямо, доходят до лодыжек. Лицо не очень prognathic, макушка головы закругленная, а ногти плоские. На задних конечностях у них есть небольшие мозоли, которых нет у горилл, шимпанзе и орангутанов.

Самый крупный вид этих животных, обитающих на части континента и островах Азии, — это гибон (, *Hylobates syndactylus*, F. Cuvier).⁸ По словам Диарда, его руки не такие длинные, как у ваувау (*H. agilis*, F. Cuvier). Голова этого животного небольшая, с несколько отступающим лбом, длинной, умеренно выгнутой макушкой и слегка выгнутым затылком. Основание носа вдавлено, область челюстей у пожилых самцов лишь слегка prognathic. По словам Диарда, глаза глубоко посажены, ноздри очень широкие, щеки опускаются ниже скуловой дуги, рот широко открывается, подбородок незначительных размеров. Это единственный из гиббонов, который имеет горловой мешок, уже описанный как общий для других форм антропоидов, и у пожилых животных он свисает вниз, почти обнаженный спереди. Второй и третий пальцы соединены между собой тонкой перепонкой, доходящей до последнего сустава у самцов и до предпоследнего сустава у самок. Волосы на предплечье направлены кончиками вверх и образуют своего рода виток на запястье. Животное имеет блестящий черный окрас, с густой и довольно длинной шерстью на теле и конечностях. По словам Бока, лицо окружено серой или белой бородой. Это животное достигает около метра в высоту и обитает в лесах Суматры.

Лар (*Hylobates Lar*, Illig) — еще один вид гиббона. Строение тела гораздо более стройное, чем у только что описанного животного; голова круглая, глаза большие, нос выступает из вдавленной области с очень небольшим гребнем, а хрящевой конец имеет форму треугольника с неравными сторонами. Этот треугольный конец разделен продольной бороздой, а маленькие ноздри сходятся вниз и внутрь и разделены друг от друга тонкой перегородкой. Строение верхней губы своеобразно. В центре, чуть ниже основания носовой перегородки, она вдавлена и разделена вертикальной бороздой на две симметричные боковые половины. Каждая из этих половин образует закругленный край, нависающий над маленькой нижней губой. Над верхними губами, между ними и скуловой дугой, которая отклоняется вниз под нижними веками, находятся плоские, вдавленные щеки (). Небольшой подбородок расположен ниже центральной щели верхних губ и их выпуклых краев. Лицо этого гиббона, общий вид которого очень необычен, окружено кругом густых волос, напоминающих круглый капюшон эскимоса. Эта характерная форма головы, как в целом, так и в деталях, не ограничивается ларом, но применима и к другим видам гиббонов,

включая сиаманга (см. рис. [11](#) и [15](#)). Это особенность, которая почти с первого взгляда отличает длинноруких обезьян от других уже описанных видов антропоидов. Цвет лица лара красновато-коричневый или желтовато-коричневый; волосы, окружающие его, светло-серые; тело темно-серое, с короткими светло-серыми волосами на тыльной стороне рук и ног. Черные уши почти безволосые. Лар () до сих пор редко встречался в наших зоологических коллекциях. Он обитает в Малакке и Сиаме.

Рис. 10. Голова белорукого гиббона.

Белорукий гиббон (*Hylobates albimanus*, Vigors and Horsfield) часто путают с *H. Lar*. Но у *H. albimanus* черное лицо, и общий цвет кожи черный, включая внутреннюю часть рук и ног. Густые белые волосы окружают лицо, а тыльная сторона рук и ног покрыта короткими белыми или светло-серыми волосами, в то время как остальная часть шерсти довольно черная. Волосы на предплечьях растут вниз, к запястью. Уши этих обезьян имеют форму почти равностороннего треугольника. Ушная раковина проходит как лоскуток вокруг ее свободного внешнего края. Антихеликс проходит через центр слегка вдавленной внешней поверхности уха, которое в целом не отличается по своей структуре от уха других

антропоидов (). Хрящевая ткань органа значительно изгибается, широкая сзади и в верхней части, разделяясь на две части спереди и снизу. Есть признаки наличия трагуса и антитрагуса. Отдельный мочек уха отсутствует ([рис. 11](#)). Такая структура наружного уха характерна для других видов гиббонов, хотя во многих случаях верхняя часть ушной раковины морщинистая, а антиушная раковина иногда более развита и больше похожа на ушную раковину человека.

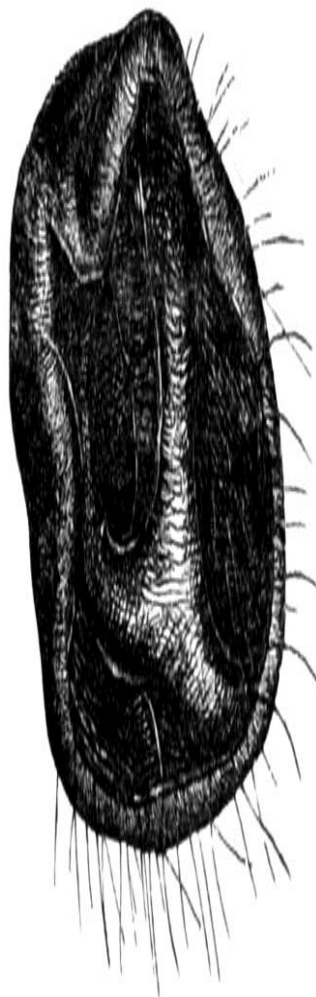

Рис. 11. — Ухо белорукого гиббона.

Лицо у этого вида небольшое. Надочничные дуги сильно развиты и почти соединяются в центре. Глаза большие, темные, с мягким и спокойным выражением. Щеки выпуклые в области скуловой дуги и впалые ниже нее. Переносица утоплена между щеками, которые, особенно если смотреть в профиль, имеют слегка коническую форму. Нос покрыт поперечными складками. Его хрящ имеет форму, описанную у предыдущего вида, так же как и верхняя губа и подбородок ([рис. 10](#)). На надглазничных дугах и верхней губе растут длинные щетиновые волосы, а конец носа покрыт короткими тонкими волосами. Белые волосы, окружающие лицо, растут как борода на подбородке. Все лицо имеет меланхоличное, почти слезливое выражение. Шея короткая, туловище вытянутое. На длинной, узкой руке находится короткий большой палец, сдавленный сбоку, который не достигает до пястно-фалангового сустава. Подушечка последней фаланги образует толстую, округлую подушечку, которая в меньшей степени повторяется на нижней стороне первой фаланги большого пальца и на его подушечке. Ногтевая пластина большого пальца отогнута

назад, в отличие от когтей, как и сплюснутые, длинные и узкие ногти других пальцев. Средний палец лишь немного длиннее первого, а четвертый не намного короче третьего пальца ([рис. 12](#)).

Рис. 12. — Левая рука *Hylobates albimanus*.

Стопа аккуратная, короткая и узкая, без выступающей пятки. Большой палец очень длинный, доходит почти до последней фаланги второго пальца. Подошва стопы и нижняя сторона большого пальца, особенно его последний сустав, снабжены толстыми, закругленными подушечками. Средний палец не намного длиннее второго, четвертый еще короче, а пятый составляет только половину длины четвертого. Между основаниями пальцев есть только очень короткая перепонка, но она простирается гораздо дальше на пальцах ног ([рис. 13](#)). Этот вид обезьян встречается в Дальней Индии.

Рис. 13. — Левая лапа того же животного.

Ваувау (*Hylobates agilis*, F. Cuvier, [рис. 14](#)), обезьяна редкого вида, по словам Дювоселя, может быть распознана по выступающим надглазничным дугам, впалым глазам, умеренно плоскому носу и большим ноздрям с боковыми отверстиями. Лицо самца безволосое, синевато-черного цвета; у самки — коричневого. Лицо окружено густыми беловатыми волосами, через которые уши видны лишь частично. На подбородке есть несколько черных волос. У самца голова, живот, внутренняя поверхность рук и бедер темно-коричневого цвета. Шея и плечи более светлого оттенка, а шерсть на пятках серо-коричневая или белесая. Тыльная сторона лап и стоп темно-коричневая. Боковые части задних конечностей и тыльная сторона бедер коричневые, каштановые или белые. У самок белая шерсть, окружающая лицо, короче и имеет серо-коричневый оттенок. Молодые животные светло-желтого или коричневого цвета. Это животное обитает на острове Суматра.

Рис. 14. — Ваувау на переднем плане слева (*Hylobates agilis*); на заднем плане на свету — две стройные обезьяны (*Semnopithecus entellus*).

Серый гиббон (*Hylobates leuciscus*, Kuhl) покрыт густой, длинной и шерстистой шерстью с рассеянными вьющимися волосами, имеющими два или три кольца темного цвета на светлом фоне. Верхняя часть головы черная; светлые, а иногда и белые волосы окружают черноватое лицо. Общий цвет гиббона () — серо-коричневый. Передняя часть горла, грудь и живот имеют более светлый оттенок, а задняя часть шеи, плечи, предплечья и бедра — более темный. Коричневая или черная полоса проходит по груди и животу от подмышек. Внутренняя часть ладоней и стоп черная. Цвет молодых особей более однороден — серый или серо-коричневый. Это животное встречается на Яве и Суматре.

Хулок, также называемый юлок или йолук (*Hylobates Hoolock*, Harlan), в зрелом возрасте имеет prognathическое лицо с выступающими надглазничными дугами, длинный низкий переносицу с высокими узкими ноздрями и очень маленькую верхнюю губу. У пожилых животных над глазами имеются две косые складки светло-серого цвета. Остальная часть шерстистого покрова, лицо, руки и ноги черные, а у молодых животных — коричневаточерные с серыми кончиками. Серая линия проходит от груди вниз по животу. Это животное обитает в горном районе Ассама.

Унко (*Hylobates Rafflesii*, Is. Geoff. Saint-Hilaire) имеет черный окрас, переходящий в красновато-коричневый на спине и боках. Волосы серого цвета у самцов и белого у самок окружают лицо. Эта обезьяна является уроженцем Суматры.

Светло-коричневый гиббон (*Hylobates entelloides*, Is. Geoff. Saint-Hilaire) получил свое название благодаря своей шерсти, которая густая и шерстистая, с длинными волосами серовато-желтого или светло-коричневого цвета. Эта шерсть немного темнее на внутренней поверхности рук и на шее, где она переходит в красновато-желтый оттенок. Волосы вокруг лица более светлые (), почти белые. Самки обычно более желтого цвета, чем самцы, и волосы на их лице скорее красновато-желтого цвета, чем белого, но не без следов белых волос. Лицо и обнаженные участки на руках и ногах черного цвета. Между вторым и третьим пальцами ноги находится соединительная перепонка, доходящая до первых суставов. Это животное обитает на полуострове Малакка. Название вида происходит от его предполагаемого сходства с индийским хануманом (*Semnopithecus Entellus*, F. Cuvier), иллюстрация которого приведена на фоне справа от [рис. 14](#).

Белобородый гиббон (*Hylobates leucogenys*, [Ogilby](#) 9) отличается длинными, стоячими волосами, растущими на верхней и задней части головы, а также длинной белой бородой на щеках и подбородке, которая соединяется с густыми волосами над глазами. Остальная часть тела темно-черная. Место его происхождения точно не известно.

Общий цвет хохлатого гиббона (*Hylobates pileatus*, J. E. Gray) черный, переходящий в серый на плечах, спине и бедрах. Белое кольцо окружает руки, ноги, лицо и кожу головы; также есть белое пятно на половых органах и часто черное пятно на груди. Усы черные. В остальном животное варьируется в зависимости от пола и возраста. Обитает в Сиаме и Камбодже.^{[10](#)}

Темно-серый гиббон (*Hylobates funereus*, Is. Geoff. Saint-Hilaire) имеет пепельно-серый цвет на верхней и внешней стороне конечностей, переходящий в коричневый, а на нижней стороне — темно-коричневый. Вокруг лица имеется узкая полоса светло-серого цвета, а вокруг затылка — более темная полоса. Обитает на острове Сулу.^{[11](#)}

Помимо этих видов гиббонов, о которых мы кратко рассказали, существует еще несколько других, например, *Hylobates concolor* (Harlan) с острова Борнео; *H. Muelleri* (L. Martin) из того же места; *H. choromandus* (Ogilby) из Индии и многие другие. Но поскольку наше пространство ограничено, приведенного выше описания должно быть достаточно для диагностики видов.

ГЛАВА III.

ВНЕШНЕЕ И АНАТОМИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ АНТРОПОИДНЫХ ОБЕЗЬЯН В СРАВНЕНИИ СО СТРОЕНИЕМ ЧЕЛОВЕКА.

Чтобы как можно полнее завершить описание общей естественной истории этих замечательных животных, необходимо изучить их анатомическое строение. Однако наша цель заключается не столько в том, чтобы дать подробное и исчерпывающее описание их анатомии, сколько в том, чтобы быстро пробежаться по тем особенностям их внутреннего строения, которые бросаются в глаза. В данном случае мне кажется целесообразным следовать методу систематической и описательной анатомии и рассматривать несколько естественных органов по очереди. Этот метод, который долгое время преобладал в изучении строения человеческого тела, должен также служить нам руководством в наших исследованиях в области сравнительной анатомии. Нашим читателям едва ли нужно говорить, что анатомия антропоидов является лишь небольшой ветвью сравнительной анатомии позвоночных животных в целом.

Я начну с рассмотрения костной структуры антропоидов, в частности, горилл. И будет полезно отметить важные различия между строением черепа молодого и пожилого самца, а также молодой и пожилой самки гориллы.

Рис. 15. Череп пожилого самца гориллы в профиль.

Череп пожилого самца большой и тяжелый. Его средний вес составляет один с четвертью килограмма. Продольный диаметр от альвеолярной точки верхней челюсти до затылочной точки может достигать 294 мм. Выступающие глазницы высокие спереди и уплощенные сзади, а их верхние края соединяются, образуя гребень посередине лица. К ним присоединяются задние части глазниц, имеющие форму усеченного конуса, округлые и выступающие спереди, сужающиеся в костные капсулы в направлении черепной коробки. Они открываются прямо спереди, и отверстие обычно имеет форму правильного квадрата. Края редко бывают настолько затуплены, чтобы представлять собой фигуру,

приближающуюся к к кругу (ср. рис. [15](#), [16](#)). Лобная кость, которая у молодых особей обоих полов высокая, широкая и выпуклая, у пожилых самцов становится вдавленной в центре. Височные гребни, утолщенные до края, проходят над этим до коронарного гребня.

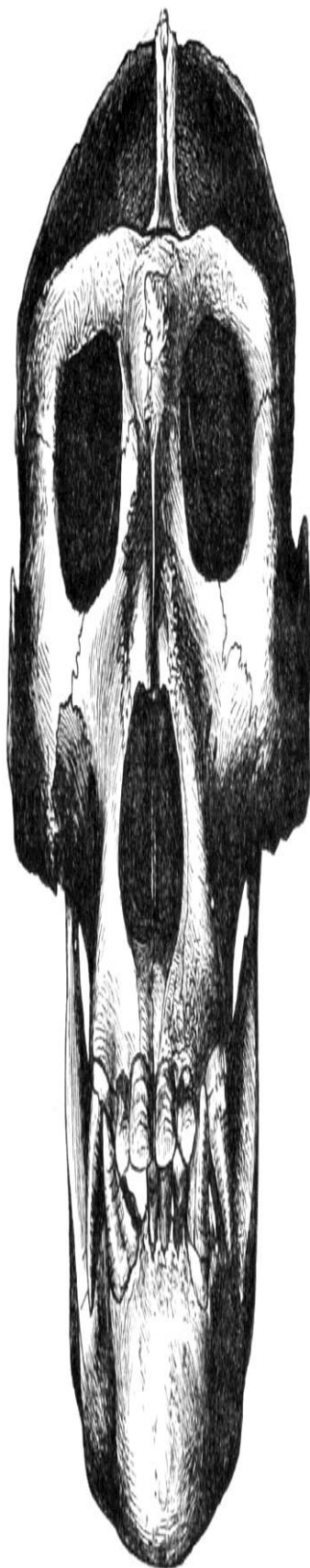

Рис. 16. — Вид спереди черепа пожилого самца гориллы.

Этот гребень очень характерен. Он начинается в области лобной кости и, резко поднимаясь, соединяется с поперечным затылочным гребнем. Его высота варьируется, ¹² но у взрослых самцов он редко отсутствует полностью. На вершине этого коронарного гребня мы можем увидеть два хорошо развитых костных гребня, которые почти соприкасаются друг с другом и обозначают верхние границы височных мышц с обеих сторон. У молодых животных эти гребни склоняются вниз по бокам головы, ниже вершины черепа. Их положение и направление варьируются в зависимости от роста черепа и соответствуют положению коронного гребня. Поперечный затылочный гребень имеет значительную высоту у пожилых и сильных животных и часто бывает несколько вогнутым спереди и выпуклым сзади. Передняя поверхность этого гребня образована двумя теменными костями, а задняя поверхность — чешуйчатой частью затылочной кости. Ламдоидальный шов находится на вершине этого затылочного гребня и в этом случае, как и у других млекопитающих, включая человека, соединяет теменные кости с костями затылка. Точка соединения между коронарным и затылочным гребнями делит последний на две симметричные боковые половины, изогнутые наружу и вниз. Высокая, широкая чешуйчатая часть затылочной кости несколько уплощена сзади или, реже, выгнута, в то время как у ее основания и в некоторой степени спереди она имеет резкий изгиб. Шесть изогнутых линий, по три с каждой стороны, расположенные друг напротив друга, иногда обозначают границы прикрепления шейных мышц к голове. Сосцевидный отросток височной кости присутствует, но Брюль не обнаружил следов стилоидного отростка на черепах горилл и шимпанзе.

Плоская часть височной кости часто соединяется с лобной костью посредством отростка, называемого лобным отростком височной кости по Вирхову (). Носовые кости высокие, очень узкие в верхней части и расширяющиеся вниз. Когда они соединяются в центре носового моста, часто можно наблюдать наклонный выступ в форме кия. Нижние носовые раковины носовой полости отличаются своим размером. В черепах молодых животных межчелюстные кости, которые у всех антропоидов рано соединяются с костями той же области, высоко поднимаются и заостряются между носовыми костями и костями верхней челюсти.

Коронки или выступающие наружные поверхности огромных клыков выступают в центре лица по обеим сторонам, как столбы, чуть ниже ноздрей, и простираются выше и ниже ряда зубов в двух верхних челюстях (см. [рис. 16](#)). Таким образом, коронки клыков образуют отступающее треугольное пространство, основание равностороннего треугольника которого соответствует ряду зубов. Подбородок нижней челюсти, если смотреть спереди, также имеет форму равностороннего треугольника. В последнем случае основа треугольника покрыта той частью ряда зубов, которая содержит резцы. Стороны треугольника покрыты сходящимися клыками (см. снова [рис. 17](#)). Резцы, заключенные между ними, в той части нижней челюсти, которая уже была описана, отступают. Ветви нижней челюсти высокие и очень широкие. Угол нижней челюсти тупой ([рис. 15](#)). Передний или короноидный отросток и задний или мышечковый отросток ветви этой кости отделены друг от друга глубокой полой щелью. Мышечковый отросток резко выступает вверх, но менее выражен сзади.

Когда мы рассматриваем внутреннюю форму черепа пожилого самца гориллы, первое, что бросается в глаза, — это выраженное развитие лобных пазух, и особенно их ширина в области носовой части лобной кости. Затем мы наблюдаем крылья клиновидной кости и то, что эти большие вогнутые отростки снабжены пространствами, лишь слегка отделенными

друг от друга. Эти пазухи не только явно связаны друг с другом, но и с клиновидными пазухами. В скуловой кости имеется широкая пазуха, снабженная преддвериями (), которая имеет глубокое сообщение с верхнечелюстной пазухой, или антрумом Хаймора, встроенной в тело верхней челюстной кости. Наконец, пазухи имеются в месте соединения коронарного и затылочного гребней.

Верхнечелюстная область черепа молодого самца гориллы уже несколько прогнатична, и килеобразное возвышение переносицы также очень заметно, но развитие этих частей далеко не так далеко продвинуто, как у пожилого самца. Весь контур черепа овальный, без высоких гребней, столь характерных для пожилого самца. Хорошо известно, что шведский анатом и антрополог Андерс Ретциус классифицировал черепа различных рас людей как длинноголовые (*долихоцефальные*) и короткоголовые (*брахицефальные*). В первом классе длина значительно превышает высоту, в то время как во втором разница либо незначительна, либо отсутствует. Черепа *долихоцефаликов* длинные и овальные, а черепа *брахицефаликов* короткие, круглые или квадратные. В дополнение к этой классификации, которая имеет большое значение для быстрой и поверхностной, но в то же время надежной классификации черепов разных рас, Ретциус создал еще одну. Он охарактеризовал черепа, профиль которых прямой или почти прямой, как *ортогнатные* (*rechtzähnige*), а черепа, у которых верхнечелюстная область очень выпуклая, как *прогнатные* (*schiefzähnige*). Эти ортогнатные и прогнатные черепа могут быть как долихоцефальными, так и брахицефальными.¹³

Применяя эту классификацию Ретциуса к антропоидам, гориллы и шимпанзе были охарактеризованы как долихоцефальные и прогнатические, а орангутанги и гиббоны — как брахицефальные и прогнатические. Несколько ученых попытались установить заметное различие между долихоцефальными антропоидами, обитающими в Африке, и брахицефальными антропоидами, обитающими в Азии. Эта отличительная характеристика считается согласующейся с географическими и этнологическими условиями рассматриваемых континентов.¹⁴ Вирхов в более поздней работе отмечает, что череп гориллы удлиняется с каждым годом жизни, но это связано не столько с черепом как таковым, сколько с его костными выпячиваниями, такими как сильно развитые надглазничные дуги, увеличение лобных пазух и т. д. Измерения скорее показывают, что молодая горилла является брахицефальной, но эта характеристика уменьшается с возрастом, по крайней мере, если учитывать внешние выросты. Но все обстоит совсем иначе, если самая дальняя точка измерения берется от лобной дуги, а не от носового выпячивания. В таком случае увеличение брахицефальности подтверждается.¹⁵

В черепах таких молодых самцов, как упомянутые здесь, височные гребни, которые у пожилых животных находятся в непосредственной близости в области развитых костных гребней, в некоторых случаях уже начали сближаться, но все еще находятся на значительном расстоянии друг от друга. У молодых особей мы можем различить по обеим сторонам теменных костей два височных гребня, расположенных друг напротив друга и проходящих почти параллельно. Верхний гребень, который теряется на внешней поверхности уже развитого сосцевидного отростка, соответствует соединению фасции черепных мышц (*Galea aponeurotica musculi epicranii*) с фасцией, окружающей большие височные мышцы. Нижний гребень, который постепенно сливается с верхним краем скулового отростка височной кости, образует границу мясистого начала височной мышцы. Это соответствует месту, в котором соединяются два слоя височной фасции. У очень молодых мужчин эти височные гребни можно проследить лишь слабо; они становятся более заметными по мере роста и сближаются друг с другом на вершине черепа. Я исследовал череп , швы которого еще не срастались, и уже мог проследить развитие коронарного

гребня в двух частях, отделенных друг от друга продольной бороздой. Верхние края этих частей соответствовали двум височным гребням, которые находились в непосредственной близости друг от друга. Если бы животное не умерло на этой стадии развития, то, вероятно, с ростом две части гребня слились бы в одну структуру. Такое состояние характеризует только переходную стадию развития, повторяющуюся у каждого индивидуума.

В центре темени черепа, где впоследствии развивается продольный гребень, о котором мы так часто говорили, мы часто можем наблюдать на сагиттальном шве черепа молодого самца продольное вздутие, которое увеличивается очень постепенно. В области двух верхних полукруглых изогнутых линий (*lineæ semicirculares s. nuchæ supremæ*) на плоской затылочной части или между ними и двумя центральными шейными линиями рано развивается поперечное вздутие; это вздутие иногда распространяется до ламбовидного шва или, во всяком случае, до его окрестностей. Это костное нарост, анатомический термин которого — *Torus occipitalis transversus*, соответствует первому слою поперечного затылочного гребня, столь характерного для старого самца гориллы (см. [рис. 15](#)).

В нескольких черепах молодых горилл в области коронарного шва можно наблюдать небольшую изолированную промежуточную кость (*os epiptericum* Вирхова) между чешуйчатой частью височной кости () и большим крылом клиновидной кости, с которой она иногда полностью срастается. В этом случае над *os epiptericum* имеется прямое соединение между височной и лобной костями посредством лобного отростка (*Virchow's processus frontalis squamæ temporalis*), что не редкость у антропоидов.¹⁶ Этот отросток часто образуется из *os epiptericum*, который на ранних стадиях прикреплен к височной кости. Я должен снова вернуться к этому лобному отростку.

Глазницы у молодых черепов более округлые, чем у пожилых; у последних они всегда угловатые, хотя углы, особенно верхний и внешний, могут быть более или менее затуплены. Вирхов отмечает, что у очень молодой гориллы высота глазницы превышает ее ширину, и что в этом возрасте череп, следовательно, высокий. У пожилого самца гориллы высота глазницы, согласно нескольким измерениям, которые я провел, варьируется от 39 до 52 мм, а ширина — от 37 до 45 мм.

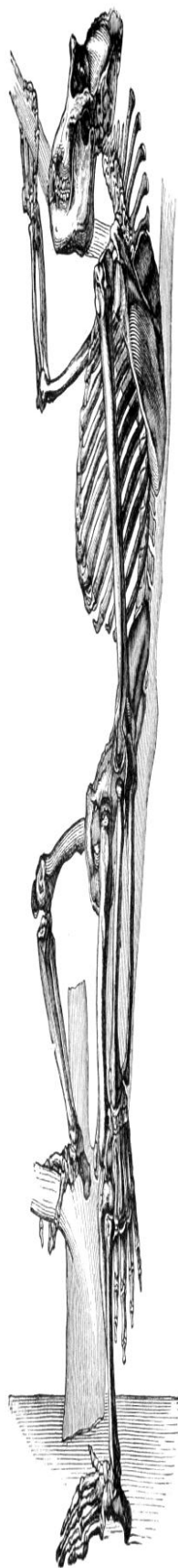

Рис. 17. Скелет пожилого самца гориллы. [17](#)

Остальная часть скелета пожилого самца гориллы соответствует своей мощной и массивной формой общей структуре тела, которое отличается высотой и силой (см. [рис. 16](#)). У в скелете туловища имеется семь шейных, тринадцать грудных и четыре поясничных позвонка, тринадцать ребер и, даже у пожилых животных, грудина, состоящая из нескольких костных частей. Шейные позвонки имеют длинные остистые отростки, наиболее сильно развитые между четвертым и седьмым позвонками. Концы этой колоссальной структуры в сочетании с возвышением затылочной области представляют собой выпуклый контур, если смотреть сзади. Эта структура служит точкой прикрепления и опорой для мощной подушки шейных мышц. Грудные позвонки, которые увеличиваются в высоту, ширину и глубину по мере снижения по позвоночнику, сужаются и имеют форму кия в месте соединения с шейными позвонками. Центральные части широко изогнутых ребер, которых насчитывается тринадцать, а иногда четырнадцать, у пожилых самцов очень толстые и мощные. Только семь пар ребер прикреплены реберными хрящами к груди, а два других реберных хряща находятся рядом с ними. Остальные хрящи являются лишь рудиментарными, а окончания в мышечной системе живота свободны. Действительно, существуют отклонения от установленного здесь типа, и иногда от десяти до одиннадцати ребер прикреплены к груди ниткообразными полосками связок или хрящей.

Особый интерес представляет формирование тазового пояса у этого животного. Основные части этой части скелета, то есть бедренные, тазовые или безымянные кости, высокие, сужающиеся в нижней части и широкие и плоские в верхней, где они заканчиваются гребнем подвздошной кости, который описывает четверть круга. В большинстве случаев имеется только один небольшой верхний подвздошный остистый отросток, а седалищные кости несколько вывернуты наружу и снабжены широкими, округлыми бугорками, а в большинстве случаев — только одной большой крестцово-седалищной выемкой. Горизонтальные ветви лобковой кости узкие, а нисходящие ветви широкие. Крестцовая кость узкая, имеет форму вытянутого конуса, резко поворачивающегося наружу и напоминающего основание настоящего хвоста. Копчик, по-видимому, является рудиментом настоящего хвоста.

Кости плечевого пояса имеют интересные особенности. Ключицы длинные и тонкие, с листовидным, уплощенным концом, сочленяющимся с лопаткой, и утолщенным концом, сочленяющимся с грудиной. Лопатка — очень большая треугольная кость, по общей форме напоминающая лопатку человека, а над- и подостиевые ямки не сильно выражены. Длинная и мощная плечевая кость имеет головку, наклоненную под углом шестьдесят градусов к оси плеча. Часто, но не всегда, нижний, уплощенный конец плечевой кости пронзен с одной или обеих сторон над ее округлым возвышением, и это называется Дарвином межмышцелковым отверстием.

Лучевая кость имеет мощную головку и значительно изогнутый наружу стержень, в то время как в локтевом суставе она изогнута назад и внутрь. Кости запястья, плюсны и фаланги пальцев удивительно длинные, широкие и глубокие. Развитие бедренной кости соответствует развитию всего скелета. Ее средняя часть или стержень изогнута спереди и уплощена сзади. Диафиз большеберцовой кости () обычно закруглен, но иногда бывает сдавлен сбоку.

Пяточная кость стопы тонкая, изогнута наружу в центре и внутрь за таранной костью. Головка с клиновидным концом имеет поперечную овальную форму, повернутую внутрь. Ладьевидная кость, которая обычно соединяется с этим выступом, имеет такое же направление к внутренней стороне стопы. Это своеобразное искривление придает тарсусу гориллы вид, как будто он подвергся отклонению или перелому своей продольной оси.

У молодых и взрослых самцов, а также у молодых самок структура костей, как правило, менее массивная, чем у пожилых самцов. В скелете самки отсутствуют сильно развитые впадины и гребни, особенно в костях конечностей. Например, головка локтевой кости у самки менее глубоко посажена, а ее выступы меньше, чем у самца. У самок также головка лучевой кости меньше, а треугольная форма ее диафиза менее выражена. Тазовые кости самок горилл шире, плосче и менее вогнуты на своей сильно выступающей внутренней поверхности. Они более широко расходятся друг от друга, что также характерно для бугорков седалищной кости. Лобковая дуга менее вдавлена, чем у самца гориллы. Хотя остистые отростки позвонков достигают некоторой длины и толщины, их развитие у самок не так значительно, как у самцов.

Костная структура шимпанзе имеет много сходств со структурой гориллы, но в некоторых деталях отличается от структуры других антропоидов. Во-первых, размер скелета меньше, чем у гориллы, что соответствует меньшему относительному размеру тела шимпанзе.

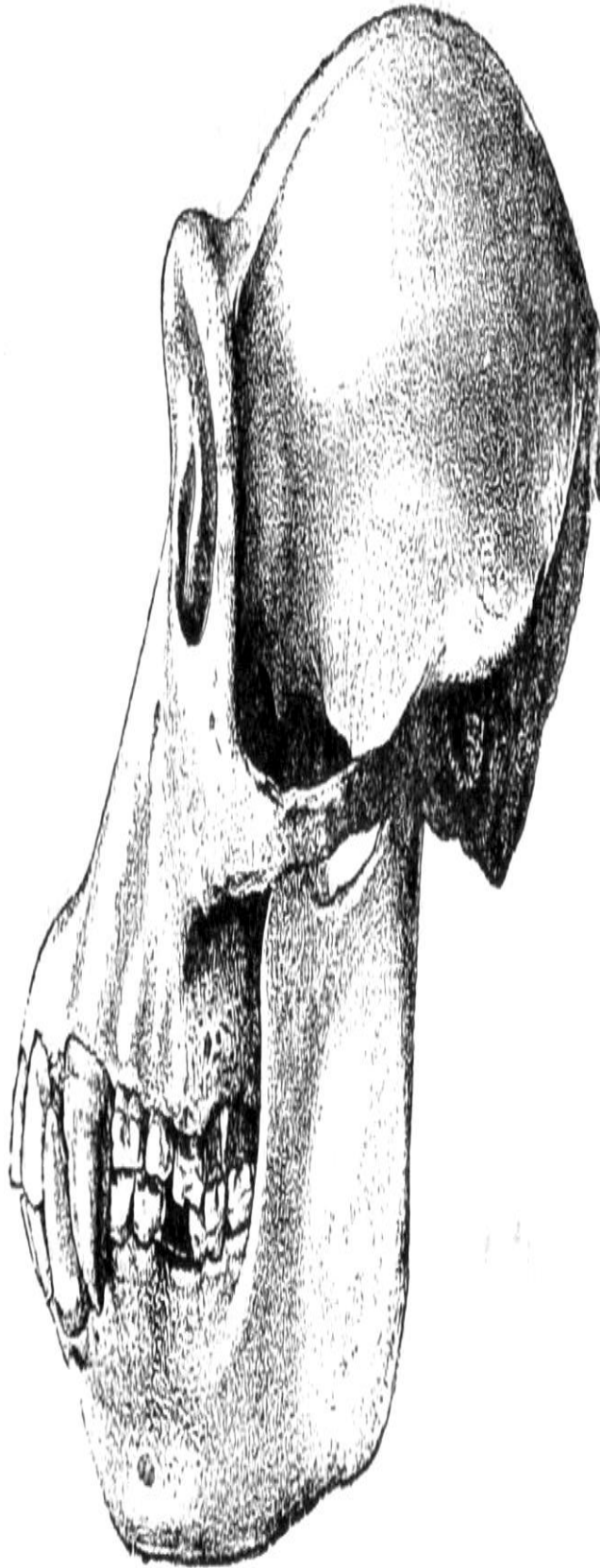

Рис. 18. Череп пожилого самца шимпанзе.

Начнем с общего обзора черепа шимпанзе. У обоих полов лобные области меньше, а теменная область более округлая, чем у гориллы. У шимпанзе отсутствуют высокие костные

гребни и выступающие надглазничные дуги; характерные костные выступы, выступающие как трубки из других частей черепа, менее заметны и относятся скорее к лобной области (см. [рис. 18](#)). Костный мост носа у шимпанзе () более вогнутый; челюстные кости меньше и менее сжаты в центре, чем у горилл.

Когда мы приступаем к подробному описанию черепа шимпанзе, необходимо отдельно рассмотреть черепа пожилых и молодых самцов, а также пожилых и молодых самок, поскольку в данном случае различия по полу и возрасту также очень очевидны. На черепе пожилого самца шимпанзе височные гребни на коронарной дуге не очень развиты. Они соединяются на этой дуге на расстоянии 60–90 мм за глазами и образуют лишь небольшой коронарный гребень. Поперечный затылочный гребень несколько развит, и в месте соединения с коронарным гребнем височные гребни разделяются, образуя его верхние края. Это характерно не только для черепа Рио-Килью, с которого взята [иллюстрация 18](#), но и для черепа так называемого троглодита Чего, приведенного Дювернуа.¹⁸ Однако у некоторых других экземпляров, принадлежащих пожилым самцам, наличие коронарного гребня не может быть обнаружено. У них височные гребни очень маленькие и более или менее удалены друг от друга. В то время как поперечный затылочный гребень сохраняет почти одинаковую высоту на черепе гориллы, как отдельный гребень, он лишь слегка приподнят сзади на черепах шимпанзе, у которых гребень частично развит. У самцов горилл этот гребень разделяет чешуйчатую затылочную часть, которая иногда скошена, а иногда слегка выпуклая; у самцов шимпанзе эта часть более выражено выгнута, а затылочный гребень () имеет форму полуовала. У шимпанзе также присутствуют сосцевидные отростки. Внешний затылочный гребень и изогнутые линии, как правило, заметны. Стилоидные отростки более четко прослеживаются, чем у горилл. У последних, как и у шимпанзе, имеется тупой трубчатый отросток височной кости, противоположный другому костному отростку, исходящему из затылочной кости. Это было замечено Вирховом и названо им сонным отростком (*Processus caroticus*).

Глазницы шимпанзе, как правило, более округлые, с четко выраженным круглым краем, в то время как носовые кости такие же длинные и узкие, как у гориллы. Область челюстей очень прогнатическая; наружные носовые отверстия более округлые и меньшие, чем у гориллы. Коронки клыков выступают в той же форме столбиков ([рис. 18](#)). Треугольное пространство, ограниченное ими и рядом зубов на верхней челюсти, часто очень широкое и выступающее, даже больше, чем у горилл. Но в то время как у последних клыки имеют форму почти трехсторонней пирамиды, у шимпанзе они более округлые и конические. В общей структуре зубов обоих видов есть определенные различия, о которых мы поговорим ниже.

Череп молодого самца шимпанзе еще более выпуклый, чем у пожилых животных. Височные гребни еще далеко друг от друга. Поперечный затылочный гребень имеет вблизи сосцевидного отростка хорошо выраженные крылообразные выемки. В черепах очень молодых самцов уже развито поперечное затылочное выпячивание, о котором мы говорили (*Torus occipitalis transversus*) (). Глазницы явно отделены от черепа; переносица вдавлена; коронки клыков, в соответствии с еще слабым развитием самих зубов, менее заметны, а треугольное пространство, ограниченное зубами, менее выпуклое, чем у более взрослых животных.

Череп взрослого шимпанзе в его коронарной и затылочной частях более равномерно выпуклый, более узкий и более удлиненный, чем у пожилых самцов. Поперечный

затылочный гребень обычно развивается в области верхних изогнутых линий или в костных частях, заключенных между ними и центральными линиями. Носовая и верхняя челюстная область вдавлены. Та часть верхней челюсти, которая содержит резцы и клыки, небольшая. У всех шимпанзе, независимо от пола и возраста, тело нижней челюсти сравнительно небольшое, с двумя низкими, но широкими ветвями, короноидный и мышцелковый отростки которых разделены друг от друга сравнительно широкой щелью. Ветви нижней челюсти шимпанзе еще более резко отступают, чем это обычно бывает у горилл.

Череп очень молодой самки гориллы имеет форму, почти похожую на полусферу. Глазницы едва отходят от лба; отсутствие возвышения глазной дуги и более слабый прогнатизм челюсти отмечаются глубоким углублением между ней и носом и лбом ([рис. 20](#)).

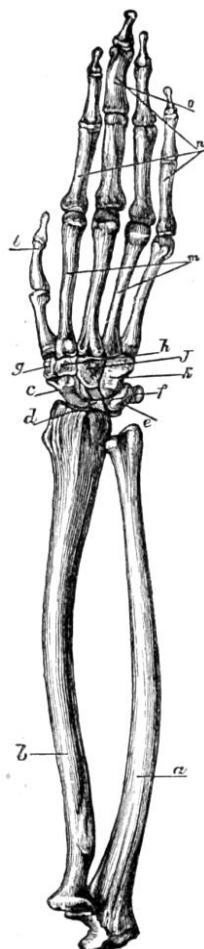
Губчатая текстура костей черепа шимпанзе () допускает наличие целой системы сообщающихся между собой полостей, которые по своей природе напоминают так называемые пазухи, присутствующие в лобных, клиновидных, решетчатых и верхнечелюстных костях человеческого черепа. Однако у шимпанзе пазухи более обширны, чем у человека и даже у горилл. Большие полости лба сообщаются с полостями носа и челюстей. Клиновидные пазухи и решетчатые ячейки большие и глубокие. Большие крылья клиновидной кости и ее крыловидные отростки снабжены значительными полостями. Сосцевидные ячейки височных костей соединяются с ячейками больших крыльев и крыловидных отростков клиновидной кости, а также простираются через чешуйчатые части и скуловые отростки височных костей, теряясь в своей верхней части в более мелких ячейках губчатой кости, которые находятся между внешней и внутренней стенками черепа. Они имеют более однородную форму и размер.

Рис. 19. Череп очень молодой самки шимпанзе.

Скелет шимпанзе, в соответствии с меньшими размерами вида, относительно более стройный, чем у гориллы. Остистые отростки семи шейных позвонков развиты слабее и имеют неразделенные концы. Поперечные отростки пятого и шестого шейных позвонков

почти такой же формы, как шейные ребра. Есть тринадцать спинных позвонков, несколько сдавленных с боков: это сдавление больше, чем у человека и гориллы. Четыре поясничных позвонка шимпанзе снабжены длинными, тонкими, ребристыми поперечными отростками. Так называемые сосковидные отростки последнего позвонка сильно развиты у самцов. Межпозвоночные отверстия небольшие, как и у горилл и орангутанов. Тринадцать ребер шимпанзе напоминают человеческую структуру. Ключица слегка изогнута, как у горилл. Существует заметная разница между полами в структуре лопатки, которая у самцов

широкая и трехгранная, а у самок маленькая и листовидная.

Рис. 20. Скелет предплечья и кисти центральноафриканского шимпанзе. а, Локтевая кость. б, Лучевая кость. с, Ладьевидная кость. d, Полулунная кость. е, Клиновидная кость. f, Рыбная кость. g, Трапецевидная кость. h, Большая кость. j, Трапецевидная кость. k, Крючковидная кость. l, Фаланги большого пальца. m, Пястные кости. n, Фаланги.

Плечевые кости имеют тонкие диафизы с хорошо развитыми мышечками и гребнями. Кости предплечья сильно изогнуты, так что расстояние между ними, как и у гориллы, довольно большое. От запястья до конечных фаланг кисть более тонкая, чем у гориллы.

Таз у этого вида обезьян имеет высокие, узкие подвздошные кости, расширяющиеся в верхней части и выступающие вперед (), образуя полость брюшной полости, и, особенно у самцов, передние отростки подвздошной кости более развиты, чем у горилл и орангутанов. Седалищные бугры имеют расширенную форму и значительно расходятся друг от друга. Лобковая дуга глубоко вогнута, но место соединения приподнято. Как и у горилл,

крестцовая кость напоминает основание хвоста, но она менее развита и имеет менее коническую форму.

У шимпанзе, как и у других антропоидов, копчик в целом производит впечатление сдавленного с боков и рудиментарного хвоста. Это особенно характерно для молодых животных, у которых копчик всегда выглядит очень узким и удлинённым. У более взрослых животных эта часть постепенно расширяется, но не теряет сходства с рудиментарным хвостом.

Головка бедренной кости напоминает часть сферы, верхняя часть которой иногда отсутствует. Ее диафиз, изогнутый спереди, у самок гораздо тоньше, чем у самцов (). Надколенник овальный. В большеберцовой кости узкий диафиз сдавлен сбоку и изогнут внутрь. Кости на внутренней стороне стопы направлены назад, а кости на внешней стороне, прикрепленные к малоберцовой кости, повернуты наружу.

В голеностопном суставе головка таранной кости сильно выгнута и повернута внутрь. Ладьевидная кость толстая и глубоко выемчатая. Плюсневые кости и фаланги имеют значительную выпуклость вверх ([рис. 21](#)).

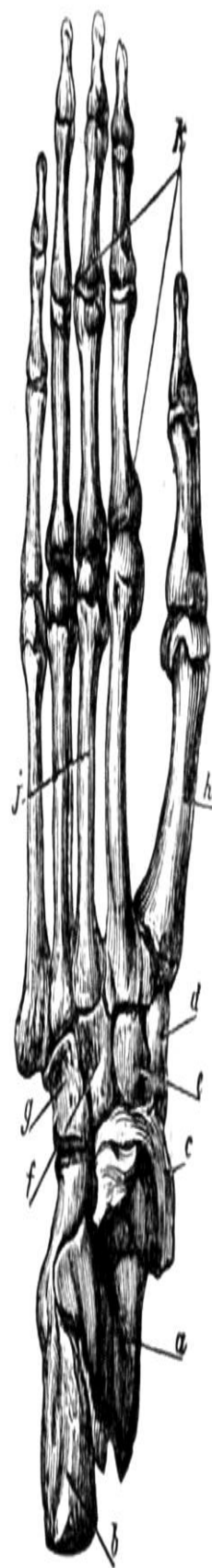

Рис. 21. Скелет стопы центральноафриканского шимпанзе. *a* — астрагал. *b* — пяточная кость. *c* — лодочная кость. *d, e, f* — клиновидные кости. *g* — кубовидная кость. *h* — первая плюсневая кость. *j* — вторая-пятая плюсневые кости. *k* — фаланги.

Скелет орангутана также имеет свои особенности. При описании внешней формы головы этих животных мы уже отмечали, что череп высокий и выступающий, а его задняя часть отступает назад. У старого самца орангутана эта часть костной структуры меньше, чем у старого самца гориллы. Свод черепа короче и округлее, чем у этого животного и у шимпанзе. Центральный продольный гребень темени присутствует, но в соответствии с более сферической формой коронарной части черепа этот гребень более выпуклый сверху, чем у гориллы, у которой он плавно поднимается к поперечному затылочному гребню, который высоко и остро поднимается сзади головы. Последний гребень действительно развит у орангутана, но он не такой высокий и более отступающий. В результате этой формы верхняя задняя часть черепа гориллы в профиль выглядит гораздо более резкой и заостренной, чем у орангутана. У последнего также глазные дуги не такие высокие и резкие и не так сильно отделены от остальной части черепа. У орангутана чешуйчатая затылочная часть резко опускается впереди и вниз, но в целом она более выпуклая, чем у гориллы. Глазницы орангутана, которые иногда бывают округлыми, а иногда более квадратными, разделены друг от друга узкой перегородкой. Пространство между ними и передними ноздрями не такое большое, как у гориллы. В то время как у последнего животного пространство между корнем носа и зубами верхней челюсти выпуклое, у шимпанзе оно в целом вертикальное, а у орангутана вдавленное ([рис. 22](#)). Верхнечелюстные части, снабженные крепкими клыками, очень прогнатичны, но не в такой степени, как у шимпанзе. Тело нижней челюсти высокое, а ее ветви высокие и широкие. Костные гребни, о которых мы говорили, отсутствуют у самок. Коронковая часть и чешуйчатые затылочные части выпуклые; верхняя челюсть меньше, а нижняя челюсть также менее массивная, чем у самца. У очень молодых животных преобладание сильно выпуклого черепа над лицом очевидно, и увеличение размера последнего происходит постепенно ([рис. 23](#)).

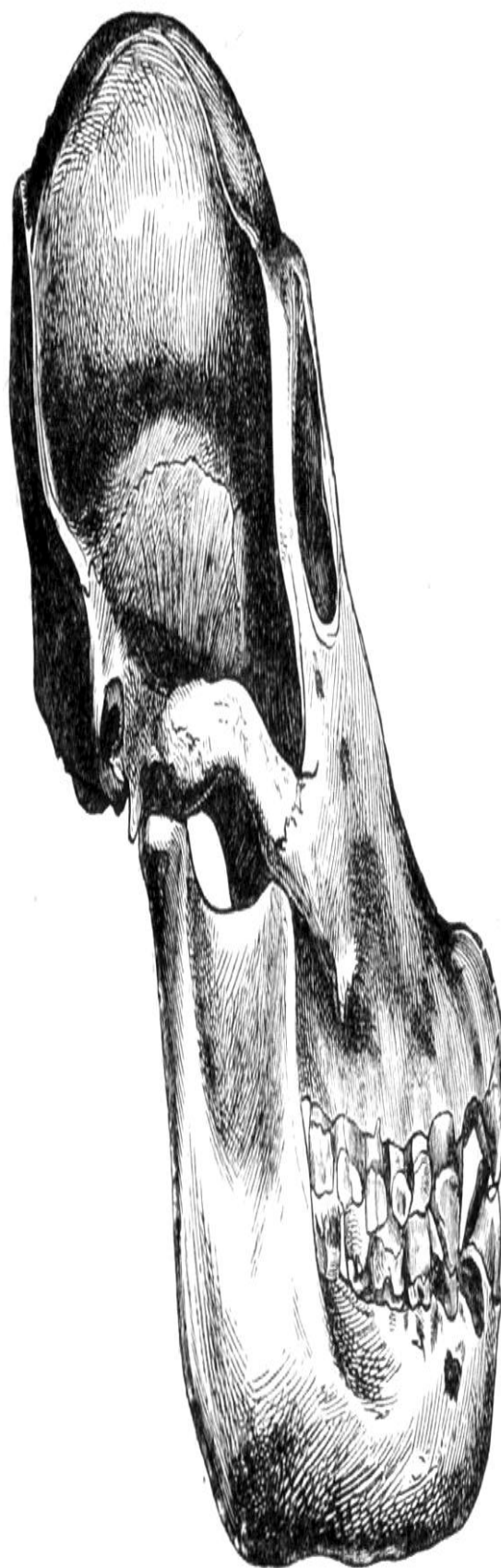

Рис. 22. Череп самки орангутанга среднего возраста.

Передние ноздри узкие в верхней части и широкие в основании. Они имеют более выраженную грушевидную форму (*Apertura pyriformis*), чем у горилл и шимпанзе. У горилл (

) эти отверстия, как правило, шире и более равномерно закруглены. Бишофф справедливо замечает, что костная часть под глазами, которая у горилл широкая в верхней части и сужается в нижней части лица, у орангутанов более узкая и вертикальная. Носовые кости орангутана высокие и умеренной ширины. Брюль упоминает о стилоидном отростке черепа орангутана, который, однако, несколько недоразвит по сравнению с таковым у человека. Он берет свое начало в довольно глубокой борозде. С другой стороны, Брюль, как мы уже отмечали, не может найти никаких следов стилоидного отростка в черепах горилл и шимпанзе!¹⁹

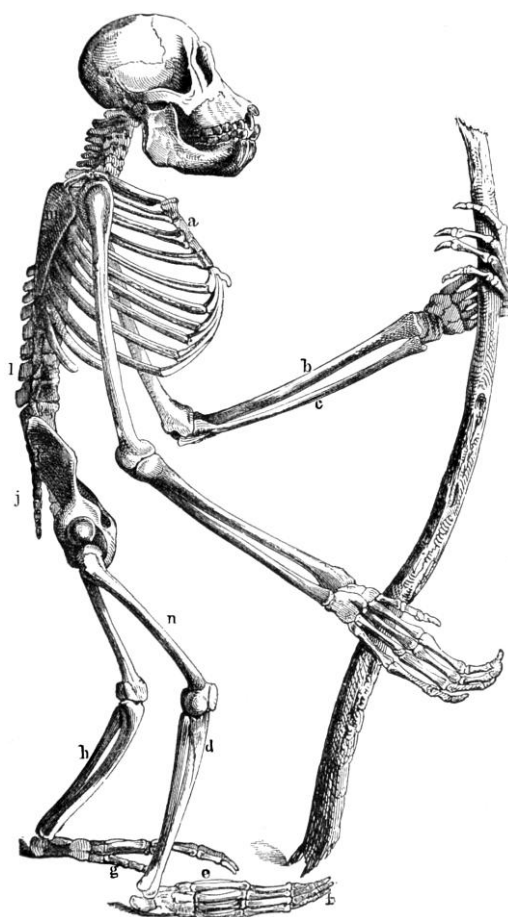

Рис. 23. Скелет молодого орангутана. *a* — грудинка; *b* — лучевая кость; *c* — локтевая кость; *d* — большеберцовая кость; *e* — пястная кость; *f* — фаланги; *g* — большой палец стопы; *h* — малоберцовая кость; *j* — тазобедренные кости; *k* — копчик; *l* — позвоночник; *m* — лопатка; *n* — бедренная кость.

В черепе орангутана имеется много крупных костных полостей. Их можно наблюдать в больших крыльях и крыловидных отростках клиновидной кости, в сосцевидных и чешуйчатых частях височных костей, в слезных костях, в теле и мыщелках затылочной кости, а также в скуловой дуге. Более крупные передние ячейки на чешуйчатой части височной кости () соединены широким отверстием с пазухами больших крыльев и крыловидных отростков клиновидной кости. Пазуха, которую можно наблюдать на большом крыле, обычно соединяется с височными ячейками через большое круглое отверстие. Обычно, но не всегда, между пазухами большого крыла и крыловидного отростка и носовой полостью имеется сообщение. Эти полости иногда сообщаются друг с другом

через широкое отверстие в основании носа. Скуловая плоская часть височных костей имеет клеточный синус, который сообщается с клетками сосцевидного отростка, в своей нижней части с барабанной полостью, а в передней части с косточками нижней стенки барабанной полости. Верхнечелюстные пазухи связаны с клетками слезной кости. В черепе орангутана нет ничего, что соответствовало бы каналу Видиана клиновидной кости, но его можно проследить у гориллы и шимпанзе.

Позвоночный столб орангутана не имеет таких же огромных остистых отростков, которые отличают позвоночный столб гориллы. Он также отличается многими другими, хотя и менее заметными, особенностями как от гориллы, так и от шимпанзе. У орангутана обычно двенадцать грудных позвонков, сужающихся в нижней части, в то время как их длинные, толстые поперечные отростки, полные узлов, направлены вверх. Верхние суставные отростки четырех поясничных позвонков представляют собой короткие и довольно незначительные сосцевидные отростки. Грудина молодого орангутана обычно состоит из одной большой верхней кости () и шести более мелких костей ниже. У более взрослых животных тело грудины, по-видимому, состоит из ряда трех соединенных между собой костей. Ребра похожи на ребра человеческого скелета, ключица длинная и прямая, а лопатка по форме также напоминает лопатку человека. Плоские тазовые кости орангутана также повернуты наружу; седалищные кости короткие, с лопатообразными бугорками; лобковая дуга высокая, а запирающее отверстие узкое и овальное. Крестец и копчик не так сильно напоминают рудиментарный хвост, как в случае с антропоидами, которых мы уже описывали. Нам напоминает человеческое строение плечевая кость, стержень которой сильно изогнут сзади и с внешней стороны. Локтевая кость очень тонкая и снабжена удлинением, зазубренным шиловидным отростком. Шея лучевой кости сужается, а ее стержень изогнут, как у локтевой кости, а передний край и косая линия острые. Запястье, пястная кость и пальцы длинные и узкие.

Бедренная кость орангутана отличается большой головкой, имеющей форму части сферы, и тонким диафизом. Последний менее изогнут, чем у гориллы. Надколенник, который, по моему мнению, следует отнести к так называемым сесамовидным костям, в данном случае имеет неправильную форму. Голень и кости стопы удивительно тонкие. Ладьевидная кость сужается; головка таранной кости не поворачивается внутрь так сильно, как у гориллы. Задние поверхности плюсневых костей и фаланг явно поворачиваются наружу.

Теперь мы должны рассмотреть костную структуру гиббонов (), у которых есть много специфических вариаций, которые мы не можем рассмотреть подробно из-за ограниченности места, но необходимо дать краткий обзор их органической системы. Черепная коробка этого животного имеет овальную форму, без гребней, столь характерных для других антропоидов, и даже у пожилых самцов этого вида их развитие настолько незначительно, что едва заметно. Затылочная кость самцов, как правило, округлая, а вся затылочная часть несколько сдавлена вниз, в то время как теменная область одновременно уплощена. Череп постепенно расширяется сзади, так что, если смотреть сверху, его форма напоминает грушу. У пожилых самцов глазницы выступают из низкой, отступающей лобной кости и окружены костным круглым ободком.

Лицо не очень prognathic, а короткие широкие носовые кости образуют широкую, вдавленную перегородку между глазницами. Края челюстных костей описывают параболическую кривую и значительно удлинены. Небо, соответственно, длинное и узкое. Ветви нижней челюсти широкие и низкие, а их короноидные отростки развиты лишь слабо. У пожилых самцов зубы, особенно клыки, длинные и выступающие, однако, сравнительно говоря, они никогда не достигают такого большого развития, как у других антропоидов.

Число позвонков, по-видимому, подвержено значительным колебаниям даже у одного и того же вида, и разные натуралисты дают разные оценки. Мюллер, например, утверждает, что у нескольких видов гиля () (*Hylobates syndactylus*, *H. leuciscus*, *H. variagatus* и *H. concolor*) имеется тринадцать грудных, пять поясничных, шесть крестцовых и четыре копчиковых позвонка. Кювье насчитал у сиаманга тринадцать спинных, пять поясничных, четыре крестцовых и три копчиковых позвонка. У *Hylobates agilis* я насчитал тринадцать спинных, шесть поясничных, пять крестцовых и четыре копчиковых позвонка. *Hylobates syndactylus* имеет длинные копчиковые кости и удлинненную крестцовую кость, которая создает впечатление, что она служит для прикрепления короткого хвоста или, по сути, сама по себе является рудиментарным хвостом. В остальном шейные, спинные и поясничные позвонки мало отличаются по структуре от позвонков человека.

Ребра на груди, которая резко расширяется наружу, сильно выгнуты. Самые нижние из них выступают вперед из-за ширины диафиза. В груди наблюдается диспропорция между небольшим размером ее тела и размером и шириной ее конца. Мечевидный отросток этой кости длинный и широкий, а его нижний конец имеет форму лопатки. В плечевом поясе ключицы очень тонкие и сильно выгнутые. Лопатки, с другой стороны, высокие и узкие, имеют форму лопатки и снабжены круто выступающим акромионным отростком, сильно развитым коракоидным отростком и глубокими гленоидными впадинами. Верхние конечности, в соответствии с общей структурой этих обезьян, очень тонкие; диафизы костей предплечья и запястья удлинненные, с небольшими концами. Мышечки небольшие, особенно локтевые. Кости запястья, пясти и пальцев также длинные и тонкие.

В тазу мы отмечаем, что подвздошные кости узкие внизу и расширяются в форме лопатки вверх, а их положение почти вертикальное. Их внутренние поверхности лишь слегка вогнуты и направлены несколько вперед. Седалищные кости низкие, с широкими, уплощенными, неровными бугорками и округлыми замыкательными отверстиями. Седалищные ветви выступают вперед почти в горизонтальном направлении. На лобковой дуге сиаманга имеются крупные выступы.

Кости ног намного короче, чем кости рук. Головки бедренных костей явно выделяются из их коротких шей и больших вертелей, как сегменты идеальных сфер. В этом случае, как и у других антропоидов, третий вертел (*trochanteres tertii*), часто так заметный в бедренной кости человека, едва заметен. Кости голени имеют дугообразную форму. Большеберцовая кость часто сдавлена сбоку, так что ее поперечное сечение образует неравносторонний треугольник. Лодыжки сдавлены спереди назад. Удлиненные пяточные кости кажутся сдавленными в боковом направлении. Канал между таранной костью и пяточной костью (*Sinus tarsi*) очень широк. Плюсневые кости и фаланги имеют большие основания, длинные тонкие стержни и головки, выступающие на нижней стороне. Даже конечные фаланги длинные и тонкие.

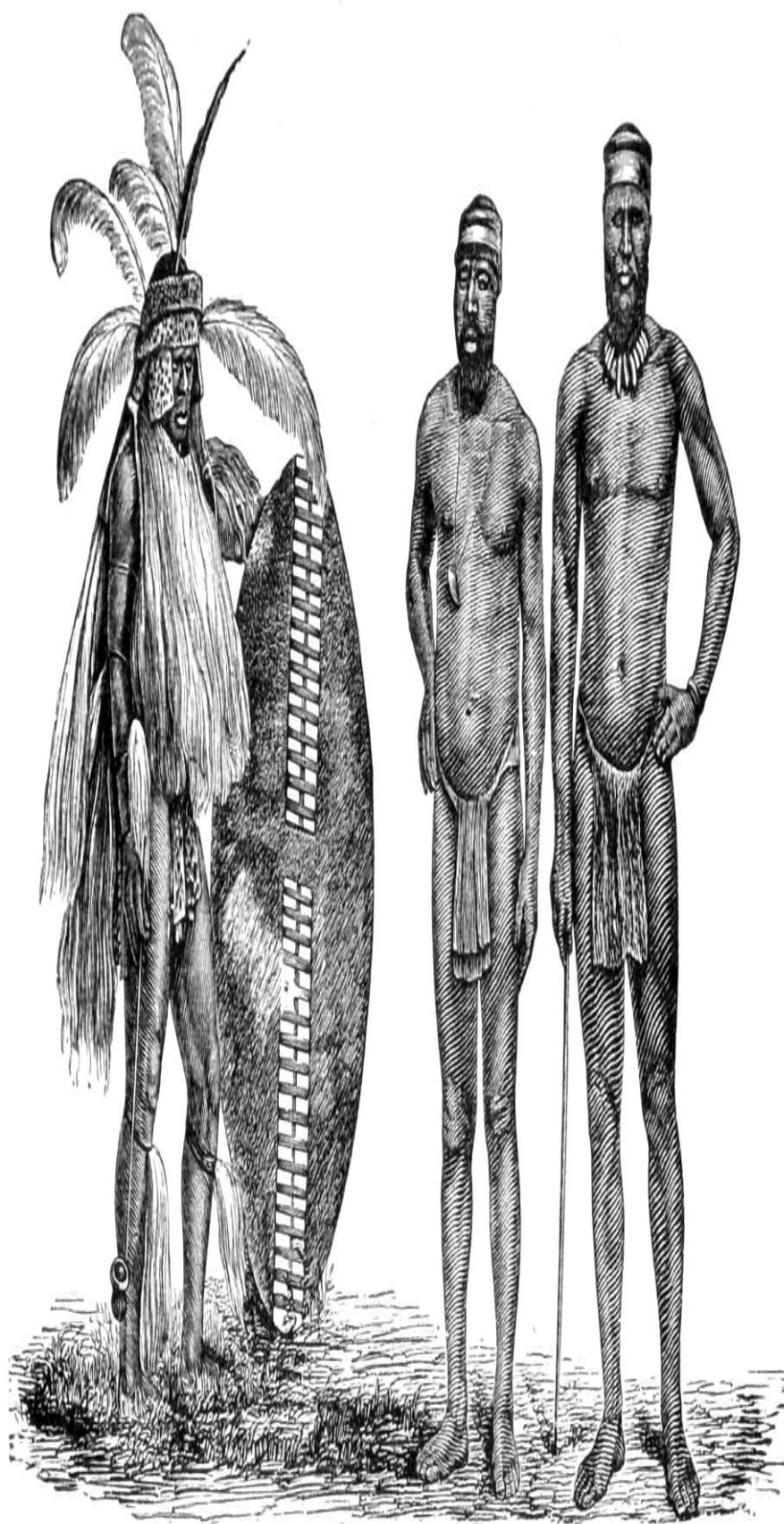

Рис. 24. — Король зулусов Кетчвайо в боевом снаряжении с двумя своими воинами.

Теперь будет полезно сравнить внешние признаки антропоидов с признаками человека. Иногда мы склонны видеть истинное сходство антропоидных обезьян с темнокожими, обнаженными дикарями. Эти дикари часто недоедают, их кожа морщинистая, лицо даже в раннем возрасте глубоко изрезано морщинами, а их общий вид неряшливый. Темный силуэт таких людей так отчетливо выделяется на светлом фоне, их образ жизни настолько груб, их поведение производит на нас такое неприятное впечатление, что мы невольно приводимся к такому сравнению. Эта тенденция, к сожалению, дает широкое поле для преувеличений среди дилетантов-натуралистов и тех, кто рьяно стремится утвердить заранее сформированную теорию. Однако добросовестный исследователь должен быть осторожен и избегать слишком больших обобщений в таких сравнениях. Например, много говорится о питекоидном строении всех африканских негров, но это относится только к некоторым особо уродливым расам, находящимся в состоянии физической деградации. В разных частях Африки есть много негритянских племен, которые отличаются хорошо сложенными телами и неплохой осанкой. Воинственное поведение туземцев Ашанти, Дагомеи и Ибо хорошо известно. Хотя хаусаны имеют плоские носы и толстые губы, но когда они вооружены и одеты в форму, как мы видим на фотографиях войск капитана Гловера, их военная осанка очень заметна. Племена шиллук, нуэр, бари, ниям-ния и а-банту представляют собой примеры выдающихся воинов, какими бы грубыми и дикими они ни были. Дабуламанзи, командир зулусов в кровавых сражениях при Исандлхване и Улунди, и его вожди на фотографии, которая находится в моем распоряжении, производят на меня впечатление доблестных воинов, какими бы нецивилизованными они ни были. Во всех этих случаях трудно установить сходство с человекообразными обезьянами (см. также [рис. 24](#)).

Папуасы, особенно проживающие на австралийском континенте, в таких сравнениях обычно относятся к категории африканских негров. Мы признаем, что толпа австралийских чернокожих, изможденных голодом и усталостью, истощенных и грязных, бродящих по безденным лесам, степям и густым зарослям своей родной страны, может производить странное и животное впечатление. И если иностранный захватчик испытывает грубое удовольствие, давая пить этим дикарям, их нескромные жесты могут произвести отвратительное впечатление об их животной природе. Однако привычки даже этих темнокожих дикарей совершенно иные в более благоприятных условиях. Несмотря на небольшой рост, они неплохо сложены, а их манеры и поведение поддаются улучшению, так что они могут выполнять функции местной полиции, посыльных и т. д. Так было и с туземцами из Квинсленда, Австралия, которых я видел в Берлинском зоологическом саду, бросающими бумеранги. Однако даже у этих прирученных дикарей мы должны отметить выпуклые глазницы, глубокую впадину между лбом и носом и плоскость последнего органа. Есть пожилые, морщинистые бушмены, негры, папуасы, малайцы, японцы и монголы из внутренних районов Азии, чьи лица полностью питекоидны. И такой тип лица можно встретить даже в Европе.

Несколько лет назад г-н Бонд, землемер в Британской Индии, утверждал, что он нашел недостающее звено между человеком и обезьянами в горном районе Западных Гаутов. И действительно, раса, которую он описывает, кажется, имеет сильное сходство с обезьянами. «Лоб низкий и отступающий. Нижняя часть лица выступает, как морда обезьяны; ноги короткие и выгнутые наружу. Туловище и руки сравнительно длинные. Руки и пальцы согнуты, так что последние не могут свободно выпрямляться; толстая кожа покрывает ладонь и пальцы, особенно их кончики; ногти маленькие и несовершенные; стопы широкие и покрыты толстой кожей как на тыльной стороне, так и на подошве. Это племя, по-видимому, поклоняется природе. У них нет постоянных жилищ; они питаются в основном корнями и медом, который вместе с воском и другими продуктами своих лесов обменивают на табак, одежду и рис».^{[20](#)}

Насколько мне известно, больше ничего не было опубликовано об этой расе. Приведенное выше описание оставляет желать лучшего. Утверждение о сжатых пальцах неясно, и такое состояние прямо противоречит любому сходству с гибкой рукой обезьян.

Рис. 25.

Айданил, безволосый австралиец.

Рис. 26.

То же самое в профиль.

Отвлечемся от племени, существование которого все еще вызывает сомнения, и рассмотрим приложенные портреты мужчины и женщины, аборигенов из Квинсленда, из района, орошаемого рекой Баллоне. Это Айданил, брат, и Деван, сестра, члены безволосой семьи. Неутомимый Миклучо-Маклей отправился в Гульнарбер, в 140 милях от Тулбы, чтобы осмотреть их, и сделал фотографии, с которых взяты наши иллюстрации.^{[21](#)}

Сходство с шимпанзе, лишенным шерсти, можно проследить в килеобразной или крышеобразной форме черепа; в выпуклости надбровных дуг; в глубокой впадине между лбом и носом, только центр переносицы которой имеет небольшое вертикальное возвышение; в широких, уплощенных ноздрях, ограниченных глубокими бороздками; в широком, мясистом рте и больших, выступающих в стороны ушах. Гратйоле и Аликс приводят такой череп в своем трактате о *Troglodytes Aubryi* (рис. [25](#), [26](#), [27](#)). Если к этому добавить темно-коричневую кожу, глубоко бороздчатое лицо и темно-коричневые глаза,

как их описывает Миклучо-Маклей (), то внешнее сходство между многими австралийскими аборигенами и обезьянами становится еще более заметным.

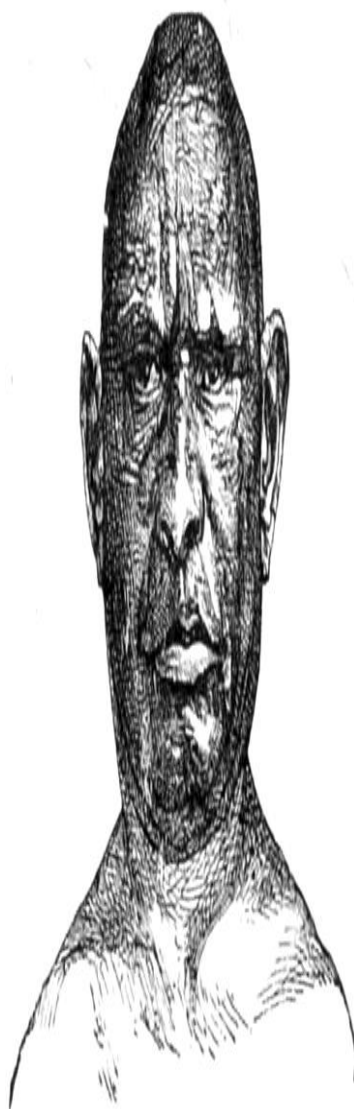

Рис. 27. — Деван, сестра Айданилла.

Выступающие уши распространены среди мужчин разных рас, и я наблюдал их у европейцев, которые в остальном хорошо сложены. Даже в последнем случае эффект напоминает обезьяну. Много говорилось о сходстве, которое часто можно наблюдать между человеческим ухом и ухом обезьян. Признано, что едва ли какая-либо часть организма так сильно варьируется по своим характеристикам, как наружное ухо. Это характерно для антропоидов и почти еще чаще для людей. У представителей всех народов встречаются дефекты развития той или иной характеристики ушной раковины, угла трагуса, выемки ушной раковины и ушной ямки, а также несовершенные сформированные или полностью отсутствующие мочки. Я часто наблюдал такие деформированные уши, которые отличаются от идеального типа и имеют определенное сходство с ушами обезьян, у крестьян с суровыми чертами лица в Германии, Швейцарии, Франции, Италии и Польше, которых нельзя назвать наследниками красоты. В Африке я обнаружил, что это дефектное образование чаще встречается среди мальтийцев, греков и турок, проживающих в этой стране, чем среди феллахов, берберов и негров. Последних несправедливо обвиняют в том, что у них «уродливые обезьяноподобные уши», тогда как среди африканских рас эти органы

в большинстве случаев имеют приятную форму. Что касается австралийских чернокожих и малайцев, монголов и индийцев (), то я не могу полагаться на свои личные наблюдения. Судя по моему весьма ограниченному опыту, среди этих рас существует большая индивидуальная вариативность, и уши отвратительной обезьяноподобной формы можно найти без труда. Конкретное сходство с обезьянами может быть установлено только тем, кто точно знаком с организмом этих животных. Эти и подобные идеи часто высказываются невежественными людьми, которые на самом деле не понимают рассматриваемых характеристик.

Дарвин говорит об антропоидной форме ушей у шимпанзе и орангутангов.²² «Уши шимпанзе и орангутангов удивительно похожи на человеческие, и смотрители зоологического сада уверяют меня, что эти животные никогда не двигают и не поднимают их, так что с точки зрения этой функции они находятся в таком же рудиментарном состоянии, как и человек. Почему эти животные, как и предки человека, утратили способность поднимать уши, мы не можем сказать. Возможно, хотя я не совсем согласен с этой точкой зрения, что благодаря своему древесному образу жизни и большой силе они были мало подвержены опасности, и поэтому в течение длительного периода времени почти не двигали ушами и постепенно утратили способность их двигать. Это было бы аналогичным случаем с теми крупными и тяжелыми птицами, которые, обитая на океанических островах, не подвергались нападениям хищных животных и, следовательно, утратили способность использовать свои крылья для полета.

«Известный скульптор, г-н Вулнер, рассказал мне об одной небольшой особенности наружного уха, которую он часто наблюдал как у мужчин, так и у женщин, и значение которой он полностью осознал. Впервые его внимание привлек этот вопрос, когда он работал над фигурой Пака, которой он придал заостренные уши. Это побудило его исследовать уши различных обезьян, а затем более тщательно изучить уши человека. Особенность заключается в небольшом тупом выступе (), выступающем из внутреннего края уха, или завитка. Эти выступы не только выступают внутрь, но часто и немного наружу, так что их можно увидеть, глядя на голову прямо спереди или сзади. Они различаются по размеру и в некоторой степени по положению, находясь либо немного выше, либо ниже; иногда они встречаются на одном ухе, а на другом отсутствуют. Смысл этих выступов, на мой взгляд, не вызывает сомнений, но можно подумать, что они слишком незначительны, чтобы заслуживать внимания. Однако эта мысль столь же ложна, сколь и естественна. Каждая особенность, какой бы незначительной она ни была, должна быть результатом какой-то определенной причины, и если она встречается у многих особей, то заслуживает внимания. Спираль, очевидно, состоит из крайнего края уха, загнутого внутрь, и эта загнутость, по-видимому, каким-то образом связана с тем, что все внешнее ухо постоянно прижато назад. У многих обезьян, которые не занимают высокого положения в порядке, таких как бабуины и некоторые виды макак, верхняя часть уха слегка заострена, а край вовсе не загнут внутрь; но если бы край был загнут таким образом, небольшой выступ обязательно выступал бы внутрь и, вероятно, немного наружу. Это действительно можно было наблюдать у экземпляра *Ateles beelzebuth* в зоологическом саду; и мы можем с уверенностью заключить, что это похожая структура — пережиток прежних заостренных ушей — которая иногда появляется у человека».

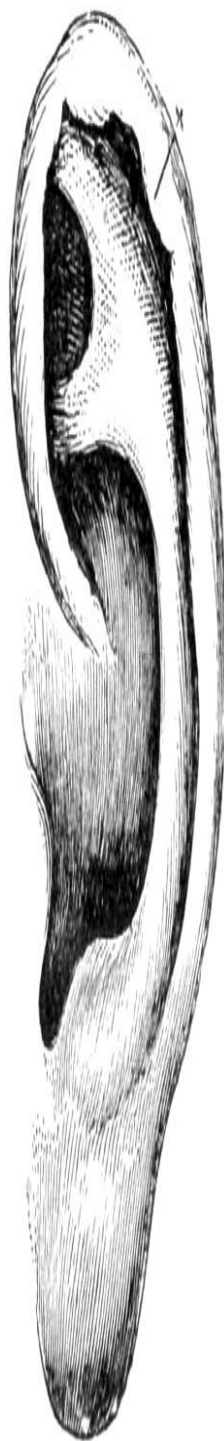

Рис. 28. — Человеческое ухо.

Я прикладываю иллюстрацию человеческого уха, на которой легко обнаружить упомянутый Дарвином заостренный кончик (). Этот кончик можно также увидеть на ушах антропоидов, особенно у орангутанов. Мейер попытался показать, что этот дарвиновский заостренный кончик является лишь результатом неполного развития части ушной раковины, и в этом случае мы не должны рассматривать это явление как обезьяноподобное заострение ушной раковины, а скорее как ее частичное прерывание из-за патологического состояния этого органа.²³ В более позднем издании своей работы Дарвин, отвечая Мейеру, признает, что это объяснение может быть применимо ко многим случаям, когда имеется несколько очень маленьких точек или когда вся ушная раковина извилистая. В одном

случае, сфотографированном Дарвином, выпуклость была настолько велика, что, если бы мы предположили вместе с Мейером, что ухо было бы нормальным, если бы хрящ был равномерно развит по всей длине ушной раковины, то последняя должна была бы занимать треть уха. Дарвину были упомянуты два случая, когда верхний край уха не имел внутренней складки и был настолько заострен, что очень походил на ухо обычного млекопитающего. Ухо плода орангутанга, представленное на иллюстрации Дарвина, кажется заостренным, хотя у взрослого животного этот орган очень похож на человеческое ухо. Заостренный кончик уха, описанный Дарвином, можно также увидеть у плода орангутанга, описанного и проиллюстрированного Сальваторе Тринчезе в *Annali del Museo civico di Storia Naturale di Genova* (1870). Кончик ушной раковины заострен у очень молодых особей гиббонов, особенно у *Hylobates Lar*. Среди низших приматов заостренные уши очень распространены (см. [рис. 29](#)).

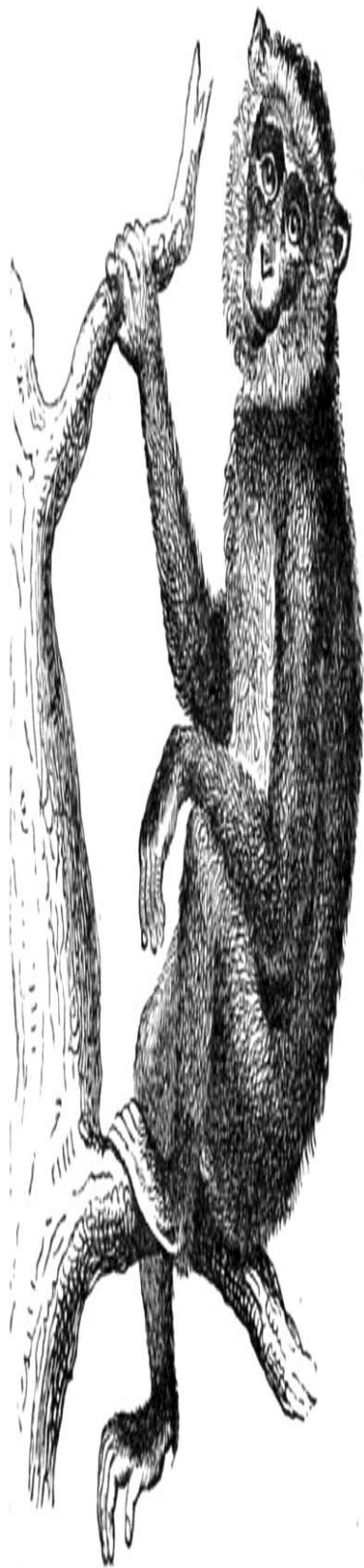

Рис. 29. Магот (*Inuus ecaudatus*).

Веки антропоидов по своей структуре очень похожи на веки человека. У взрослых горилл и шимпанзе всегда имеется полулунная складка (*plica semilunaris*), соответствующая мембране никтитанс, или третьему веку птиц. У человека вместо этого существует только рудиментарный аппарат, слезная карункула (*caruncula lachrymalis*). У некоторых

представителей рода Ното () она достигает значительных размеров, как я наблюдал у феллахов, берберов, шиллуков и других племен. С другой стороны, превращение карункулы в настоящую, хотя и рудиментарную, *полулунную складку* (*plica semilunaris*) у человека мной не наблюдалось. Миклухо-Маклай описывает карункулу у меланезийцев (папуасов Новой Гвинеи), у оранг-сакаев (Малайского полуострова) и у микронезийцев (острова Япония и архипелага Палау) как в два-три раза более широкую, чем у среднего европейца.²⁴

Глаза молодого самца гориллы, который содержался в Берлинском аквариуме в 1876–77 годах, были тщательно исследованы мной в июне 1877 года. Я обнаружил, что склеротическая мембрана глазного яблока была беловатой, окруженной темно-коричневым кольцом. Второе, более темное кольцо, четко очерченное, окружало роговицу. Радужная оболочка была желтовато-коричневой. Однако склеротическая мембрана постепенно темнеет, создавая эффект однородного темно-коричневого цвета. Радужная оболочка дольше сохраняет светло-коричневый цвет, но с возрастом темнеет. У пожилых животных в глазах нет блеска, за исключением отраженного света. У шимпанзе радужная оболочка светло-коричневая, граничащая с желтым цветом; то же самое наблюдается и у орангутанов.

Часто наблюдается бесстрастный, равнодушный взгляд антропоидов, и, несомненно, шимпанзе и орангутанги обычно смотрят перед собой спокойно. Однако я наблюдал оживленное выражение в глазах представителей первого вида, а У. Л. Мартин также замечал вспышки и оживление в их глазах. Я никогда не забуду выражение злобного гнева в глазах самки Мафуки в Дрездене, как только ее начали дразнить. Выражение глаз гориллы в Берлинском аквариуме также часто менялось, особенно когда она собиралась проделать какой-нибудь озорной трюк или когда ее провоцировали на гнев. Выражение этого животного было очень человеческим, но, естественно, оно могло напоминать только темные глаза негров и других чернокожих рас. В 1876 году в Берлинском аквариуме было два очень молодых орангутанга, один волосатый, а другой безволосый. Эти животные прижимались друг к другу в тесном объятии (). Если их разлучали, их глаза становились яркими и беспокойными, и они снова пытались обнять друг друга, издавая жалобные крики. Когда одного из животных щекотали под подбородком, оно делало самую нелепую гримасу, и его глаза загорались, как заметил Мартин в подобных случаях. Глаза гиббонов, которых я наблюдал, имели совершенно мягкое и спокойное выражение, редко оживающее каким-либо огнем.

Упомянутый нами случай с безволосыми австралийцами тем более примечателен, что эти аборигены в большинстве своем отличаются обильным ростом волос. Австралийские чернокожие и айны из Йедо, как правило, являются, пожалуй, самыми волосатыми расами в мире. Однако известно, что во всех странах и климатических зонах встречаются исключительные случаи, когда тела отдельных людей полностью или частично покрыты волосами, и иногда это касается целых семей. Интересные исторические и морфологические исследования, касающиеся этих волосатых людей, были недавно проведены фон Зибольдом, Экером, Вирховом, Бартельсом и Орнштейном. Во многих из этих случаев мы сталкиваемся с явно животноподобными явлениями. Мексиканская женщина Джулия Пастрана демонстрирует самое сильное сходство с обезьянами. Другие волосатые мужчины на первый взгляд напоминают нам некоторых представителей собачьих видов. Во всех расах женщины менее волосаты, чем мужчины. Дарвин утверждает, что у самок некоторых видов обезьян нижняя часть тела менее волосата, чем у самцов, и это также характерно для антропоидов, особенно для шимпанзе.

Борода, как мы знаем, характерна как для человека, так и для обезьян. У обезьян она более развита у самцов, чем у самок, и то же самое наблюдается и у людей. Дарвин отмечает, что рост бороды как у мужчин, так и у обезьян происходит в период их половой зрелости, а также что между мужчинами и обезьянами существует замечательная параллель в ее цвете. Ведь когда цвет бороды человека отличается от цвета волос на голове, что часто бывает, она, без исключения, имеет более светлый и, как правило, красноватый оттенок. Дарвин наблюдал это в Англии, а Гукер не нашел исключений из этого правила в России. Дж. Скотт тщательно наблюдал за многочисленными расами, которые можно встретить в Калькутте, как и в других частях Индии, а именно за двумя расами сикхов, бхотеасами, индусами, бирманцами и китайцами. Хотя у большинства этих рас очень мало волос на лице, Скотт обнаружил, что во всех случаях без исключения, когда был какой-либо различие в цвете волос на голове и бороды, последняя была более светлого оттенка. У обезьян цвет бороды часто сильно отличается от цвета волос на голове, и в таких случаях она всегда имеет более светлый оттенок, часто белый, иногда желтый или красноватый.

Рис. 30. — Капуцин (*Cebus capucinus*).

«Хорошо известно, — говорит Дарвин, — что волосы на наших руках имеют тенденцию сходиться сверху и снизу к одной точке на локте. Это любопытное расположение, столь непохожее на расположение у большинства низших млекопитающих, характерно для горилл, шимпанзе, орангутанов, некоторых видов гиловатов и даже для некоторых американских обезьян. Но у *Hylobates agilis* волосы на передней части предплечья () направлены вниз или к запястью, как обычно; а у *Hylobates lar* они почти прямые, с очень небольшим наклоном вперед, так что у последнего вида они находятся в переходном состоянии. Вряд ли можно сомневаться в том, что у большинства млекопитающих толщина волос и их направление на спине приспособлены для отвода дождя; даже поперечные волосы на передних лапах собаки могут служить этой цели, когда она свернулась калачиком во сне. Г-н Уоллес отмечает, что сближение шерсти к локтю на руках орангутанга (чьи привычки он так тщательно изучил) служит для отвода дождя, когда, как это принято у этого животного, руки согнуты, а ладони сжимают ветку или голову. Однако мы должны иметь в виду, что поведение животного может быть частично определено направлением волос, а не направлением волос — поведением. Если вышеуказанное объяснение верно в случае орангутана, то волосы на наших предплечьях представляют собой любопытное свидетельство нашего прежнего состояния, поскольку никто не предполагает, что они сейчас имеют какое-либо значение для отвода дождя, и в нашем нынешнем вертикальном положении они не направлены должным образом для этой цели».²⁵

Дарвин также отмечает, что ошибочно отрицать наличие бровей у обезьян. На самом деле, длинные щетинистые брови присутствуют у всех антропоидов — они не растут густо, как у людей, а рассеяны среди более коротких и густых волос, покрывающих области над глазами; они также не имеют определенного направления. У белорукого гиббона эти брови примечательны своей длиной и жесткостью. Волосы, похожие на брови, можно действительно наблюдать над верхними веками всех млекопитающих, включая тюленей и толстокожих. На верхней губе горилл, шимпанзе и орангутангов мы также можем наблюдать ряд несколько более длинных, жестких и щетинистых волос, которые отличаются от остальных коротких волос на губах и создают впечатление «усов» кошки. У *Hylobates albigenis* я заметил, что эти *вибриссы* достигают значительной длины (рис. 10).

Внешний вид туловища антропоидов в целом не сильно отличается от человеческого. Конечно, у нас нет хорошо сформированного человеческого торса с его изящными линиями, и форма задней части тела, а также отсутствие расширения в области бедер не нравятся нам, поскольку отличаются от человеческого типа (см. рис. 1 и 6). Мы не склонны сравнивать торс Аполлона Бельведерского или олимпийского Гермеса с торсом гориллы или шимпанзе. Однако торс мощного самца гориллы, с которого удалили шерсть, можно с выгодой сравнить с торсом одного из тех слабаков с большим животом и худыми руками, которые повсюду встречаются как живые карикатуры на человеческий род.

Шея антропоидов, как правило, короткая и толстая. У гориллы эта часть тела имеет большую выпуклость назад, что, как мы уже сказали, обусловлено значительным развитием остистых отростков шейных позвонков и прикрепленных к ним мышц. Короткая, толстая шея и значительное развитие шеи, так называемая бычья шея, также нередки у человека. Эта особенность иногда считается одной из национальных характеристик африканских негров. Бурмейстер говорит, что «толстая шея негров тем более поразительна, что она обычно сочетается с короткой шеей». Измерив негров от макушки головы до плеча, я обнаружил, что интервал составляет от девяти с четвертью до девяти с тремя четвертями дюйма (). У европейцев нормального роста этот интервал редко бывает меньше десяти дюймов, чаще всего он составляет одиннадцать дюймов у женщин и двенадцать у мужчин. Короткая шея, а также относительно небольшой размер черепа и большой размер лица могут быть более легко приняты за приближение к обезьяньему типу, поскольку все

обезьяны имеют короткую шею, и относительное расстояние между этими животными несколько больше, чем между негром и европейцем. Короткая шея у негров объясняет их большую выносливость и предпочтение носить грузы на голове, что гораздо более утомительно для европейцев из-за их более длинной и слабой шеи».²⁶

Однако предположение Бурмейстера по этому вопросу слишком общее. Оно не относится ко многим негритянским расам — во всяком случае, не к тем, которые проживают в долине Верхнего Нила. Длинная, тонкая шея является характерной чертой фундже, шиллуков, денка, бари и других крупных племен этих регионов. У этих народов расстояние между макушкой головы и плечом составляет от десяти до одиннадцати, а то и от одиннадцати до двенадцати дюймов (240–260 мм и 260–286 мм). Бурмейстер имел в виду исключительно бразильских негров. Однако я не могу найти типичную короткую шею ни на известных портретах рабов Мориса Ругендаса,²⁷ ни в коллекции фотографий бразильских негров, которая находится в моем распоряжении. Эта характеристика отсутствует даже на многих портретах чернокожих Западной Африки и Мозамбика, племен, из которых в основном состояло рабское население Бразилии. Многие монголы, малайцы, папуасы и полинезийцы имеют короткие, толстые шеи, но эта характеристика более редка среди американских аборигенов и европейцев. Если мы и можем увидеть в этой особенности сходство с обезьяньим типом, то оно является общим для нескольких народов и не ограничивается только, и даже не в основном, негритянскими расами.

Замечательное удлинение верхних конечностей человекообразных обезьян не может сравниться с длиной соответствующих конечностей у людей. Хотя среди негров и представителей других примитивных народов мы иногда можем наблюдать необычно длинные руки, тем не менее это индивидуальные особенности, которые также встречаются среди европейцев и не могут быть отнесены к расовым характеристикам.

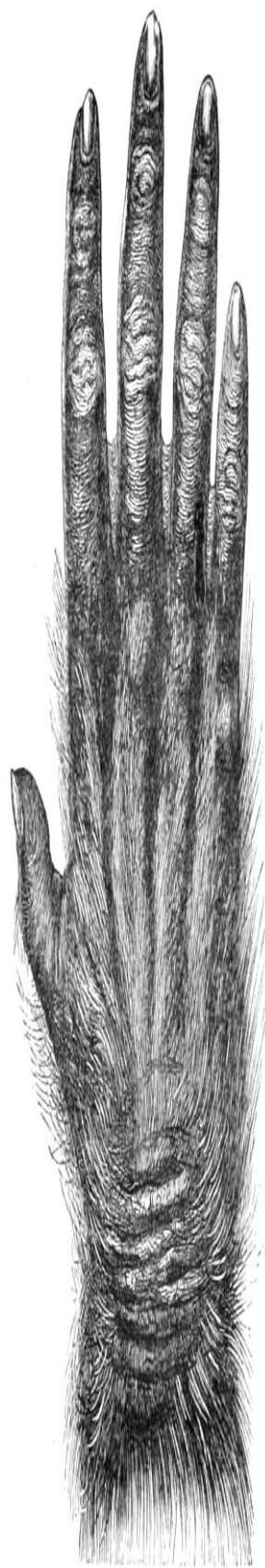

Рис. 31. — Рука очень пожилого самца гориллы.

Руки орангутанга и гиббона слишком длинные и узкие, чтобы их можно было напрямую сравнивать с рукой человека. У шимпанзе и горилл, особенно у последних, руки больше похожи на человеческие. В случае взрослого самца гориллы первый взгляд на эту часть тела напоминает нам узловатый кулак чернокожего докера или грузчика, подобного тем, кто в Рио-де-Жанейро, Баии или Ла-Гуайре поднимает тяжелые мешки с кофе и кладет их на голову или на свои геркулесовские плечи. Много говорилось о увеличении соединительной кожи между основаниями пальцев руки негра и о заостренных концах пальцев. Ван дер Ховен в своем известном трактате *«De Natuurlijke Geschiedenis van den Negerstam»* описал и нарисовал руку мальчика из племени ашанти, сформированную таким образом. Поэтому есть склонность признавать в этой особенности важную характеристику негритянской расы. Поскольку у гориллы соединительная перепонка между основаниями пальцев также обширна, а ногтевые фаланги сужаются к концам, существует также склонность приписывать негритянской руке явно антропоидный характер. Однако такая структура пальцев отнюдь не является универсальной среди негров. Увеличение соединительной перепонки действительно не редкость, но ее размеры значительно варьируются. Она также встречается у представителей других рас. Внимательный наблюдатель сможет обнаружить ее у трудового населения сельских районов Европы. Я сам часто наблюдал эту особенность в кантоне Валлезе, а также в провинциях Ломбардии и Генуи, по которым я путешествовал пешком в 1869 и 1871 годах, уделяя особое внимание этому вопросу. На [рис. 32](#) я привожу руку негра, которая, по-видимому, распространена среди чернокожего населения внутренних районов Северо-Восточной Африки. Трудно отрицать, что форма этой руки, которая, безусловно, не является идеальной, обладает характеристиками полностью человеческой организации.

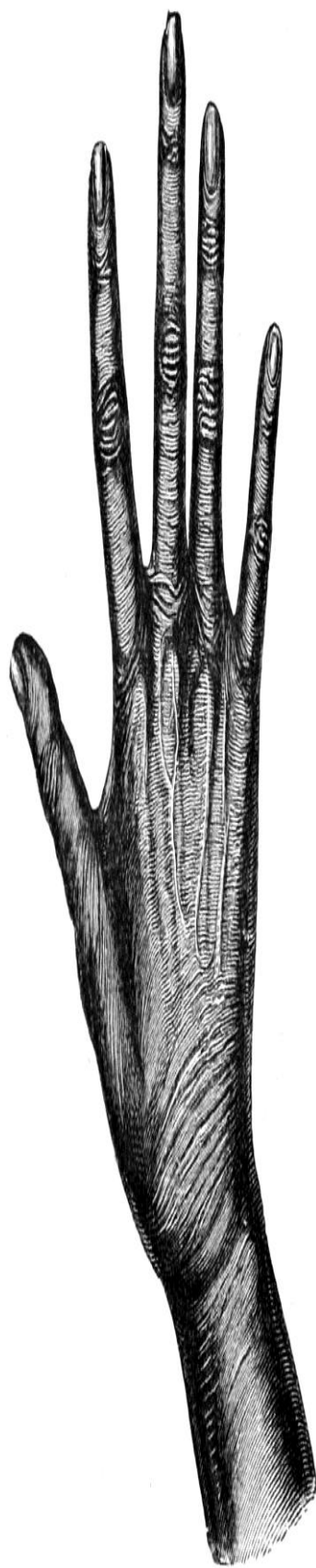

Рис. 32. — Рука хаммега из Росереса, на Голубом Ниле.

Что касается других примитивных народов, помимо негров, то в настоящее время мы не располагаем достаточной информацией, и поэтому нам следует остерегаться преждевременных обобщений. Тонкие голени с неполностью развитыми икрами, встречающиеся у многих примитивных рас, и особенно у африканских и австралийских чернокожих, часто и не без основания приводятся в качестве примера их обезьяноподобного строения. На самом деле, общая некрасивость этих частей тела у этих рас

в данном случае является одной из их значительных характеристик.

Рис. 33. — Сатанинская обезьяна (*Pithecia Satanas*). Показывает строение и способ использования стоп у обезьян Нового Света.

Структура стопы антропоида напоминает стопы других обезьян, в том числе и Нового Света, и, как правило, отличается от стопы человека гибкостью большого пальца. Однако справедливо замечено, что многие люди разных рас способны использовать большой палец почти как большой палец руки. Таких людей можно встретить повсюду. Люди, родившиеся без рук или лишившиеся их в течение жизни, способны использовать свои стопы как руки, что в некоторой степени компенсирует эту утрату. Самый удивительный пример нашего времени — скрипач без рук, чьи выступления можно услышать в различных столицах континента. Другой, упомянутый Баром, мог писать ногами. Но даже люди, которые могут полноценно использовать верхние конечности, часто могут хватать большим пальцем ноги, как будто это большой палец руки, чтобы поднимать с земли мелкие предметы или притягивать их к себе. Постоянная практика в таких трюках приводит к определенной ловкости. Негры, малайцы, полинезийцы и индейцы используют вытянутые большие пальцы ног при лазании с такой же ловкостью, как и наши школьники и моряки при занятиях гимнастикой или при лазании по мачтам. У таких людей различие между стопой человека и обезьяны менее заметно, поскольку даже в состоянии покоя большой палец ноги имеет тенденцию быть несколько отделенным от остальных. Это можно увидеть на прекрасных фотографиях А. Бухты, на которых запечатлены представители центральноафриканского племени макрака. Геккель справедливо замечает, что между рукой и ногой нет заметного физиологического различия, которое можно было бы установить на научной основе. Чтобы провести такое различие, необходимо учитывать их морфологические характеристики.^{[28](#)}

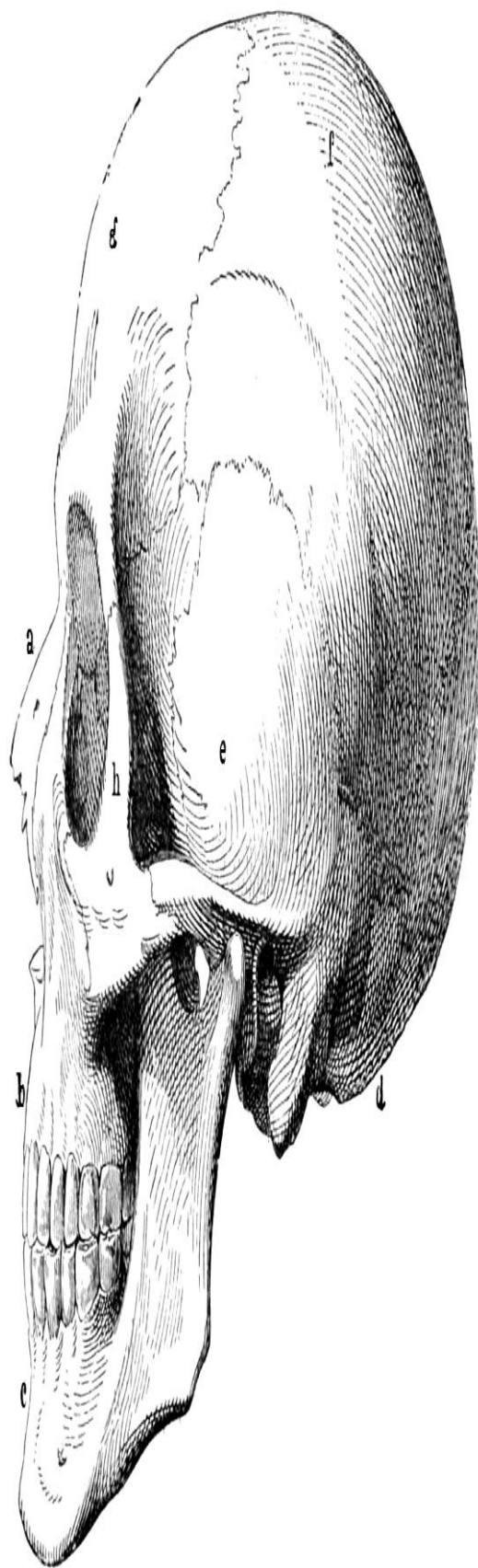

Рис. 34. Человеческий череп. *a* — носовая кость; *b* — верхняя челюсть; *c* — нижняя челюсть; *d* — затылочная кость; *e* — височная кость; *f* — теменная кость; *g* — лобная кость; *h* — скуловая кость.

Строение скелета. — Сравнивая черепа антропоидов с черепами человека, в случае с гориллами, шимпанзе и орангутанами мы должны довольствоваться молодыми экземплярами, а не черепами взрослых особей. У пожилых обезьян этих видов колоссальное развитие костных гребней черепа, а также челюстей, выпуклость орбитального края и уплощение затылочной кости представляют собой такие существенные отличия, что значительно затрудняют применение сравнительного метода. Однако в процессе развития скелет антропоидов допускает прямое сравнение со скелетом человека. У молодого животного округлый череп указывает на анатомическое сходство между ним и человеческой головой. Надо признать, что мы находим, особенно у первобытных народов, много человеческих черепов, которые по своей пластической форме мало отличаются от черепов молодых горилл, шимпанзе и орангутангов. Даже по форме затылочной кости молодые антропоиды и люди часто находятся на одинаковой стадии развития. Плоская затылочная часть у молодых негров, папуасов и малайцев действительно часто более плоская и скошенная, чем у молодых горилл или шимпанзе.

Однако мы не должны предполагать, что два сравниваемых индивидуума имеют точно одинаковый возраст, поскольку такой момент трудно установить, даже когда объекты для исследования предоставляются одним из наших крупных музеев. Дикари редко могут точно указать свой возраст, и попытки сделать это часто основываются на недостаточных данных. Прямое исследование черепа даст некоторую информацию по этому вопросу, но условия роста антропоидов не настолько хорошо известны, чтобы можно было сделать точную оценку. Мы должны полагаться на состояние зубов, на стадию развития костных гребней и т. д., чтобы составить приблизительную оценку возраста черепа.

На чешуйчатой затылочной части расположение изогнутых линий, которые являются границами прикрепления шейных мышц, является общим для людей, антропоидов и других обезьян. Только признаки этих линий можно найти у низших млекопитающих. В человеческом черепе иногда встречается образование, относящееся к чешуйчатой затылочной части, которое имеет явно питекоидный или обезьяноподобный характер. Это уже описанное нами затылочное выпячивание (*Torus occipitalis transversus*), которое может быть либо ограничено двумя верхними изогнутыми линиями, либо располагаться между ними и центральными изогнутыми линиями, либо находиться полностью в области последних. Это выпячивание постепенно расширяется вверх и вниз от костной опоры (). Его край может быть более или менее острым, более или менее похожим на гребень по своему развитию, более широким или более узким, с центральным возвышением или без него, но его внешний вид всегда поразителен. У молодых самцов и самок горилл, орангутангов и шимпанзе это образование представляет собой полностью сформированные поперечные затылочные гребни, которые в основном встречаются у пожилых самцов этих видов. Эти выпуклости также можно наблюдать на черепах взрослых мужчин всех времен и всех народов. Они отнюдь не редки в черепах, которые обычно используются в Берлинской школе анатомии, и они чрезвычайно распространены во многих группах черепов. Они часто встречаются среди черепов, в большинстве своем без нижней челюсти, которые покойный доктор Сакс извлек из мусульманского кладбища XIII века, расположенного недалеко от Каира. Это останки мусульман разных сословий, но в основном крестьян или феллахов. Экер смог обнаружить сагиттальный гребень на черепах австралийских мужчин, в то время как у женщин он отсутствует. Подобные признаки костного гребня я наблюдал у многих негров с черепами в форме крыши или скафоцефалией, но в этих случаях я не знаю, существует ли соответствующее различие по половому признаку. Трудно отрицать, что этот костный выступ является характерной чертой человека.

Брока дал термин «птерион» Н-образному соединению, образованному швами между теменной костью, большим крылом клиновидной кости, чешуйчатой частью височной

кости и лобной костью (). Одно из наиболее распространенных нарушений симметрии соединительной шва, как мы уже кратко упоминали, возникает в результате вставки лобного отростка чешуйчатой части височной кости между нижним углом теменной кости, передней частью лобной кости и большим крылом клиновидной кости. Этот отросток височной кости варьируется по размеру и может встречаться с одной или обеих сторон. Подобное образование часто встречается у горилл, шимпанзе, макака, маготов (*Inuus*) и бабуинов.²⁹ Оно реже встречается у орангутанов,³⁰ гиббонов, мартышек и американских видов (ревунов, капуцинов и т. д.).

Вирхов и В. Грубер согласились в том, что этот лобный отросток является тераморфологическим, то есть характерным для низших животных, и в особенности для обезьян. Вирхов обнаружил, что эта аномальная форма черепа чаще встречается у некоторых рас, чем у других. Ни один из тех, у кого оно встречается, по-видимому, не принадлежит к арийской расе, и существование этого отростка и стенокротатии, или височного стеноза, по-видимому, обусловлено неполноценным развитием большого крыла клиновидной кости и сдавливанием костей в ее окрестностях, в результате чего сокращается вся височная область. Это характерно для низших, но отнюдь не для самых низших рас людей.

Стида, Хиртл, Грубер и Калори пытались опровергнуть тот факт, что этот временной процесс является характерной чертой низших рас. Стида утверждает, что он может встречаться в исключительных случаях у всех рас людей.³¹ Он сам, при содействии Анучина, установил наличие этого аномального птериона на более чем 10 000 человеческих черепах, а также получил информацию от других исследователей. Он считает, что частота встречаемости этого лобного отростка у человека является тераморфологической, или, по сути, питекоидной. По словам Анучина, это аномальное состояние не одинаково распространено во всех расах. У темнокожих и кудрявых рас (австралийцев, папуасов и негров) лобный отросток наиболее широко распространен; он реже встречается у монголов и малайцев; а у американцев и белых его встречаемость в пять-шесть раз реже, чем у черных рас. Иногда лобный отросток встречается на промежуточной кости (*Ossa epiptERICA*), которая срастается с чешуйчатой частью височной кости; а иногда отросток вырастает из чешуйчатой части височной кости. Эти несовершенные отростки или промежуточные кости не считаются Анучиным питекоидными, поскольку они встречаются у обезьян реже, чем у людей. Шлоккер пытался показать, что лобный отросток чешуйчатой части височной кости, менее распространенный височный отросток лобной кости и височная межкостная кость (*Ossa epiptERICA*) имеют одинаковую ценность с генетической точки зрения.³² Этот автор считает лобный отросток и непосредственную связь лобной и чешуйчатой частей височных костей тераморфологическими характеристиками, но он не считает, что наличие этого отростка ограничено низшими расами.³³ Это также мнение Тен Кате. Как бы то ни было, установление этой тераморфологической структуры имеет важное значение. Ее непосредственная ценность как вклад в теорию происхождения видов остается, как мы сейчас увидим, даже если мы не можем проследить ее через промежуточные и низшие типы.

В значительном выпуклости надглазничных дуг, наблюдаемой у некоторых доисторических человеческих черепов, прослеживается сходство с соответствующей чертой у антропоидов. И действительно, такое сходство, особенно с самой шимпанзе, наблюдается у хорошо известного неандертальского черепа, который является очень долихоцефальным, с выпуклыми надглазничными дугами, разделенными друг от друга лишь неглубоким углублением. В том же черепе развитие надглазничных гребней связано с развитием лобных пазух. В этом доисторическом экземпляре, который я имел возможность внимательно изучить на конгрессе антропологов в Берлине в 1880 году благодаря

любезности профессора Шаафхаузера, лоб заметно отступает к уплощенной области темени. Де Кватрефаж и Хами говорят, что череп является одновременно уплощенным и длинным (доликоплатицефальным). Височные дуги не только очень заметны, но и сближаются в области коронарной дуги ([рис. 35](#)). Это также наблюдается у взрослой самки шимпанзе, а также у молодого самца гориллы, у пожилой самки орангутанга и у гиббона.

Рис. 35. Череп неандертальца. А. В профиль. В. Вид спереди.

Здесь можно заметить, что наши ученые сильно расходятся во мнениях относительно происхождения и этнологического значения черепа неандертальца, и я приведу лишь несколько примеров. Прунер считает его черепом идиота.³⁴ Вирхов считает этот экземпляр, а также похожий экземпляр из Кайликке, хранящийся в Копенгагенском музее, совершенно индивидуальным образованием,³⁵ типичной формой, измененной болезнью,³⁶ другими словами, патологическим черепом.³⁷ Кинг считает этот череп принадлежащим одной из примитивных рас.³⁸ Шаффхаузер действительно попытался создать художественный портрет такого примитивного человека. Шпенгель считает, что черепа «неандерталоидной» формы встречаются главным образом в Европе.³⁹ Если Хаксли решительно заявляет, что череп неандертальца ни в коем случае не может рассматриваться как останки человека, который был связующим звеном между человеком и обезьянами. В лучшем случае это открытие доказывает лишь существование человека, череп которого в некоторых отношениях возвращался к обезьяньему типу, так же как голубь-почтальон или голубь-кувырок иногда могут демонстрировать оперение своего первоначального предка, скального голубя (*Columbia livia*). И хотя череп неандертальца больше похож на череп обезьяны, чем любой другой известный нам человеческий череп, он отнюдь не так изолирован, как кажется на первый взгляд, а скорее является конечным выражением серии, которая может быть постепенно прослежена от самого высокого и наиболее развитого типа человеческих черепов. С одной стороны, он приближается к уплощенным австралийским черепам, от которых другие австралийские формы постепенно приводят к черепам, которые скорее напоминают тип, представленный черепом из Энжи. С другой стороны, он еще более тесно связан с черепами некоторых древних рас, которые были либо современниками, либо преемниками тех, кто жил в Дании в каменном веке, народов, чьи кухонные отходы были обнаружены в этой стране.⁴⁰

Хаксли справедливо замечает, что некоторые из черепов, нарисованных Буском и взятых из курганов Боррели, напоминают череп неандертальца, особенно в плане резко отступающего лба. Некоторые другие европейские черепа в определенных пределах можно сравнить с черепом неандертальца, например, черепа, найденные в Брюксе, Стангенесе, Ольмо, Лауте, Клиши, Бугоне, Кро-Маньоне, Гренелле, Фурфузе, Энгисхайме, Каннштадте и Туле. Все они имеют интересные особенности строения — сильно развитые надглазничные дуги, отступающий лоб, уплощенную макушку и т. д., хотя ни один из них не является столь примечательным в этих деталях, как череп неандертальца. Однако пока не доказано, что этот череп представляет собой определенный расовый тип, и более вероятно, что это была просто индивидуальная форма.

Череп австралийских аборигенов, как справедливо замечает Шпенгель, отличаются от черепа неандертальца и других черепов подобного типа () своим выраженным скафоцефализмом. С другой стороны, они имеют выступающие надглазничные дуги, отступающий лоб, сдавленный в височной области череп, прогнатическое лицо, относительно более короткое, чем у европейцев, и во всех этих отношениях черепа австралийцев очень похожи на черепа антропоидов. Если, например, мы обратимся к иллюстрации, приведенной де Кватрефажем и Хами, черепа, полученного из Кэмп-ин-Хевен, земля Арнем, Северная Австралия, а также к черепу негра доктора Шаденбурга, то даже самый убежденный скептик будет поражен их сходством с черепом антропоида.⁴¹

Характеристики, схожие с теми, которые мы уже упоминали как отличительные черты строения австралийского черепа, позволяют нам определить антропоидный характер черепов многих представителей темнокожих африканских рас. Они заключаются главным образом в отступающем лбу, плоскости и сжатости коронарной дуги, выраженном

прогнатизме и тупых углах нижних челюстных костей, что можно заметить у многих негритянских черепов. С другой стороны, выпуклость надбровных дуг, как правило, менее заметна у африканских рас, чем у антропоидных видов. Однако есть экземпляры, такие как, например, череп из Конго, представленный де Кватрефажем и Хами,⁴² которые производят подавляющее впечатление антропоидных характеристик. И мы находим то же самое в удивительной степени в черепах умных, воинственных и светлокожих рас Центральной и Западной Африки, таких как монбуттре, хаусау, бакале, фан и т. д. Эта черта может быть обнаружена у всех рас людей, особенно у папуасов и некоторых африканских негров.

Взаимное сближение височных гребней в коронарной области можно наблюдать в черепах различных народов. Эта формация наиболее часто встречается в длинноглазых негритянских и папуасских черепах. В этих случаях она обычно сопровождается укорочением интервала между сторонами черепа, измеренного по его поперечному диаметру (стеноцефалия).

У взрослой самки шимпанзе теменные кости часто резко поднимаются к сагиттальному шву, и в его окрестностях возникает продольный костный выступ, бока которого постепенно переходят во внешнюю поверхность теменных костей. Сагиттальный шов иногда остается нетронутым, а иногда включается в этот процесс. Это приводит к модифицированному развитию так называемого килеобразного черепа (*скафоцефалия*). Такое образование часто наблюдается у негров и папуасов и реже у черепов других рас. Наличие разделенной скуловой кости в человеческих черепах, особенно у айнов и японцев, считается тераморфным, поскольку иногда наблюдается в черепах обезьян.⁴³ Я сам в очень редких случаях находил неясные следы такого образования у антропоидов.

В 1863 году Буше де Пертес обнаружил в Аббевиле половину нижней челюсти человека, залегавшую в черном слое глины и песка, смешанного с железом, и лежавшую на меле. Насколько можно судить по иллюстрациям, которые в большинстве своем несовершенны, в ней не было ничего примечательного, кроме резко отступающей ветви ([рис. 36](#)), но этот образец вызвал в то время большой интерес, и многие умные наблюдатели отнесли его к первобытным людям допотопного периода. К сожалению, впоследствии было доказано, что это была гигантская мистификация.⁴⁴

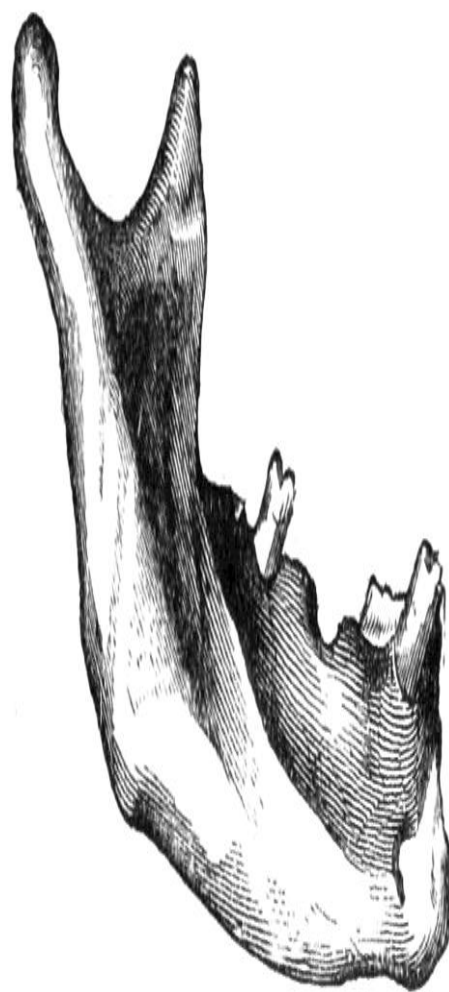

Рис. 36. Нижняя челюсть из Мулен-Книгона.

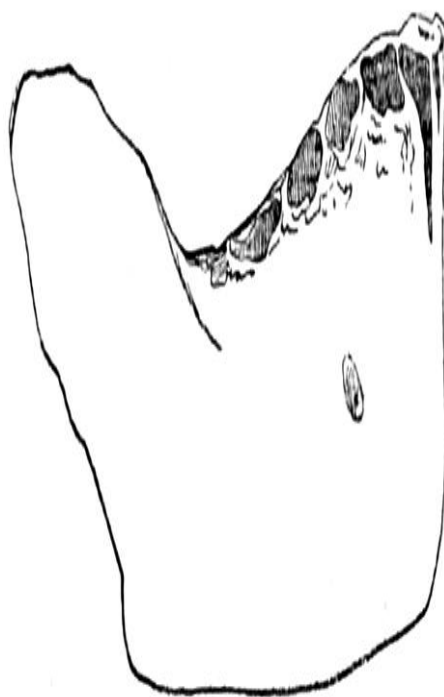

Рис. 37. — Нижняя челюсть Наулетта.

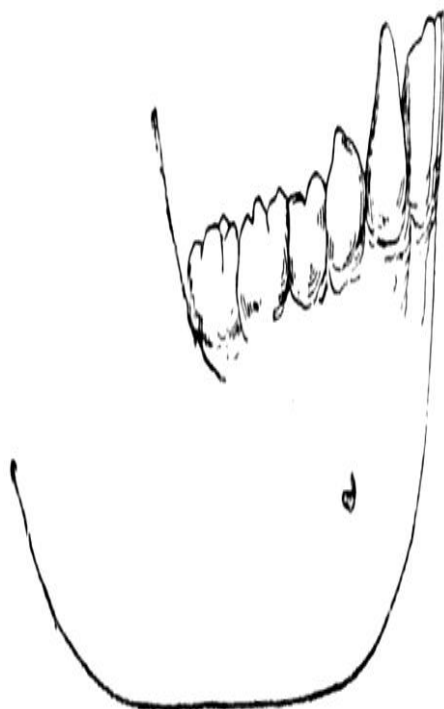

Рис. 38.

Это не относится к нижним челюстям из Наулетта, Ориньяка и Арси, которые, без сомнения, являются подлинными и очень древними. Челюсть из Наулетта действительно

очень несовершенна, но мы можем проследить строение симфиза подбородка, что вызывает сравнение с нижними челюстями многих антропоидов, особенно горилл и шимпанзе (рис. 37). Сходство заключается главным образом в вертикальности передней поверхности, и особенно тела верхней челюсти. У антропоидов эта поверхность кости отступает от ряда зубов назад и вниз к нижнему краю тела верхней челюсти (рис. 38); а у экземпляра из Наулетта, а также у нижних челюстей некоторых современных папуасских черепов (с Новых Гебридов и других мест) наблюдается некоторое сходство с обезьяньим типом. В среднем миоцене Сен-Годена был найден окаменелый обезьян (*Dryopithecus Fontanii*), который, как предполагается, был одним из высших антропоидов, и в этом случае челюсть лишь слегка отступает (). Гадри считает, что *Dryopithecus* был примерно размером с человека. Резцы были небольшими. Бугорки задних моляров были менее закруглены, чем у европейцев, и больше походили на бугорки австралийцев. Было высказано предположение, хотя этот факт не может быть подтвержден, что последние моляры прорезались только после клыков, как это происходит с зубами мудрости у человека. Гадри приводит иллюстрацию нижней челюсти тасманийца в возрасте от одиннадцати до двенадцати лет вместе с иллюстрацией *Dryopithecus Fontanii*. У человека первый молярный зуб больше, чем у *Dryopithecus*, а клык и премолары гораздо слабее. Это различие важно, поскольку меньший размер передних зубов связан с небольшим выпячиванием лица, что всегда является признаком превосходства человека. Хотя клык *Dryopithecus* сломан, мы можем видеть, что он, должно быть, был значительно выше других зубов, и действительно, клыки самца должны были быть очень мощными. У этого обезьяны также наблюдается небольшой выступ на зубах, которого нет у человека. *Megapithecus* из миоцена Пикерми, Аттика, был обезьяной, менее похожей на антропоидов. По строению головы он напоминает стройную обезьяну (*Semnopithecus*), а по строению конечностей — макаку (*Macacus*). Гадри считает, что *Pliopithecus* из Сансана был родственен гиббону. Обезьяна размером с орангутанга, принадлежащая к стройным обезьянам (*Semnopithecus sub-himalayanus*),⁴⁵ была найдена Бейкером и Дюраном в миоцене гор Севалик.

При сравнительном изучении строения человека и человекообразных обезьян важно исследовать срезы, особенно продольные, характерных черепов.⁴⁶ Вирхов заказал рисунки, выполненные по образцам из Берлинского музея, гориллы, шимпанзе, орангутанга и австралийской женщины. Череп гориллы по сравнению с черепом австралийки настолько узок, что создается впечатление, будто на него было оказано сдавливающее воздействие; при этом череп австралийки чрезвычайно мал по сравнению с черепом человека в целом, поскольку его объем составляет всего 1150 кубических сантиметров. У гориллы (рис. 47) — по крайней мере, у старого самца, с которого сделан рисунок — огромный размер лобных пазух и покрывающие их выпуклости, а также сильно развитая челюсть усиливают впечатление размера. Но, как замечает Вирхов, «все, что увеличивает размер черепа, является животным, а не человеческим». То же самое наблюдается у орангутанга. Только у шимпанзе кубическое пространство черепа можно сравнить с человеческим черепом в более благоприятном свете. По размеру он приближается к черепу микроцефального туземца из Рейн-Пфальца (иллюстрация которого также приведена), который значительно уступает австралийскому черепу и более близок к обезьяньему типу. Внутреннее пространство черепов взрослой самки гориллы или орангу, также можно сравнить с черепами людей.

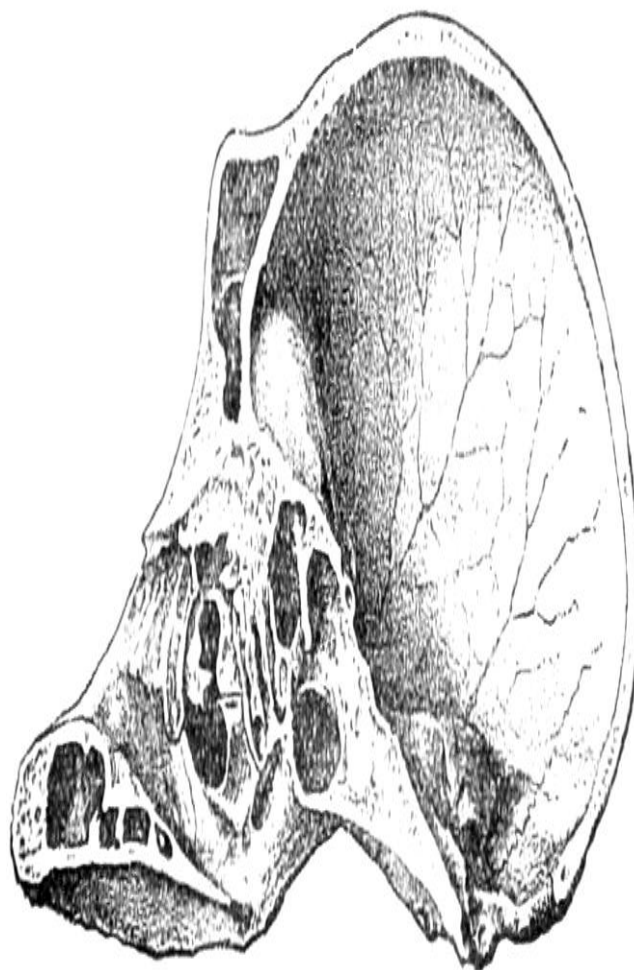

Рис. 39. Сагиттальный срез черепа шимпанзе.

Мы уже упоминали о наличии обширных пазух и ячеек в черепах антропоидов, превосходящих по размеру человеческие черепа, и это хорошо видно на прилагаемой иллюстрации продольного разреза черепа шимпанзе по его центру ([рис. 39](#)). Длина этого черепа между носовой перегородкой и наиболее выступающей частью затылочной кости составляет 128 мм; длина внутреннего пространства — 108 мм. 10 мм этой разницы обусловлены глубиной лобных пазух, а остальная часть — толщиной костной части черепа. У пожилого самца гориллы первое измерение составляет 153 мм, второе — 115 мм. У другого пожилого гориллы измерения составили соответственно 183 мм и 117 мм. У еще более пожилого самца орангутана они составили соответственно 140 мм и 114 мм. Следует отметить сравнительную тонкость центра чешуйчатой затылочной части у пожилого самца гориллы. У взрослого шимпанзе крупные клетки чешуйчатой части височной кости () простираются в эту кость и, фактически, без перерыва в прилегающую к ней теменную кость. Для таких исследований тонкие и легкие кости особей, которые жили в дикой природе, более подходят, чем тяжелые и толстые образцы, которые умерли после длительного содержания в неволе.

Цукеркандль заметил, что у европейцев орбитальная часть носа, или та часть, которая находится между орбитами, длиннее, чем инфраорбитальная, или нижняя часть. У антропоидов инфраорбитальная часть значительно длиннее, хотя только у взрослых животных. Есть этапы в периоде развития, на которых эти животные демонстрируют характеристики взрослого европейца или даже ребенка. Пропорции черепов малайцев из

острова Борнео () занимают промежуточное положение между пропорциями черепов европейцев и обезьян. Рост нижней части носа у малайцев не равен росту у обезьян, но во многих случаях он существенно отличается от роста у европейцев. Цукеркандль делает умелую попытку подтвердить это утверждение статистическими данными.

Тот же исследователь делает несколько интересных замечаний о сравнительной высоте и ширине глазниц. Он отмечает, что черепа взрослых обезьян и людей в этом отношении отличаются друг от друга больше, чем черепа молодых особей этих организмов. Глазницы как ребенка, так и взрослого человека, особенно в случае европейца, гораздо больше похожи на глазницы молодой обезьяны, чем на глазницы пожилого животного того же вида. У шимпанзе и орангутана пропорции такие же, как у человека, то есть ширина глазницы превышает ее высоту. У человека это, по-видимому, связано с исключительно сильным развитием надглазничного гребня. Наиболее вероятно, что у очень молодых антропоидов ширина глазницы превышает ее высоту.⁴⁸ Цукеркандль далее говорит, что у антропоидов высота глазниц больше их ширины, и что эта разница увеличивается с возрастом. Но это не совсем верно, поскольку даже у пожилых животных пропорции варьируются, и высота и ширина глазниц иногда, хотя и редко, остаются одинаковыми.

Сравнивая позвоночник человека и антропоидов, Розенберг попытался показать, что у эмбриона первый крестцовый позвонок принимает форму поясничного позвонка, а на более поздней стадии развития он окружается подвздошными костями и срастается с крестцом. Тот же автор предложил теорию гомологичных или генетических эквивалентов позвонков, которую мы теперь должны рассмотреть. Согласно этой теории, как заметил Велкер,⁴⁹ двадцатый позвонок животного А гомологичен двадцатому позвонку животного В, тридцатый позвонок одного животного — тридцатому другого, хотя в одном случае это может быть поясничный позвонок, в другом — тазовый позвонок, а в третьем — копчиковый позвонок. Горно-поясничные позвонки низших обезьян, в случае человека, их потомков, претерпели тройную метаморфозу, и, после их модификации в крестцовые позвонки, приняли свою четвертую форму в виде копчиковых позвонков.

Фрорип, последователь Розенберга, отмечает, что пояснично-крестцовые позвонки, *т. е.* те составляющие позвоночника, которые образуют переход от поясничных к крестцовым позвонкам, приобретают новый интерес благодаря гипотезе Розенберга. В соответствии с их положением в позвоночнике их следует рассматривать как поясничные позвонки, введенные слишком рано или слишком поздно в структуру крестца. Если двадцать четвертый позвонок ассимилируется с крестцом, образуя верхний выступ или выступ, эта разновидность представляет собой переходный момент к будущему образованию (?), в котором этот позвонок обычно становится первым крестцовым позвонком, и позвоночник теперь будет иметь двадцать три свободных позвонка. Если же этот переход происходит в двадцать пятый позвонок ряда, который таким образом становится главным крестцовым позвонком, то, по мнению Розенберга, это является характерным пережитком расового развития, атавизмом.⁵⁰

Согласно теории Велкера, главный крестцовый позвонок одного животного соответствует тому же крестцовому позвонку другого животного, независимо от их количества. шейные позвонки одного животного, которых может быть пять, семь или даже одиннадцать, соответствуют шейным позвонкам другого животного. Позвоночный столб одного животного соответствует позвоночному столбу другого животного в целом, но не двум третям или трем четвертям этого столба. В соответствии с требованиями данного животного, та часть кости, которая принадлежит к участкам груди и поясницы, более или менее обильна, и позвонки гомологичны в соответствии с их областью, а не с их количеством.

Холл утверждал, что один позвонок находится в тесной связи с подвздошной костью, соединяясь с ней по всей своей длине, и что этот позвонок в то же время всегда, по-видимому, поддерживает таз. В нормальных случаях этот позвонок является первым крестцовым позвонком и двадцать пятым в ряду. Его можно назвать, как предлагает Велкер, *позвонком fulcralis*. По словам Холла, такая основная опора встречается в каждом позвоночнике, какими бы аномальными ни были его другие условия, и единственная нерегулярность заключается в его количестве в ряду. Эта кость служит естественной отправной точкой в нашем делении позвоночника. *Позвонком fulcralis* всегда следует рассматривать как первый крестцовый позвонок. Он начинает ряд крестцовых позвонков и, ввиду его последующего важного положения, должен рассматриваться как первичный. Холл обнаружил, что за ним следуют четыре нижних позвонка, которые впоследствии включаются вместе с ним в крестец. Когда в первоначальном состоянии *позвонком fulcralis* является двадцать пятым в ряду, то двадцать пятый по двадцать девятый позвонки включаются в крестец. Когда *fulcralis* является двадцать шестым позвонком, то крестец включает тридцатый. Отсюда следует, что крестец с первых стадий своего развития является образованием, которое начинается с двадцать пятого или двадцать шестого позвонка и включает в себя четыре других позвонка. Холл считает, что пояснично-крестцовая форма последнего поясничного позвонка (), который находится между поясничным и крестцовым позвонками, не указывает на постепенный переход в крестцовый позвонок, а скорее на остановку в его развитии.⁵¹

Когда мы исследуем крестец человека, мы видим, что его первый позвонок, двадцать пятый в ряду, в верхней части имеет форму поясничного позвонка, за исключением тех его частей, которые составляют боковые массивы крестца. Эти боковые массивы, служащие опорой для подвздошных костей, в основном состоят из ткани первого крестцового позвонка. Таким образом, поскольку он должен поддерживать весь вес предкрестцовых позвонков, он фактически является настоящим *позвонком fulcralis*.

Холл справедливо отмечает, что в редких случаях *крестцовая кость* человека состоит из менее чем пяти позвонков, и ни в одном случае их количество не бывает меньше четырех. В таком случае первый крестцовый позвонок определяет предкрестцовый и посткрестцовый сегменты позвоночника.

У антропоидов нижний сегмент поясничного отдела позвоночника глубоко утоплен между высокими, широкими и уплощенными подвздошными костями, которые сходятся близко к позвоночному столбу. У человека эти кости не намного выше основания крестца, и их гребни более широко расходятся от позвоночного столба. У крупных обезьян боковые массивы крестца расположены сравнительно глубоко ниже их анкилоза с тазовыми костями. Например, у пожилого самца гориллы поперечные отростки двух нижних поясничных позвонков часто простираются до задних границ тазобедренных костей (), хотя второй из нижних поясничных позвонков находится несколько выше вершины гребня тазобедренной кости. Это еще более заметно у пожилого самца шимпанзе, у которого самый нижний поясничный позвонок, кажется, зажат между двумя тазобедренными костями. У молодого самца шимпанзе и у взрослой самки оба нижних поясничных позвонка почти сдавлены между верхними сегментами подвздошных костей. У орангутанга самый нижний поясничный позвонок расположен между подвздошными костями. Из пяти крестцовых позвонков первый и второй сочленяются с этими костями.

У гориллы самый верхний крестцовый позвонок, двадцать пятый в ряду, является *опорой*. У этого животного первый-третий крестцовые позвонки образуют часть соединения с гребнями подвздошных костей. У шимпанзе двадцать пятый *позвонком* также является

опорой, а первый-третий позвонки также соединены с подвздошными костями, но третий — только в ограниченной степени; у молодых самцов и старых самок соединение обычно ограничивается первым и вторым крестцовыми позвонками. У орангутана двадцать четвертый позвонок обычно является *опорой*.

У гиббона двадцать пятый позвонок обычно является *опорой*. У сиаманга я обнаружил, что пятый из пяти поясничных позвонков находился между подвздошными костями. Из пяти крестцовых позвонков первый и второй были сочленены с указанными тазовыми костями. У *Hylobates agilis* пятый и шестой из шести поясничных позвонков находились между подвздошными костями, а первый и второй из пяти крестцовых костей сочленялись с ними.

В позвоночнике гориллы, шимпанзе и орангутанга мы можем наблюдать незначительный выступ вперед между предпоследним шейным и вторым и третьим грудными позвонками. В области ниже второго поясничного позвонка иногда можно наблюдать аналогичный выступ вперед. Так называемый мыс у входа в таз, то есть в области между поясничными и крестцовыми позвонками, который хорошо заметен у человека, у антропоидов выражен слабо. Позвоночный столб выгнут назад, так как имеется спинальная кривизна (см. рис. [17](#) и [23](#)).

Эби отмечает, что тела позвонков у горилл сужаются, и это действительно так. При лазании или передвижении на четвереньках спинальное искривление антропоида сохраняет свое положение. Это искривление становится еще более заметным, когда животное, лазая, отрывает тело от дерева, мачты или чего-либо еще и наклоняет голову вперед. Подобное изгибание позвоночника в спинной части можно наблюдать у людей, которые напрягают руки и ноги, чтобы взобраться на дерево или мачту. Если антропоид держится настолько прямо, что может положить руки за голову, изгиб позвоночника в спинной части обязательно выпрямляется и, по сути, становится скорее изгибом в брюшной части.

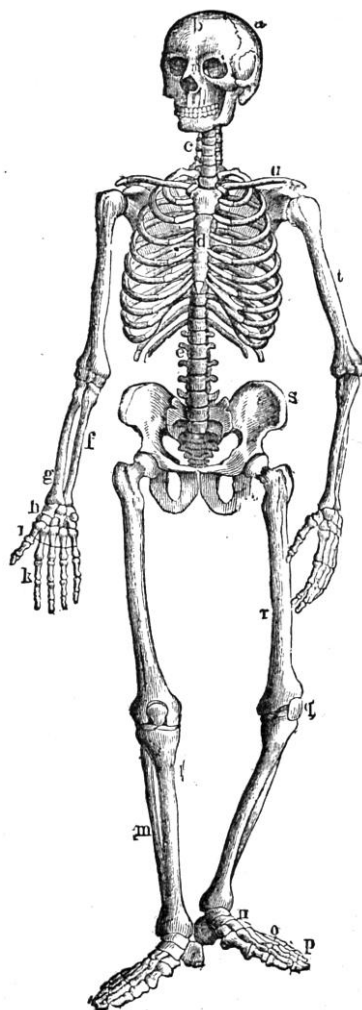
Костное тазовое кольцо антропоидов с высокими, узкими и выступающими подвздошными костями и глубоко впавшими между ними нижними поясничными позвонками, а также крестцовыми и копчиковыми позвонками, которые прямо напоминают позвонки рудиментарного хвоста (), наиболее ярко подчеркивают отличия скелета этих животных от скелета человека в этой части скелета (ср. рис. 40 и 41). (ср. рис. [40](#) и [41](#)).

Костная грудная клетка антропоидов отличается от грудной клетки человека в нормальных случаях резким расширением наружу. Грудная клетка гориллы и широко расходящиеся тазовые кости, которые окружают живот и придают ему форму бочонка, контрастируют с изящными очертаниями соответствующих частей человеческого тела.

Уже упоминались некоторые особенности строения костей плечевого пояса и конечностей антропоидов, в которых они отличаются от соответствующих частей человеческого тела.

Что касается плечевой кости гориллы, Эби утверждает, что головка кости имеет форму циклоиды, расположенной поперечно, в то время как у человека ее форма соответствует сегменту сферы. Но в своем трактате о гориллах я указал, что форма головки плечевой кости у этих животных имеет немалые вариации и иногда является циклоидальной или вертикально-циклоидальной, а иногда — сегментом истинной сферы. У шимпанзе, орангутанга и гиббона эта часть плечевой кости всегда представляет собой сегмент сферы, в то время как у человека ее форма не столь неизменна. Эби далее отмечает, что поперечно-циклоидальная форма головки плечевой кости у гориллы дает основание предположить,

что это животное, используя передние конечности, привыкло поворачивать их поперечно относительно своей оси. Однако непосредственное наблюдение за живым антропоидом, а также исследование его мертвого тела () показывают, что движение шарового сустава чрезвычайно свободно, и это теоретическое предположение противоречит совершенству

естественного механизма.

Рис. 40. Человеческий скелет. *a* — Теменная кость. *b* — Лобная кость. *c* — шейные позвонки. *d* — грудина. *e* — поясничный позвонок. *f* — локтевая кость. *g* — лучевая кость. *h*, Запястье. *i*, Пальцы. *k*, Фаланги. *l*, Большеберцовая кость. *m*, Малоберцовая кость. *n*, Плюсна. *o*, Плюсневые кости. *p*, Фаланги. *q*, Коленная чашечка. *r*, Бедренная кость. *s*, Безымянная кость. *t*, Плечевая кость. *u*, Ключица.

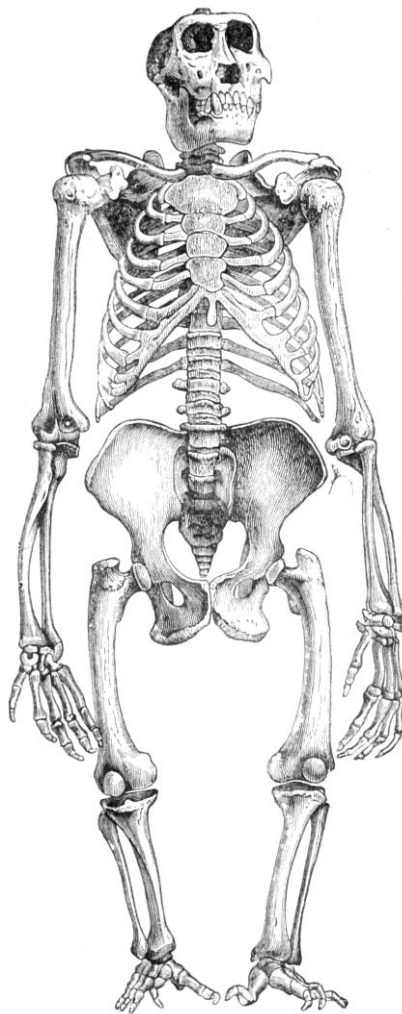

Рис. 41. Скелет пожилого самца гориллы.

Чрезмерная кривизна предплечья, которую мы наблюдаем у горилл и шимпанзе в естественных условиях, редко встречается у человека, и когда она все же встречается, ее следует рассматривать как аномальное и патологическое явление.

У орангутана всегда присутствует девятая запястная кость, соответствующая *os intermedium* де Блейнвилля и *os centrale carpi* Гегенбаура. У очень молодого животного я обнаружил, что эта маленькая кость снабжена своеобразной точкой окостенения. Костная структура запястья развивается в следующей последовательности: во-первых, *большая кость* и крючковидные кости; во-вторых, лодочная кость; в-третьих, трапецевидная кость; в-четвертых, полулунная кость; в-пятых, клиновидная кость; в-шестых, *центральная кость запястья*; в-седьмых, трапецевидная кость. Лучевая кость и сесамовидная кость, расположенные между трапецевидной и лопаточной костями, о которых мы поговорим позже в связи с их отношением к мышечной системе, сначала являются просто хрящевыми.

До сих пор мои поиски этой девятой запястной кости у горилл и шимпанзе были безрезультатными, поскольку ее наличие является исключительным. У гиббонов она четко вставлена между лодочковидной, полулунной, трапецевидной и *большой костью*. Гегенбаур считает *центральную кость* истинным компонентом запястья, происходящим из более раннего состояния, но он не имеет никаких предположений относительно ее последующего сохранения. Розенберг недавно привел неопровержимое доказательство

наличия этой кости у человеческого эмбриона. Обычно она вновь поглощается, но иногда сохраняется и может быть обнаружена у взрослого человека в виде хорошо сформированной девятой кости запястья (). Случаи сохранения *центральной кости* у человека были в основном собраны и опубликованы благодаря усердию русского анатома Грубера. В настоящее время высказывается предположение, что *центральная кость* может также присутствовать в запястье эмбрионов горилл и шимпанзе, но до сих пор не было достаточных материалов для таких исследований.

Я не могу согласиться с теорией, что *центральная кость запястья* является просто отдельной частью лопаточной кости. У очень молодых шимпанзе эта кость, несомненно, имеет две поперечные бороздки на поверхности, но три сегмента демонстрируют только однородное развитие кости. Отчетливое образование *центральной кости* и ее периодическое появление у человека свидетельствуют о ее независимом существовании. Розенберг считает, что эта кость не является просто *центральной костью* млекопитающих, но гомологична двум *центральным костям* ископаемых эмалиозавров. Она стала неполноценной пропорционально уменьшению размера, которое произошло.⁵² Не составит большого труда проследить происхождение этой кости до древних видов позвоночных животных, даже до *Urodela* (Wiedersheim) Восточной Азии.⁵³ Сохранение этой кости у человека следует рассматривать как регрессию, а не как остановку развития.

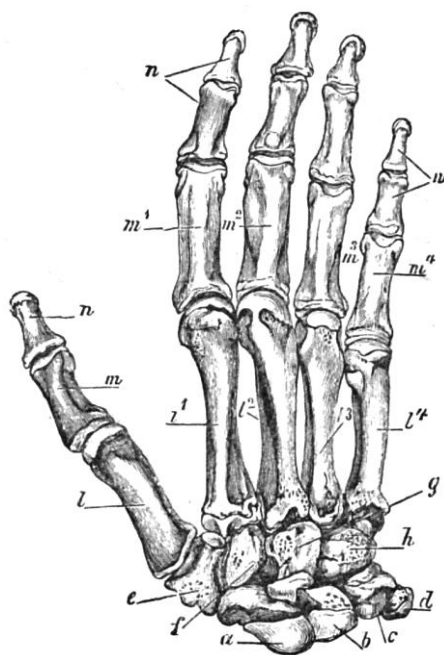

Рис. 42. Скелет человеческой кисти, вид сзади. *a* — лопаточная кость; *b* — полулунная кость; *c* — клиновидная кость; *d* — гороховидная кость; *e* — трапецевидная кость; *f* — трапецевидная кость; *g* — большая лопаточная кость; *h* — крючковидная кость; *l-l'* — пястные кости; *m-m'* и *nn* — фаланги.

На бедренной кости некоторых млекопитающих, особенно у лошади, осла, носорога и тапира, а также в меньшей степени у плотоядных и других семейств, помимо двух больших и малых вертелей, имеется третья, названная Вальдейером *trochanter tertius*.⁵⁴ Такое образование, низкое, тупое и обычно расположенное в верхней части внешнего гребня верхней раздвоенности *linea aspera*, можно наблюдать в скелетах людей всех рас, но оно

либо отсутствует у антропоидов, либо выражено очень слабо. Вирхов справедливо считает его наличие тераморфным, но не характерным для диких или низших рас.⁵⁵

В некоторых случаях большеберцовая кость человека демонстрирует сжатие или боковое уплощение своего стержня или центральной части, так что ее поперечный диаметр совершенно несоразмерен ее глубине. Такая большеберцовая кость называется мечевидной или плосконожной. Кости такой формы были обнаружены главным образом в древних отложениях, например, в Гибралтаре, Перти-Чвареу, Уилтшире, Лозере, Клиши, Сен-Сюзанне (Сарта) и особенно в Кро-Маньоне (рис. 43), Янишвеке и т. д.

Подобная форма также наблюдалась у людей, принадлежащих к культурным расам, как древних, так и современных. Например, Вирхов обнаружил такие кости в Закавказье (третьего и четвертого веков нашей эры) и в Ханаи-Тепе в Троаде. Все крупные школы анатомии в Европе содержат образцы большеберцовых костей, которые в той или иной степени являются плосконогими. Они также наблюдаются в скелетах примитивных народов нашего времени, например, у негритосов, канаков и других африканских рас. В то время как некоторые ученые считают эти кости результатом нездорового состояния и последствием рахита, другие более справедливо приписывают их энергичной тренировке мышц в одностороннем направлении. Идея, высказанная Буском и другими, что плосконогие большеберцовые кости, обнаруженные в древних памятниках Европы, принадлежали деградировавшей расе, распространенной по всему континенту (), противоречит широкому распространению этой характеристики даже в наше время. И сомнительно, что плосконогие кости абсолютно ограничены низшими расами. В Янишевке Вирхов обнаружил чрезвычайно плоскую большеберцовую кость, извлеченную из куявской могилы каменного века, которая принадлежала черепу, отличавшемуся необычайной красотой и размерами, так что, взятая сама по себе, она производила на анатома впечатление высокоразвитой расы.⁵⁶

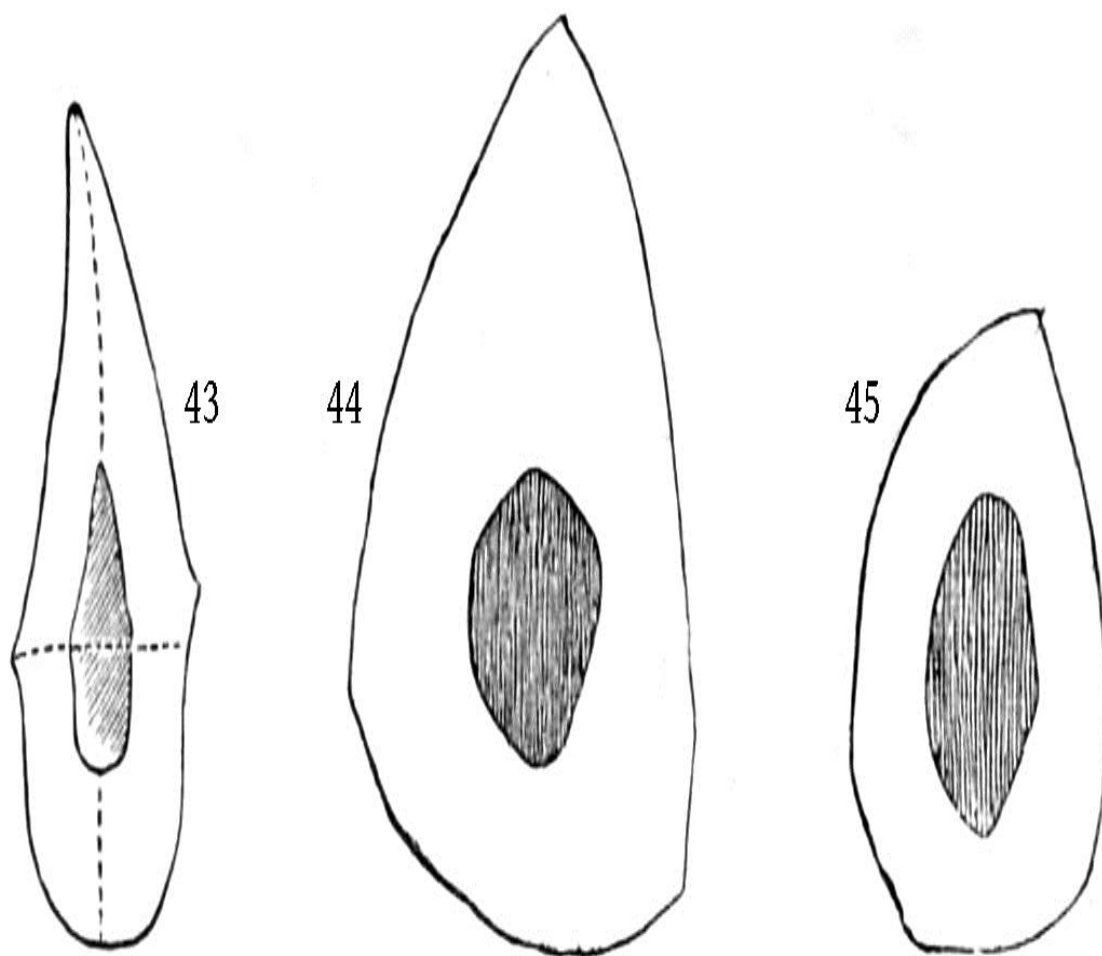

Рис. 43.

Срез плосконожной большеберцовой кости из Кро-Маньона.

Рис. 44.

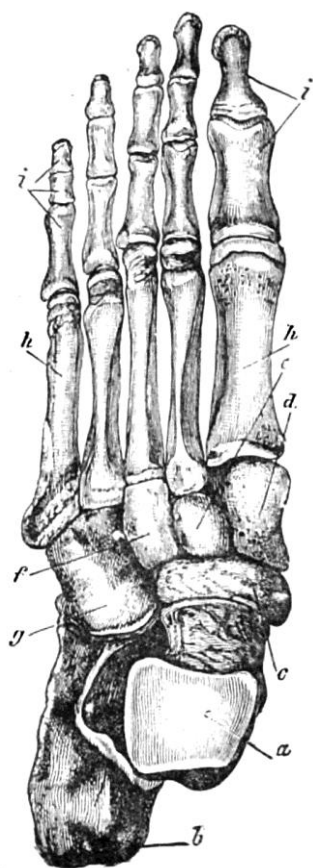
Срез большеберцовой кости самца гориллы.

Рис. 45.

Срез большеберцовой кости самца шимпанзе.

Важно отметить, что плоскокостность считается питекоидной структурой, и по этой причине были предприняты попытки установить ущербное положение тех народов, которые наиболее отличаются плоскокостностью. Однако, как уже заметил Бойд-Докинс, хотя большеберцовые кости горилл и шимпанзе в некоторой степени являются пластикнемическими, они гораздо менее пластикнемичны, чем пластикнемические кости человеческого скелета. Большеберцовая кость самца гориллы () в Музее колледжа хирургов имеет индекс ширины 68,1, а самки — 65,0, в то время как индекс большеберцовой кости шимпанзе составляет 61,1, что примерно соответствует среднему показателю большеберцовых костей Perthichwareu. Нет необходимости указывать на другие заметные различия между большеберцовыми костями человека и обезьян; если плоскость кости следует считать генетической особенностью, то следует признать, что в этом отношении человек значительно превосходит обезьян.⁵⁷ Ни у горилл, ни у шимпанзе, ни у орангутанов, ни даже у бабуинов большеберцовая кость не имеет уплощения в верхней или средней

части. У всех этих обезьян середина кости более или менее закруглена, почти как будто она была закруглена на токарном станке. По моему опыту, степень плоскости у антропоидов подвержена определенным колебаниям. Мне кажется, что она наименее выражена у пожилого самца гориллы ([рис. 41](#)) и у гиббона (*Hylobates agilis, syndactylus*), у которого поперечное сечение большеберцовой кости представляет собой почти равносторонний треугольник. Платикнемия была более выражена у почти взрослой самки гориллы, еще более заметна у пожилого самца шимпанзе, который прибыл из реки Киулу, и снова у пожилой самки шимпанзе. С другой стороны, центр диафиза большеберцовой кости у другого пожилого самца шимпанзе, который прибыл из Лоанго, был округлым, а не платикнемическим. В большеберцовой кости взрослого орангутана, которую я исследовал, плоскость была очень выраженной. Но я согласен с Бойдом-Докинсом в том, что никогда не встречал антропоида, у которого плоскость была бы столь значительной, как, например, у

кроманьонца () и у другого, найденного в Трое.

Рис. 46. Скелет человеческой стопы, вид сверху. *a*, Астрагал. *b*, Пяточная кость. *c*, Ладьевидная кость. *d*, *e*, *f*, Клиновидные кости. *g*, Кубовидная кость. *h*, Плюсневые кости. *ii*, Фаланги.

Если мы бегло взглянем на нижние конечности обезьян, то увидим, что в их тарсусе присутствуют все те же характеристики, что и в тарсусе человека. В каждом случае есть таранная кость, *пяточная кость*, лодочная кость, три клиновидные кости и кубовидная кость. Несомненно, есть несколько особенностей, по которым тарсус отличается от соответствующей части человеческой стопы. Первая плюсневая кость соединяется с первой клиновидной костью суставной фасетой, которая проходит от задней части до подошвы стопы. Это соединение играет роль, похожую на роль большого пальца человеческой руки (см. [рис. 20](#) и [46](#)).

По мнению Хаксли, задние конечности гориллы заканчиваются настоящей стопой с очень подвижным большим пальцем. Это, несомненно, хватательная стопа, но ни в коем случае не рука. Это стопа, которая не отличается от стопы человека по каким-либо существенным характеристикам, а только по относительным обстоятельствам, степени гибкости и подчиненному расположению ее частей (). Хаксли добавляет, что не следует полагать, что он хочет недооценивать различия, которые, однако, он не считает фундаментальными. Они достаточно важны в своем роде, поскольку в любом случае строение стопы тесно связано с другими частями организма. Хотя несомненно, что усиление разделения труда у человека, которое полностью перекладывает функцию опоры на ноги и ступни, является значительным прогрессом в строении, тем не менее, с анатомической точки зрения, сходства между человеческой ступней и ступней гориллы гораздо более поразительны и значимы, чем их различия.

Различия в стопе орангутана еще больше: очень длинные пальцы и короткий тарзус, короткий большой палец и отрыв пятки от земли, большая кривизна суставов, соединяющих стопу с костями голени, и отсутствие длинной сгибающей мышцы для движения большого пальца — стопа орангутана отличается от стопы гориллы еще больше, чем последняя отличается от стопы человека. У некоторых низших обезьян руки и стопы еще больше отличаются от рук и стоп гориллы, чем у орангутана. У американских обезьян большой палец больше не может противопоставляться; у ателесов он редуцирован до простого рудимента, покрытого кожей; у сахиусов он согнут вперед и снабжен изогнутым когтем, как и другие пальцы. Во всех этих случаях нет сомнений, что рука отличается от руки гориллы больше, чем рука гориллы отличается от руки человека.⁵⁸

Флауэр отмечает, что главное отличие между стопой человека и обезьяны заключается в том, что последняя превращается в хватательный орган. Кости предплюсны и плюсны, а также фаланги пальцев одинаковы по количеству у обоих видов и находятся в одинаковом относительном положении, только у обезьяны фасетка для сочленения первой клиновидной кости с большим пальцем имеет форму седла и направлена под углом к внутренней или большеберцовой стороне стопы. Таким образом, большой палец отделен от остальных и расположен так, что при сгибании он направлен вниз, к подошве, и противоположен другим пальцам, гораздо более противоположен им, чем большой палец руки человека.⁵⁹ Оуэн также говорит о характерном преобразовании большого пальца стопы обезьяны в большой палец, противоположный другим пальцам и приспособленный для захвата.⁶⁰

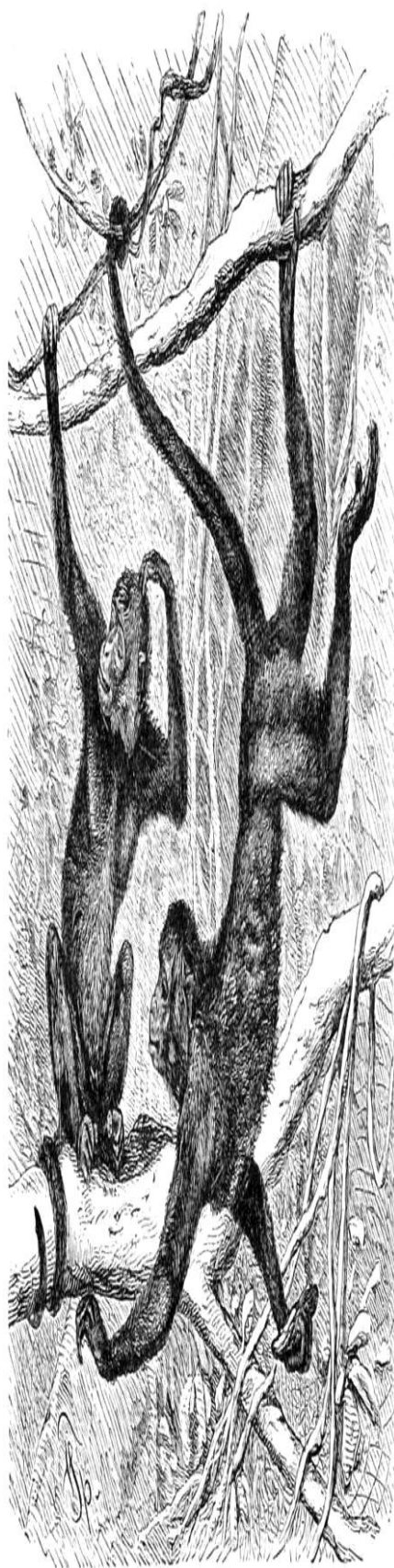

Рис. 47. — Коайта (*Ateles paniscus*).

К. Э. фон Бэр не согласен с Хаксли в том, что разница между человеком и гориллой меньше, чем разница между различными видами обезьян. «Между обезьянами существуют разные виды различий, — отмечает фон Бэр. — У некоторых большой палец представляет собой лишь культю, у других, например у орангутанов, пальцы задних конечностей настолько длинные и изогнутые, что их невозможно выпрямить на ровной поверхности; у многих мелких обезьян эта конечность больше похожа на руку, чем у крупных видов, и пальцы можно легко раздвинуть на земле. В этом случае стопа имеет гораздо более тупую форму и более гибкая, так что подошва, которая правильно повернута внутрь, может лежать плоско на земле. Чем тяжелее тело животного, тем более четкой должна быть структура стопы, чтобы она не допускала свободных движений, возможных для руки. Но все это лишь модификации лазательной стопы, или хватательного органа, то есть руки, а не модификации стопы, твердо стоящей на земле и поддерживающей весь вес тела.

«Не следует забывать, что структура скелета подчиняется механическим законам, которые прослеживаются во всем животном мире. Это становится очевидным, когда мы обращаемся к структуре человека.

«Человеческая стопа большей частью своей длины опирается на землю, то есть пяткой и центром стопы, которые вместе образуют прочный свод. Тарсус состоит из таранной кости, а также из *пяточной кости*, которая у человека образует очень заметную часть, направленную назад и вниз, и из пяти других костей. Плюсна состоит из пяти костей, на которые крепятся пять пальцев. У человека эти плюсневые кости значительно длиннее отдельных фаланг. Таким образом, свод, на котором человек поддерживается в вертикальном положении, простирается от пятки до концов плюсневых костей. Несколько костей слегка подвижны, но они настолько прочно соединены, что могут отклоняться друг от друга лишь незначительно, если не прилагается мышечная сила. Чтобы прижать пальцы ног к земле, необходимо снова напрячь мышцы. Сводчатый подъем имеет то преимущество, что стопа может лучше удерживаться на небольших неровностях земли. На профильном виде скелета человеческой стопы очень заметна короткость пальцев по сравнению с длиной сводчатого подъема. В любом естественном положении, даже когда человек не ходит и не стоит, подошва стопы не повернута внутрь, а вниз... Пальцы ног гориллы имеют форму руки, поскольку большой палец стоит отдельно, как большой палец руки, а остальные пальцы повернуты наружу. У гориллы тарзус короткий, а пятка согнута внутрь. Несколько костей человеческой стопы, несомненно, присутствуют в задней части руки гориллы, но этот орган превращен в хватательный орган или руку. Условия такие же, как и в частях рта насекомых, которые в некоторых случаях образуют подвижные челюсти, а в других — сужаются в хоботок. Когда утверждают, что обезьяны не являются четверорукими, это все равно что сказать, что у мух нет хоботка, а есть суженные челюсти».

[61](#)

Все обезьяны, включая антропоидов, иногда используют свои задние конечности, чтобы хватать предметы. Они также используют их для лазания. В таких случаях, когда они хотят уберечь захваченный плод от прожорливости своих сородичей, они берут его между пальцами одной задней конечности, чтобы иметь возможность быстрее убежать с помощью другой и с помощью обеих рук.

Из сказанного выше видно, насколько сложно согласовать мнения разных наблюдателей относительно подходящего термина для обозначения задних конечностей обезьян. Против тех, кто поддерживает обозначение «*задние руки*», мы должны противопоставить анатомическое строение, а также тот факт (), что настоящая рука должна обладать способностью к вращению в той степени, которая существует в передних, но не в задних конечностях обезьян. По этой причине я уже принял, как более подходящий и столь же

отличительный, термин «*хватательная стопа*» для этого члена.⁶² Я согласен с Геккелем в отклонении общепринятого обозначения обезьян как четвероруких или квадруманных.

Связки или связки, которые соединяют различные части скелета антропоидов и превращают отдельные элементы в подвижный механизм, в целом не сильно отличаются от аналогичной структуры у человека. Подробное описание этих связок по ряду причин было бы неуместно в данной работе, и я упомяну лишь несколько особых и наиболее интересных отличий. К ним, например, относится необычная прочность *затылочной связки* у гориллы, что вполне согласуется с сильным развитием остистых отростков верхних шейных позвонков и уплощением чешуйчатой затылочной части. Поскольку крестцовые позвонки глубоко вставлены между высокими подвздошными костями, подвздошно-поясничные связки (*ligamenta iliolumbalia*) и крестцово-подвздошные связки (*ligamenta iliosacralia*) имеют значительные размеры. В соответствии с проекцией вниз высоких узких седалищных костей, крестцово-седалищные связки, проходящие между ними и крестцом, у шимпанзе очень длинные. Хотя в данном случае седалищный отросток представлен лишь неровностью кости, с обеих сторон между этим отростком () и крестцом находится мощная малая крестцово-седалищная связка (*ligamentum spinoso-sacrum*).

Известный анатом Дж. Ф. Меккель утверждал, что у шимпанзе и орангутангов отсутствует углубление в головке бедренной кости (*fovea capitis*), которое служит для прикрепления круглой связки (*ligamentum teres*), и добавляет, что оно также отсутствует у гиббонов. В скелете молодого шимпанзе, который еще не сменил молочные зубы и у которого также сохранились связки, Велкер обнаружил полностью развитую круглую связку, прикрепленную почти в центре головки бедренной кости. Это полностью соответствует аналогичной структуре у человека. С другой стороны, в тазобедренном суставе молодого орангутана не было обнаружено никаких следов круглой связки. Хрящевая оболочка головки бедренной кости была гладкой по всей поверхности, без каких-либо признаков места вставки связки. Велкер снова не обнаружил такого углубления в бедренной кости пожилого самца орангутана, как и следов его в другой пожилой самке орангутана, обозначенной как *Simia Morio*. Велкер считает, что он установил факт отсутствия круглой связки у орангутана, но ее наличие у гориллы, шимпанзе и гиббона. Тот же натуралист отмечает, что, хотя мы, безусловно, можем предположить, что круглая связка отсутствует везде, где нет углубления в головке бедренной кости, тем не менее наличие такого углубления в вертлужной впадине (*fovea acetabuli*) не является достаточным доказательством того, что в нее вставлялась круглая связка. Безымянные кости взрослого орангутана были исследованы Велкером () и показали небольшое, но хорошо выраженное углубление, как будто предназначенное для размещения этой связки (⁶³), проходящее от вертлужной выемки до дна вертлужной впадины, между двумя рогами полулунного суставного хряща.

В последующей статье Велкер утверждает, что отсутствие круглой связки у орангутана и ее наличие у шимпанзе были ранее установлены Кампером и Оуэном.⁶⁴ В трех экземплярах орангутанов, которые он получил сразу после смерти, Оуэн обнаружил, что круглая связка была неполноценно развита с обеих сторон. Шимпанзе отличается от орангутана наличием углубления на головке бедренной кости. У гориллы, как отмечает Оуэн, это углубление имеет почти такую же глубину и относительное положение, как и у человека. По просьбе Велкера профессор Диппель подтвердил наличие углубления в бедренной кости скелета гориллы, который хранится в коллекции естественной истории в Дармштадте. Сент-Джордж Миварт видел скелет орангутанга, на бедренной кости которого было заметно небольшое, но ясно выраженное углубление, расположенное именно в том месте, где обычно прикрепляется круглая связка (). Велкер считает вероятным, что у

некоторых особей горилл круглая связка развита лишь слабо, а у других она вообще отсутствует. На нескольких бедренных костях горилл () этот натуралист наблюдал лишь сомнительные следы упомянутого углубления. Дювернуа обнаружил, что круглая связка полностью развита у горилл и шимпанзе. Вролик не смог найти ее у орангутангов, но подтвердил ее наличие у шимпанзе. Гратиоле и Аликс увидели, что она полностью развита у *Trogloodytes Aubryi*.

В дополнение к этим несколько противоречивым утверждениям, я сам наблюдал на исследованных мною костях таза и бедра гориллы более или менее отчетливые признаки углубления, в котором находится круглая связка. Сама связка сохранилась вместе с телом гориллы. То же самое замечание относится к скелетам и телам шимпанзе. В случае скелета орангутана были замечены слабые признаки углубления на головке левого бедренного кости, которые отсутствовали на бедренных костях других экземпляров. У крупного орангутана, умершего в Берлинском аквариуме, в правой вертлужной впадине были видны только короткие нитевидные пучки полосатых волокон, которые были смешаны по отдельности или группами с хрящевыми клетками, чем-то напоминающими хрящевые телецки синовиальной мембраны. Из этих фактов можно сделать вывод, что круглая связка обычно, но не всегда присутствует у горилл и шимпанзе, а у орангутанов она полностью отсутствует. У гиббонов она присутствует в большинстве случаев. Я сам наблюдал ее у *Hylobates agilis*, *leuciscus* и *syndactylus*. Оуэн утверждает, что неустойчивая походка орангутана частично обусловлена отсутствием этой связки, но правдивость этого предположения ставится под сомнение тем фактом, что эта связка нередко отсутствует у других антропоидов. Более того, походка всех этих древесных и лазающих животных чрезвычайно неуклюжа.

Мышечная система человекообразных обезьян очень интересна. Я вынужден воздержаться от подробного описания этой системы и упомяну лишь некоторые моменты, связанные с этой органической системой, и их отношение к соответствующим моментам в мышечной системе человека. Я опираюсь частично на исследования других ученых, а частично на свои собственные. К сожалению, объем материала, собранного на данный момент, слишком скуден, чтобы мы могли сделать удовлетворительные выводы во всех случаях. Мы часто не можем решить, являются ли условия, представленные нам в случае антропоидов, нормальными или исключительными. Статистика мышечных вариаций у человека также не является окончательно установленной. Моя собственная работа в этом направлении еще не завершена. Утверждения по этому вопросу, которые были опубликованы и признаны авторитетными, уже оказались в некоторой степени недостоверными. Даже то небольшое, что я могу представить сейчас, может не выдержать проверки последующими исследованиями. Брюль справедливо замечает, что ни в одной области анатомии, кроме той, которая занимается изучением мышц, не так важно не принимать решения о том, является ли форма нормальной или исключительной, пока она не будет неоднократно исследована. ⁶⁵

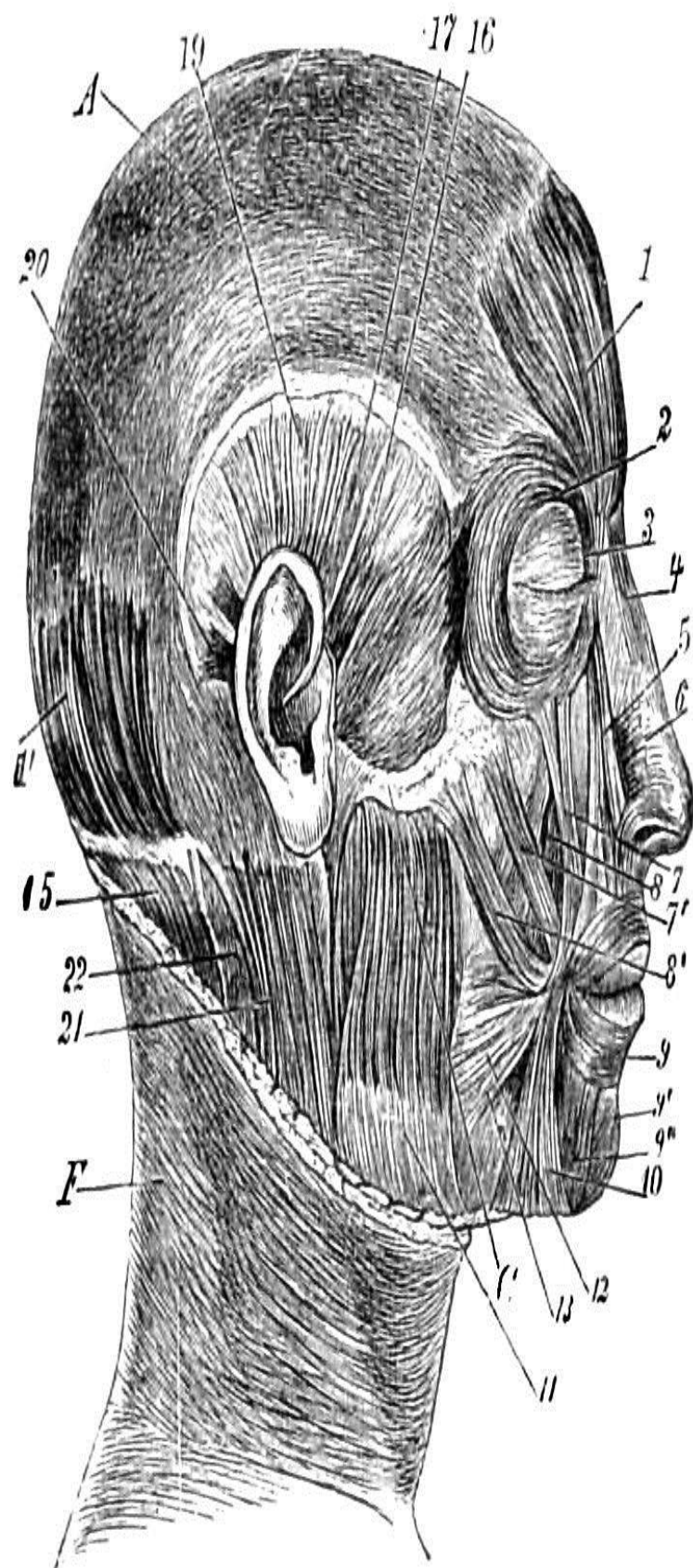
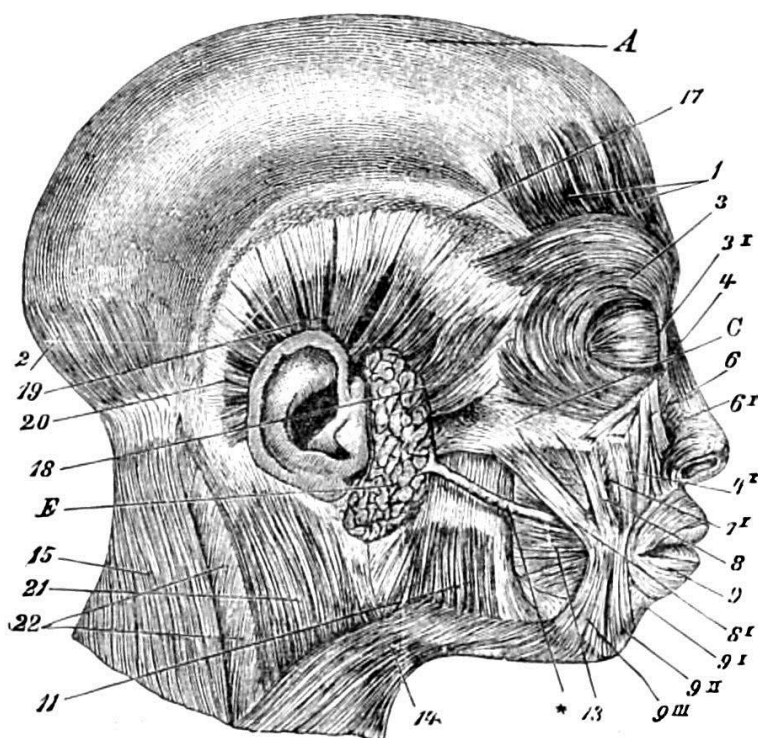

Рис. 48.—Мышцы головы и лица европейца. 1, 1', Occipito-frontalis. 2, 3, Orbicularis palpebrarum. 4, Pyramidalis nasi. 5, Levator labii superioris alæque nasi. 6, Compressor naris. 7, Levator labii superioris. 7', Zygomaticus minor. 8, поднимающая уголок рта. 8', большая скуловая мышца. 9, круговая мышца рта. 9', поднимающая подбородок. 9'', опускающая нижнюю губу. 10, опускающая уголок рта. 11, жевательная мышца. 12, 13, улыбательная мышца и щечная мышца, которой она покрыта. 15, Трапецевидная мышца. 16, Притягивающая мышца. 17, 19, Поднимающая мышца. 20, Оттягивающая мышца уха. 21, Грудно-сосцевидная мышца. 22, Сплинеус. А. Сухожильный апоневроз. С. Скуловая кость (ушная железа удалена). F. Кожа шеи.

Черепные мышцы антропоидов сформированы, как и у человека, за исключением нескольких несущественных деталей (ср. рис. [48](#) и [50](#)). Я не наблюдал у антропоидов мышечных волокон, которые у человека отходят от круговой мышцы глаза и перекрывают щеки и виски, и которые значительно развиты в голове негра Монджало, которого я вскрывал ([рис. 49](#), 3, 3'). У обезьян та часть круговой мышцы, которая покрывает надбровный гребень, очень заметна. Обычно на носу и верхней губе имеется значительный слой мышц. Я подробно вскрывал ее у антропоидов и других обезьян, включая американских обезьян (); т. е. скуловые мышцы, мышцы, поднимающие верхнюю губу, и мышцы, поднимающие верхнюю губу и крыло носа. Это также делали Дювернуа, Аликс и

Гратиоле в случае вскрытых ими антропоидов, а также Макалистер и Бишофф.

Рис. 49. Мышцы головы негра из Монжалеса. 1, 2, Occipito-frontalis. 3, 3', Orbicularis palpebrarum. 4, Pyramidalis nasi. 4', Levator labii superioris. 6, поднимающая верхнюю губу и крыло носа. 6', сжимающая ноздрю. 7', поднимающая уголок рта. 8, 8', большая и малая скуловые мышцы. 9, круговая мышца рта. 9', поднимающая подбородок. 9'', опускающая нижнюю губу. 9''', опускающая уголок рта. 11, Жевательная мышца. 13, Букцинатор. 14, Платизма. 15, Трапецевидная мышца. 17, 18, Приводящая и отводящая мышцы уха. 19, Встроенная височная мышца. 20, Отводящая мышца уха. 21, Грудно-сосцевидная мышца. 22, Глубоко расположенные мышцы шеи. А, Сухожильный апоневроз. С, Скуловая кость. Е, Приушная железа. *, Проток Стенсона.

Бишофф смог идентифицировать только широкую скуловую мышцу у орангутанга и маленькую скуловую мышцу у человека. У орангутанга, гиббона и бабуина, а также у *Innus sinicus* и *Ateles* я сам смог проследить разделение на большую и маленькую скуловую мышцы. У рассеченного мной горилла мышца, поднимающая верхнюю губу и крыло носа (), была очень широкой (рис. 50, 6). В случае с гориллой Элерс вскрыл малую скуловую мышцу вместе с мышцей, поднимающей верхнюю губу и крыло носа, способом, введенным Хенле, как единую квадратную мышцу верхней губы (*Musculus quadratus labii superioris*). У гориллы я наблюдал мышцу, поднимающую крыло носа, вместе с уже упомянутой мышцей, поднимающей верхнюю губу, но мне не удалось найти отдельной мышцы, поднимающей верхнюю губу. Очень широкий хрящ носа занят значительным количеством мышечной ткани. Все эти мышцы присутствуют у орангутана (), но они небольшого размера и разделены на отдельные пучки. Pyramidalis nasi можно проследить во всех случаях, особенно у горилл (рис. 50, 4) и у орангутанов. Он не так сильно развит у шимпанзе и гиббонов, но не отсутствует ни у этих обезьян, ни у тех, которые не являются антропоидами, таких как бабуины и ателес, или лазающие обезьяны.

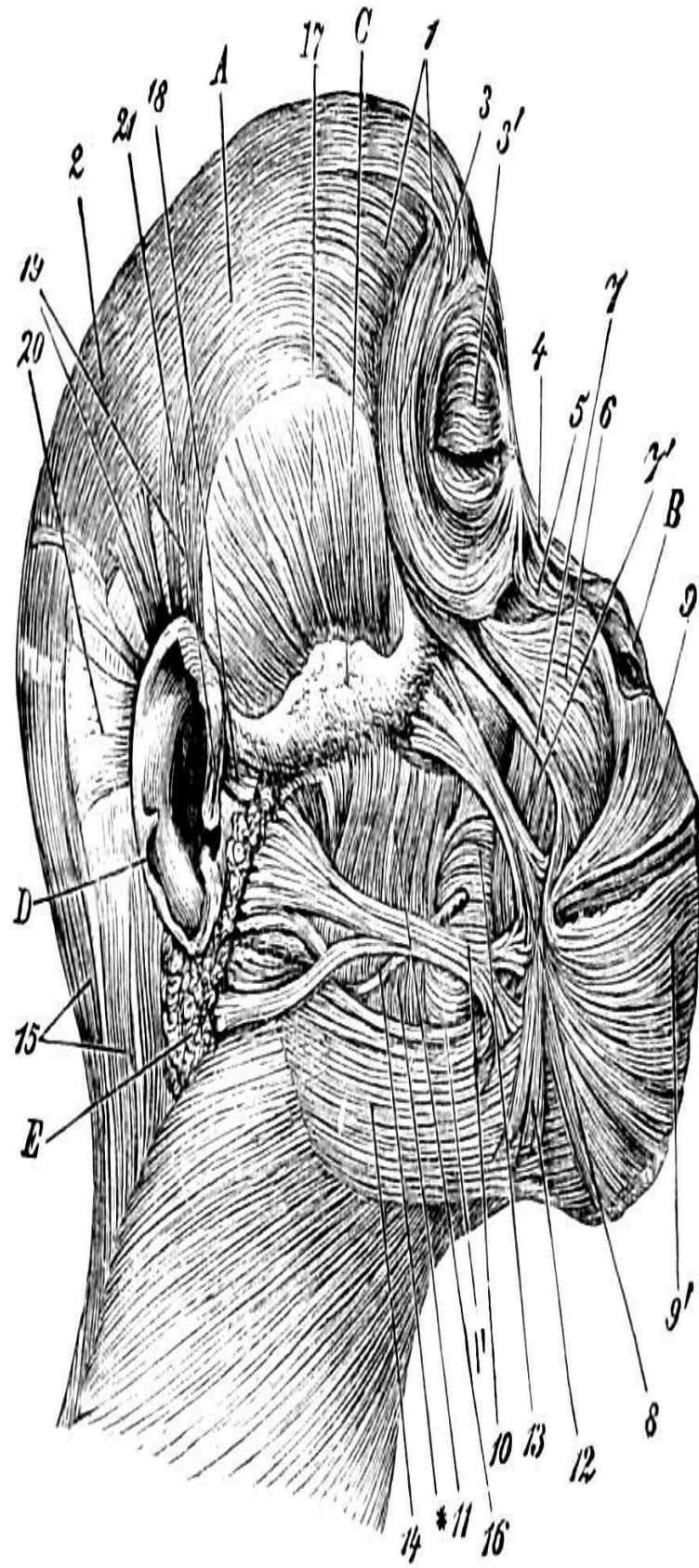

Рис. 50. — Мышцы головы гориллы, представленные на [рис. 3](#). 1, 2, Occipito-frontalis. 3, 3', Orbicularis palpebrarum. 4, Pyramidalis nasi. 5, Levator alæ nasi. 6, Levator labii superioris alæque nasi. 7, Малая скуловая мышца. 7', Поднимающая уголок рта мышца. 8, Большая скуловая мышца. 9, 9', Мышца, окружающая рот. 10, Улыбательная мышца. 11, 16, Жевательная мышца. 1', Мышца, поднимающая щеку. 12, Опускающая уголок рта мышца. 13, Мышца, поднимающая щеку. 14, Платизма. 15, Трапециевидная мышца. 17, Височная мышца. 18, 19, 20, Притягивающая, поднимающая и оттягивающая мышцы уха. 21, Малая мышца ушной раковины. А, Сухожильный апоневроз. В, Хрящ ноздри. С, Скуловая кость. D, Наружное ухо. *, Проток Стенсона.

Я сам следую первоначальному делению мышц на те, которые относятся к ноздрям и верхней губе, в соответствии с принципами Дюшенна, Дарвина, Гамбы, [66](#) и других, и делаю это тем более охотно, что невозможно не заметить многообразную и живую мимическую деятельность, которая происходит в этой конкретной области головы обезьяны. Отличительные действия мышцы, поднимающей верхнюю губу и крыло носа, расширение ноздрей, функция сильно развитой мышцы, поднимающей угол рта, особенно характерны для гориллы, но они также заметны у шимпанзе и гиббона. Лицо орангутана менее подвижно. Я заметил, что у гориллы мышца risorius была очень длинной, слегка разветвляясь в передней части угла рта, а сзади — на три отчетливых широких пучка. Нижний пучок покрывал мышцу platysma myoides, но не мог считаться частью последней. У одного шимпанзе я обнаружил, что мышца risorius была слегка развита, а у других животных этого вида я не смог ее обнаружить вовсе. Аликс и Гратиолет изображают шимпанзе Аубри () (табл. ix. рис. 1, 15) с сильно развитой мышцей risorius. Я не наблюдал этой структуры ни у орангутангов, ни у гиббонов, но она была заметна у одного из ателесов (*Ateles leucophthalmos*). В этом случае мышца покрывала платизму мышечную и проток Стенсона, т. е. проток, выходящий из околоушной железы ([рис. 50](#), *).

Некоторое время я был склонен считать мышцу risorius этой обезьяны лишь отростком мышцы platysma myoides, но мое мнение по этому вопросу вновь пошатнулось.

У гориллы можно наблюдать слабый депрессор угла рта и столь же слабый депрессор нижней губы, причем последний частично покрыт большой и доминирующей круговой мышцей рта ([рис. 50](#)). У шимпанзе обе депрессорные мышцы явно заметны, а у гиббона, по крайней мере, развита первая из них. Платизма миоидес, только что упомянутые депрессоры и полулунные круговые мышцы у этого животного тесно связаны друг с другом. Предположение Фрорипа становится все более вероятным, что эти мышцы нижней губы обязаны своим происхождением пересечению противоположных частей кожных мышц шеи, которые перекрывают лицо. Мышца buccinator у антропоидов в целом похожа на мышцу человека и в обоих случаях пронизывается протоком Стенсона ([рис. 50](#)). Форма жевательной мышцы общая для обоих (см. [рис. 50](#), 11, 16). Во внешнем ухе антропоидов имеется приводящая, отводящая и оттягивающая мышцы ([рис. 50](#)). По сравнению с белым человеком и тем более с негром (см. рис. [48](#), 19 и [49](#), 17), отводящая мышца у антропоидов развита лишь незначительно (). Мышцы, прикрепленные к хрящам уха, чрезвычайно скудны или частично отсутствуют, что иногда наблюдается и у человека. Мышцы ушной раковины наиболее сильно выражены у гориллы (см., например, [рис. 50](#), 21). Тидеманн, шурин Бишоффа, в течение шести месяцев тщательно наблюдал за двумя живыми шимпанзе в Филадельфии, не обнаружив никаких движений ушей. Мои собственные наблюдения подтверждают его утверждение и замечания Дарвина, которые я уже цитировал, о том, что антропоиды неспособны двигать ушами. Мне не известны никакие индивидуальные исключения. Это тем более примечательно, что некоторые люди сохранили способность произвольно двигать ушами, и та же способность встречается у некоторых видов обезьян, таких как морские кошки, бабуины, макаки и маготы.

Здесь будет уместно сказать несколько слов о ранее упомянутых особенностях физиогномического выражения антропоидных обезьян. Так, например, когда горилла возбуждена, она может двигать кожей головы и вздымать волосы, покрывающие эту область. Шимпанзе также может двигать кожей головы, но без особо заметного вздымания волос. Крупный самец орангутанга, который в 1876 году находился в Берлинском аквариуме, вздымал волосы и кожу головы, когда был очень разгневан. Известно, что в некоторых случаях человек также обладает этой способностью.

Я уже говорил о выражении глаз этих животных. Добавлю только, что когда антропоиды всех видов испытывают сильную боль или серьезно больны, выражение их глаз часто бывает очень трогательным.

Лоб этих животных часто покрыт поперечными морщинами, особенно, как справедливо замечает Дарвин, когда они поднимают брови. Тот же великий наблюдатель считает, что лица антропоидов, по сравнению с лицами людей, в целом невыразительны, и действительно, в основном из-за того, что они не морщат лоб, когда возбуждены. Морщины на лбу, которые являются одной из самых значимых форм выражения у человека, возникают в результате действия мышц *corrugatores supercilii*, которые опускают брови и сближают их, образуя вертикальные складки на лбу. Утверждается, что орангутаны и шимпанзе обладают этими мышцами, но, по-видимому, они редко используются — во всяком случае, в заметной степени.⁶⁷ Когда Дарвин вывел шимпанзе из его темной комнаты на яркий солнечный свет, он только однажды заметил легкое морщину лба. Когда тот же наблюдатель пощекотал нос шимпанзе соломинкой, его лицо слегка сморщилось, и между бровями появились слабые вертикальные морщины.⁶⁸ Дарвин никогда не наблюдал морщин на лбу у орангутанга. Я сам наблюдал сокращение той области бровей, которая покрыта щетинистыми волосами, и морщины на коже, покрывающей переносицу у горилл и шимпанзе, и проиллюстрировал это выражение рисунком.

Дарвин продолжает, говоря, что когда молодого шимпанзе щекочут, к чему, как и в случае с детьми, их подмышки особенно чувствительны, он обычно издает хриловатый смехок или смех, хотя иногда смех бывает беззвучным. Углы рта при этом оттягиваются назад, что иногда приводит к легкой морщине век. Эта морщина, столь характерная для человеческого смеха, еще более заметна у некоторых других обезьян. У шимпанзе зубы верхней челюсти не обнажаются, когда он издает этот смеющийся звук, и в этом отношении он отличается от человека. Дарвин далее отмечает, что когда щекочущийся молодой орангутанг перестает смеяться, на его лице появляется выражение, которое, по словам Уоллеса, можно назвать улыбкой. Дарвин наблюдал нечто подобное у шимпанзе.⁶⁹

Мои собственные наблюдения подтверждают то, что было сказано о хихиканье щекочущегося шимпанзе. Когда доктор Гермес, директор Берлинского аквариума, играл с шимпанзе, содержащимся в этом заведении, на его лице сразу же появлялось искажение уголков рта, напоминающее несколько сардоническую улыбку. Ни один экземпляр не демонстрировал эту улыбку так эффектно, как живой Август, который в 1879 году радовал посетителей своим неиссякаемым юмором. Горилла, иллюстрация которой приведена на [рис. 3](#), также опускала уголки рта, когда была довольна, с помощью мышечной системы, которую мы только что описали.

Когда горилла раздражена, она показывает оба ряда зубов и открывает рот, чтобы издать звуки ярости, готовясь к бою. Хорошо известно, что антропоиды способны надувать губы и выпячивать их; и Дарвин говорит, что они делают это не только тогда, когда их слегка дразнят, и они угрюмы или разочарованы, но и когда происходит что-то, что вызывает у них беспокойство.

Я часто наблюдал у шимпанзе легкое морщинение области носового хряща и даже вибрацию в боковом и восходящем направлении. В любом случае, мышцы, которые мы описали как действующие на нос и верхнюю губу, задействованы.

Платизма миоидес, которая у человека простирается от нижнего ряда зубов до области чуть ниже ключицы, занимает примерно ту же площадь у гиббонов и других человекообразных обезьян (рис. 50). Однако у шимпанзе эта мышца простирается до скуловой дуги или даже выше. У горилл я также наблюдал, что эта часть простирается относительно высоко на лице. У шимпанзе, орангутангов и гиббонов верхние волокна этой мышцы, по-видимому, образуют мышцу risorius. В одном случае platysma myoides отправляла пучок шириной около 18 мм к началу нижних височных гребней. У горилл я заметил, что верхние волокна platysma myoides были частично покрыты мышцей risorius (рис. 50, 10).

От соответствующей мышцы у орангутана нижние волокна мышцы platysma myoides () тянутся далеко назад и соединяются с дельтовидной мышцей, покрывающей участок капсулярной связки. Эта мышца морщит кожу шеи и помогает опускать нижнюю челюсть. В случаях, когда она простирается далеко вверх, как в приведенных нами примерах, она влияет на боковое растяжение средней и нижней кожи на лице этих животных, а также на улыбающееся искривление уголков рта. Она также может иметь отношение к ворчливому звуку, исходящему из горлового мешка, который издает животное, когда оно возбуждено, быстро открывая и закрывая рот.

Сильная грудино-ключично-сосцевидная мышца, обнаруженная у этих животных, и особенно у орангутана и гиббона, может быть без труда разделена на грудинную и ключичную части. Эти две части расходятся друг от друга вниз. Как справедливо отмечает Бишофф, у всех четырех видов антропоидов можно обнаружить мышцу, которая до сих пор не наблюдалась у человека и которая простирается от внешней части ключицы до поперечного отростка первого шейного позвонка. Бишофф назвал ее musculus omocervicalis. Она встречается и у других обезьян, хотя место ее происхождения варьируется, иногда она находится на ости лопатки. Наш мюнхенский анатом расходится с Хаксли в том, что считает эту мышцу «ярким доказательством родства всех обезьян между собой». Я привожу это утверждение без дополнительных комментариев.

Мышцы, простирающиеся между головой, грудиной и ключицей, вместе с мышцами акромиального отростка лопатки образуют внешнюю мышечную оболочку (), покрывающую горловой мешок, который я опишу ниже. Большая грудная мышца гориллы, как и человека, делится на две части: одна прикрепляется к ключице, другая — к хрящам истинных ребер. Первая часть отделена от дельтовидной мышцы широким промежутком, заполненным соединительной тканью и жиром. Но обе части большой грудной мышцы разделены достаточно широким пространством, в которое, по мнению Бишоффа, вставляется горловой мешок. Однако я в это не верю, поскольку этот орган будет сдавлен и защемлен между двумя частями мышцы при их работе. Однако можно предположить, что эти пространства обеспечивают место для расширения горлового мешка, когда животное ревет. Бишофф прав в своем утверждении, что у орангутана отсутствует ключичная часть большой грудной мышцы. Верхняя часть этой мышцы отходит непосредственно от грудины. Нижние грудные ребра дают начало малой грудной мышце. У шимпанзе и гиббона в этой мышце ясно прослеживается упомянутое нами разделение на ключичную и грудную части.

Строение малой грудной мышцы у этих обезьян весьма интересно. У гориллы она делится на верхнюю часть из более плотной ткани, которую труднее разделить на отростки, которая берет начало от третьего до пятого ребер, и нижнюю часть, которую можно

разделить на три отростка, верхний сегмент которой значительно перекрывает нижний сегмент верхней части. У шимпанзе верхняя часть с менее плотной структурой () простирается от второго до четвертого ребра, а нижняя часть с тремя отростками — от четвертого до седьмого ребра. Эта вторая нижняя часть иногда отсутствует. Я видел, как верхняя часть прикреплялась к коракоидному отростку лопатки, а нижняя часть — к гребню большого бугра плечевой кости. У орангутана верхняя часть, разделяемая на три отростка, простирается от второго до пятого ребер и прикрепляется к коракоидному отростку. Нижняя часть, также разделяемая на три отростка, простирается от пятого до седьмого ребер и также прикрепляется либо к большому бугорку плечевой кости, либо к ее краю; эта последняя часть выступает ниже над большой грудной мышцей. У гиббона (*Hylobates albimanus*) верхняя часть начинается от второго, а нижняя — от третьего до пятого ребер. Здесь можно заметить, что малая грудная мышца у человека также иногда разделяется на отростки, которые могут быть связаны как с клювовидным отростком, так и с капсулярной связкой плечевого сустава. У антропоидов сухожилие прикрепления этой мышцы заметно тонкое.

По данным Дювернуа, у гориллы волокнистая фасция, похожая на капюшон, покрывает всю область затылка и шеи. У взрослых самцов толщина этой фасции составляет 20 мм. У самцы, которую я вскрыл, были обнаружены зачатки подобной капюшонообразной шейной фасции. Дювернуа справедливо предполагает, что у молодых горилл она еще не развита и заменена слоем соединительной ткани и жира. У молодой гориллы я видел, что трапециевидная мышца разделена на отдельные пучки ткани слоями жира () (рис. 50. 15). Фасция соответствует значительному развитию трапециевидной мышцы, и такое же характерное развитие наблюдается у других антропоидов. У взрослого самца гориллы наблюдается мощная *затылочная связка*, соединяющаяся с длинными остистыми отростками шейных позвонков, а также мощные межпозвоночные мышцы, спинальные мышцы шеи и полуспинальные мышцы шеи и спины. Большое развитие остистых отростков позвонков спины горилл (рис. 17), а также шимпанзе и орангутангов, сопровождается развитием мощных полуспинальных мышц, а также сильных четырехглавых спинальных и межпозвоночных мышц. Вся мясистая формация шеи взрослого самца гориллы, покрытая трапециевидной мышцей, очень объемная, особенно мышцы *splenius capitis* и *colli*, длинная шейная мышца (*Musculus longissimus cervicis*) и длинная головная мышца (*Musculus longissimus capitis*), которые я также считаю частями длинного спинального разгибателя, и, наконец, косые и вертикальные мышцы в задней части головы. Вместе с Чаппуи я склонен рассматривать последние как модификации спинальных и межспинальных мышц.

Мышца, поднимающая угол лопатки, у антропоидов разделена, как и у человека. Мышца подключичная тонкая, за исключением гориллы, у которой она направляет сухожилие под углом к коракоидному отростку.

У всех антропоидов дельтовидная мышца сильно развита. У гориллы она выступает вперед и наружу, чтобы прикрепиться к плечевой кости почти в ее центре. Здесь она отделена от *brachialis anticus* способом, с которым мы знакомы лишь неполно. Она простирается почти так же далеко у гиббонов и орангутанов, в то время как у шимпанзе ее прикрепление находится выше. Бишофф наблюдает, и ранее это было предложено Вроликом, что у шимпанзе мышца *coraco-brachialis* имеет в своем начале умеренно большую вторую часть, которая направлена вниз над меньшим бугром плечевой кости и прилегает к ее краю. Но я видел, что обе части этой мышцы прикрепляются к коракоидному отростку лопатки () у обезьян этого вида. У горилл, орангутанов и гиббонов положение этой мышцы соответствует такому же у человека.

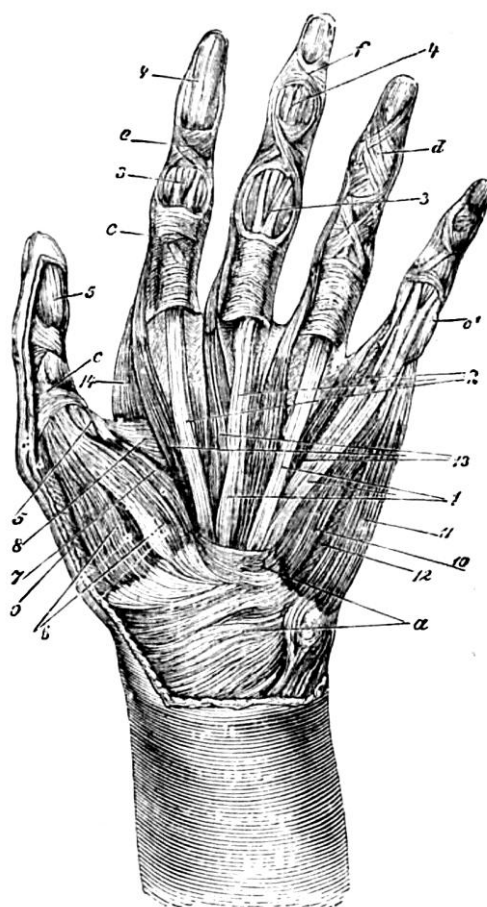
Чапман и Бишофф говорят о мышце, общей для всех обезьян, которая начинается от сухожильного прикрепления *широчайшей мышцы спины* на краю малой бугристости плечевой кости и направлена вниз по внутренней стороне плечевой кости, и этой мышце они дают название *latissimo-condyloideus*. Бишофф продолжает, говоря, что в некоторых случаях эта мышца проходит в фасцию, покрывающую бицепс, а в других, как у бабуина, она прикрепляется к внутренней межмышечной перегородке и внутреннему мыщелку плечевой кости. У гиббона она простирается только до середины плечевой кости, но у орангутана достигает мыщелка, где проходит локтевой нерв. Бишофф добавляет, что у человека эта структура отсутствует.

Эта структура действительно примечательна у антропоидов. Мышца начинается в боковом направлении от места прикрепления *широчайшей мышцы спины*. Только у гориллы я наблюдал, что она начиналась от коракоидного отростка лопатки вместе с двумя частями малой грудной мышцы (); она соединялась с коракобрахиальной мышцей (*coraco-brachialis*) и, наконец, прикреплялась в верхней части нижней трети плечевой кости к межмышечной перегородке, которая находится между передней плечевой мышцей (*brachialis anticus*) и трехглавой мышцей (*triceps*). У шимпанзе, с другой стороны, она берет свое начало в *широкой мышце спины* и делится на переднюю и заднюю части; первая прикрепляется к внутреннему мыщелку плечевой кости, а вторая соединяется либо со средней, либо с внутренней головкой трехглавой мышцы. У орангутана может наблюдаться такое же деление этой мышцы. У одного из этих животных я наблюдал переднюю часть, очень тонкую и полумембранозную, прикрепленную чрезвычайно тонким сухожилием к коракоидному отростку лопатки, в то время как задняя часть исходила из *широчайшей мышцы спины*. Обе они были связаны с трицепсом и передней мышцей плеча. В других случаях мышца состояла только из задней части, исходящей из *широчайшей мышцы спины*. У белорукого гиббона мышца исходила из области, в которой соединяются сухожилия *широчайшей мышцы спины* и большой круглой мышцы, и вставлялась в фасцию, которая находится между двуглавой мышцей и передней мышцей плеча. Это прикрепление может также встречаться в центре диафиза плечевой кости. Чепмен и Чудзинский наблюдали аномальные случаи этого образования у цветных рас. [70](#)

Хорошо известно, что у человека двуглавая мышца вставляется в бугристость лучевой кости с помощью уплощенного круглого сухожилия. Однако это сухожилие, противоположное сгибу локтя, дает широкое расширение, которое переходит в фасцию предплечья и называется *апоневрозом двуглавой мышцы*. У гориллы этот апоневроз продолжается в виде сильных волокнистых пучков фасции предплечья в ладонной фасции. У гиббона короткая головка мышцы не всегда начинается от малой бугристости плечевой кости или от сухожилия большой грудной мышцы (Huxley), но иногда от края малой бугристости, которая здесь соединяется с *широчайшей мышцей спины*, а также с подлопаточной мышцей, более боковой мышцей плеча и трицепсом. У гиббона, как справедливо замечает Бишофф, длинная мышца-супинатор доходит только до середины лучевой кости, а не простирается до шиловидного отростка этой кости, как у других антропоидов и у человека.

Длинная ладонная мышца отсутствует у гориллы, но присутствует у других антропоидов. Длинные сгибательные мышцы пальцев и лумбрикальные мышцы похожи на мышцы человека (рис. [51](#), [52](#)). Длинная мышца-сгибатель большого пальца отсутствует у горилл. Дювернуа считает, что она заменена сухожилием длинной мышцы-сгибателя указательного пальца, но мне не удалось подтвердить наличие этого сухожилия. Такая же мышца отсутствует также у шимпанзе и орангутангов, но ее можно обнаружить у *Hylobates albimanus*. Чапман утверждает, что у горилл круглый мышца пронатора лучевой кости

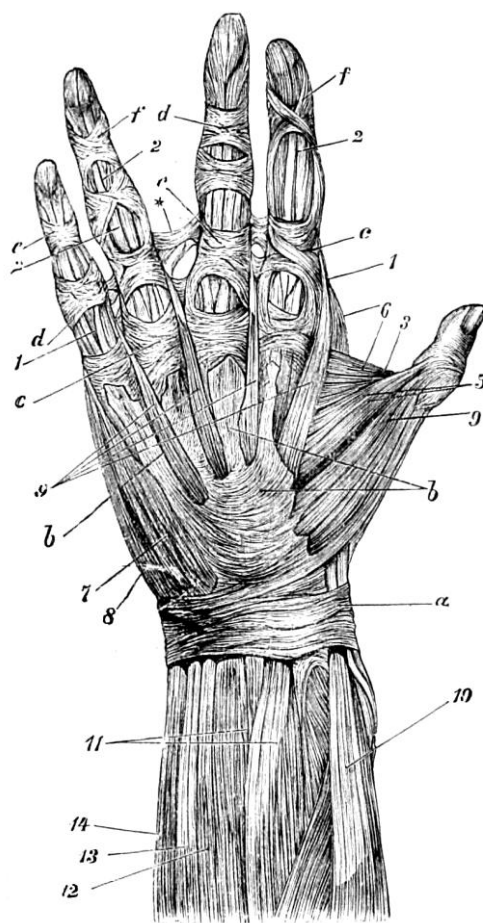
(pronator radii teres) имеет только одну головку, ⁷¹ но я обнаружил, что у животных этого вида она двуглавая. Нижняя или задняя головка, как у человека, отходит от корonoидного отростка локтевой кости. Как у горилл, так и у шимпанзе она простирается далеко вниз по лучевой кости (рис. 52). У шимпанзе лучевая мышца-сгибатель запястья начинается одной головкой от внутреннего мыщелка плечевой кости, а другой — от лучевой кости. Бишофф описывает структуру длинной мышцы-отводящей большой палец у орангутана, бабуина, *питеции* и *ханале* как похожую на человеческую. Но у горилл, шимпанзе и макак сухожилие делится на две части. Одно сухожилие не принадлежит, как у человека, короткому разгибателю большого пальца, но последний полностью отсутствует, и разделение сухожилия означает только продолжение разделения прикрепления к трапецевидной кости, а также к пястным костям большого пальца. Такое разделение сухожилия также встречается у горилл, которые также обладают коротким разгибателем большого пальца. В этом отношении обезьяны снова демонстрируют большее сходство друг с другом, чем с

человеком.

Рис. 51. — Ладонные мышцы человека. *a*, Связки запястья, особенно передняя связка. *c*, *c'*, Обшивающие связки. *d*, *e*, *f*, Косые волокна связок оболочки сгибательных сухожилий. 1, 2, Сухожилия сгибателя большого пальца и глубоких сгибателей пальцев. 3, Взаимное перфорирование этих сухожилий. 4, Продолжение сухожилий глубоких сгибателей пальцев. 5, Сухожилие длинной мышцы-сгибателя большого пальца. 6, Отводящая мышца большого пальца. 7, 8, 9, Короткая мышца-сгибатель, приводящая мышца и противоположная мышца большого пальца. 10, 11, 12, Короткая мышца-сгибатель, отводящая мышца и противоположная мышца мизинца. 13, Лумбрикальные мышцы. 14, Первая спинная межкостная мышца.

Согласно моим собственным исследованиям, длинная отводящая мышца большого пальца у антропоидов образует мышцу, не более значительную, чем соседняя, происхождение и более центральное направление которой напоминают короткую разгибательную мышцу большого пальца человека. У всех четырех видов я обнаружил, что отводящая мышца имеет два сухожилия и прикрепляется к трапецевидной кости. Мышца, расположенная рядом с ней, прикрепляется над основанием первой пястной кости. Я не смог обнаружить дополнительного разгибателя большого пальца у гориллы. Теперь возникает вопрос, что мы должны думать о второй мышце, которая находится у этих животных вблизи отводящей мышцы. По моему мнению, ее можно с уверенностью считать коротким разгибателем большого пальца, поскольку она всегда обеспечивает разгибание пястной кости этого члена, и в этом действии разгибания ее поддерживает длинный разгибатель, который воздействует на фаланги. Необходимо помнить, что сравнительно короткие большие пальцы антропоидов не используются так многообразно, как большой палец человека, и поэтому не следует удивляться, что развитие короткого разгибателя менее полное. Специальная разгибательная мышца указательного пальца либо полностью отсутствует у гориллы, либо очень слабо развита, в то время как у *Hylobates albimanus* она очень заметна (6, [рис. 53](#)). У шимпанзе эта мышца направляет сухожилие к среднему пальцу. У орангутанга есть одна разгибательная мышца, общая для четырех пальцев. В руке гиббона эта мышца, как и другие разгибательные и сгибательные мышцы, отличается чрезмерной тонкостью. Интересной особенностью являются многочисленные соединения

разгибательных сухожилий друг с другом ([рис. 53](#)).

Рис. 52. — Ладонные мышцы гориллы. *a* — Передняя связка. *b* — Остатки кожи ладони, здесь покрытые очень жилистой кожей. *c*, *f* — Косые волокна связок оболочки сгибательных сухожилий пальцев. 1, 2 — Сгибательные сухожилия. 3, Промежутки между головками короткой сгибательной мышцы большого пальца, откуда у человека отходит сухожилие длинной сгибательной мышцы большого пальца (ср. [рис. 51. 5](#)). 4, 3, 3', 5, Отводящая, короткая сгибательная, отводящая мышца большого пальца. 6, 7, 8, Противопоставляющая мышца, короткая сгибательная мышца, отводящая мышца мизинца. 9, Думбрикальные мышцы. 10, Длинная мышца-супинатор. 12, Сгибательная мышца пальцев. 13, Сгибательная мышца мизинца. 14, Сгибательная мышца запястья.

У шимпанзе я наблюдал поверхностный сгибатель (), общий для пальцев и увеличенный в области третьего и мизинца. Поверхностный сгибатель, принадлежащий указательному пальцу, начинался от внутреннего мыщелка плечевой кости и от задней части межмышечной перегородки. Глубокий сгибатель пальцев был прикреплен к четырем пальцам. У орангутанга первый из этих сгибателей образует двухсухожильный живот для указательного пальца, а также один для трех других пальцев. Глубокий сгибатель имел только два живота. У гиббона, напротив, поверхностный сгибатель имеет четыре живота.

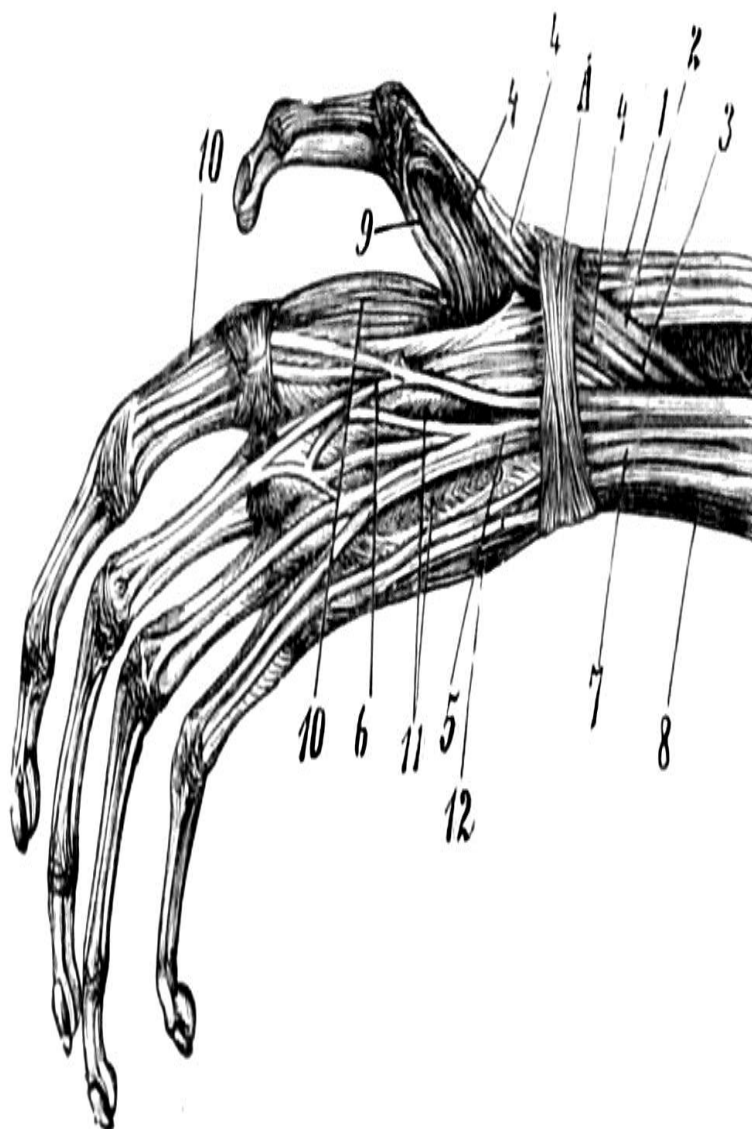

Рис. 53. Мышечная система тыльной стороны ладони гиббона. 1. Длинная и короткая мышцы-разгибатели лучевой кости запястья. 2. Длинная мышца-отводящая большой палец. 3. Мышца-разгибатель первого межфалангового сустава большого пальца. 4. Мышца-разгибатель второго межфалангового сустава большого пальца. 5. Общая мышца-разгибатель пальцев. 6. Расширитель указательного пальца. 7. Расширитель мизинца. 8. Расширитель лучевой кости запястья. 9. Первая спинная межкостная мышца. 10. Продолжение той же мышцы к указательному пальцу. 11, 12. Другие межкостные мышцы этой области. А, Задняя кольцевая связка.

В запястье шимпанзе, по крайней мере, насколько я могу судить по своему опыту, имеется так называемая сесамовидная кость. В данном случае она соединена с лопаточной и трапециевидной костями, именно в том месте, где волокна передней и задней связок запястья переходят друг в друга. У шимпанзе сухожилие длинной отводящей мышцы большого пальца отправляет некоторые волокна в эту сесамовидную кость, в то время как другие волокна сухожилия этой мышцы, которое делится на несколько полос, вставляются в трапециевидную кость, а некоторые также в основание первой пястной кости.

Короткая сгибательная мышца большого пальца, существование которой отрицал Бишофф, безусловно присутствует у этих животных. У шимпанзе нижние волокна короткой отводящей мышцы большого пальца берут свое начало в сесамовидной кости. Средние волокна той же мышцы исходят из полос связки, прикрепленной к сесамовидной кости. С другой стороны, верхняя часть мышцы берет свое начало в передней кольцевой связке. У орангутана нижние волокна короткой отводящей мышцы большого пальца также берут свое начало в сесамовидной кости, в то время как центральные волокна снова берут свое начало в передней кольцевой связке. Верхние волокна сильные и вставляются в основание первой пястной кости. При вскрытии орангутана длинная мышца-сгибатель большого пальца отправляла тонкое сухожильное расширение на кость. Эта сесамовидная кость также встречается у гориллы, хотя Дювернуа и Розенберг, по-видимому, не знают о ее существовании.⁷²

На ладони гориллы имеется короткий отводящий мышца, короткий двуглавый сгибатель, противопоставленная мышца и отводящая мышца большого пальца. Более длинная часть короткого сгибателя, простирающаяся в более радиальном направлении и соединяющаяся с противопоставленной мышцей, развита лишь в незначительной степени. В мышечной системе мизинца гориллы мы можем наблюдать отводящую мышцу, короткую сгибательную мышцу и противоположную мышцу. На ладони шимпанзе имеются короткая отводящая мышца, противоположная мышца, короткая двуглавая сгибательная мышца и приводящая мышца большого пальца; а также отводящая мышца, короткая сгибательная мышца и противоположная мышца мизинца. У орангутана я наблюдал короткий отводящий мышцу, короткий сгибатель с двумя мышечными брюшками, противопоставленную мышцу и приводящую мышцу большого пальца. В дополнение к короткому сгибателю большого пальца Лангер и Бишофф описывают еще одну короткую, независимую мышцу, представляющую собой длинный сгибатель и прикрепленную ко второй фаланге, но я сам не удостоверился в существовании этой мышцы. Те же анатомы из « » упоминают приводящую мышцу между третьей пястной костью и первым суставом большого пальца, а также другую между второй пястной костью и вторым суставом большого пальца, переходящую в сухожилие разгибателя. Я сам убежден в существовании двойной приводящей мышцы, но не в том, что сухожилие одной из мышц (названной Лангером второй противопоставленной мышцей) переходит в сухожилие разгибателя. В мизинце орангутанга есть отводящая мышца, короткая сгибательная мышца и противоположная мышца. У гиббона есть короткая отводящая мышца, слабо выраженная противоположная мышца, короткая двуглавая сгибательная мышца и приводящая мышца большого пальца. У

Hylobates albimanus эта приводящая мышца делится на четыре или пять частей, которые прикрепляются ко всей первой пястной кости. В мизинце есть отводящая мышца, короткая сгибательная мышца и противоположная мышца. У того же животного первая межкостная мышца прикрепляется одной частью ко второй пястной кости, а другой — к основанию второй фаланги указательного пальца ([рис. 53](#), 9, 10).

Бишофф описал мышцы, которые Халфорд называет *Contrahentes digitorum* (сокращающие пальцы), которые лежат глубоко в ладони рук и стопах шимпанзе и гиббона (), мандрила, бабуина и других обезьян.⁷³ Они лежат на межкостных мышцах и покрыты сухожилиями длинных сгибателей пальцев, а также мышцами *lumbricales*. Мне не удалось обнаружить эти *мышцы-сжиматели* у горилл. У самки шимпанзе я наблюдал *мышцу-сжиматель* для четвертого и еще одну для пятого пальца, а также такие же мышцы для четвертого и пятого пальцев ноги. У орангутана я наблюдал *Musculus contrahens* для четвертого и пятого пальцев, а также два слабо выраженных *Contrahentes* для четвертого и пятого пальцев ноги. Подобные мышцы второго, четвертого и пятого пальцев, а также четвертого и пятого пальцев ноги можно наблюдать у белорукого гиббона.

В соответствии с высотой тазовых костей, большая ягодичная мышца этих животных имеет умеренную ширину по сравнению с ее длиной. Сухожилие, которое прикрепляет ее к бедренной кости, простирается вниз, почти до коленного сустава. Средняя и малая ягодичные мышцы также длинные, что соответствует этой структуре таза, хотя они прикрепляются к большому вертелю и к задней межвертельной линии. Мышца лазания (*Musculus scansorius*), которая проходит между тазобедренной костью и мышечками бедренной кости, была обнаружена Тройлем у шимпанзе и Бишоффом у орангутанга и описана ими как сильно развитая; она, по-видимому, отсутствует у горилл и гиббонов. Пирамидная мышца обычно образует части соседних мышц. Натяжительная мышца влагалища бедра (*tensor vaginæ femoris*), которая у большинства антропоидов сильная и широкая, у орангутанов либо значительно уменьшена, либо полностью отсутствует. Швейная мышца (*sartorius*) не прикрепляется, как у человека, к внутренней поверхности большеберцовой кости () чуть ниже внутренней бугристости, а вставляется гораздо ниже на этой поверхности. У гориллы она имеет трехглавое прикрепление: одно к глубокой фасции бедра, а два других — к внутреннему краю большеберцовой кости. У шимпанзе и гиббона мышца простирается столь же низко. У орангутана она не простирается так далеко, но мышцы *gracilis* и *semi-tendinosus* находятся в том же относительном положении. Двуглавая мышца бедра очень заметна у орангутана; ее длинная головка делится на две части, нижняя из которых вставляется в малоберцовую кость и здесь соединяется с короткой головкой.

Бишофф сначала отрицал наличие плантарной мышцы у шимпанзе, и Брюль ранее делал то же самое, но она присутствует у этого животного так же часто, как и у человека, у которого она также иногда отсутствует. Однако я, как и другие наблюдатели, не обнаружил ее у горилл, орангутанов и гиббонов. Икроножная мышца развита во всех случаях. Берцово-малоберцовая мышца (*Musculus peroneotibialis*), покрытая подколенной мышцей, существование которой было подтверждено Грубером, не была обнаружена мной ни у одного из антропоидов, за исключением шимпанзе. Но она была очень заметна у красной морской кошки (*Cercopithecus ruber*).

Икроножная мышца, которая легко разделяется на две головки, и малоберцовые мышцы не имеют одинаковой относительной ширины у антропоидов и человека, поскольку в первом случае икра нижней конечности небольшая и не имеет приятной округлости, которая характерна для этой части человеческого тела. Эти мышцы, особенно у орангутана и гиббона, , по-видимому, имеют боковое направление. Сухожилие ахилла присутствует, но

оно не имеет такого заметного развития по высоте и ширине, которое мы наблюдаем у человека. Длинные разгибатели, сгибатели и большеберцовые мышцы во всех случаях полностью развиты. Третья малоберцовая мышца, как ее называют, хотя ее следует рассматривать только как часть длинной разгибательной мышцы пальцев, отсутствует у антропоидов.⁷⁴ Я сам не склонен, как Хаксли, Бишофф и другие, рассматривать эту мышцу как отводящую. Брюль обнаружил у шимпанзе четвертую рудиментарную малоберцовую мышцу (*Musculus peroneus intermedius*), проходящую между малоберцовой мышцей и мизинцем, которая иногда встречается у человека и которую я сам наблюдал только у одного взрослого шимпанзе. У горилл и шимпанзе длинная мышца-разгибатель пальцев проходит через поперечную связку (), образованную из волокнистого хряща, которая покрывает тарсус. Она воздействует на четыре внешних пальца (рис. 55). Брюль описал характерное сокращение и разгибание сухожилий длинных и коротких разгибателей пальцев у шимпанзе, но я сам столкнулся с некоторыми трудностями при воспроизведении этого действия. На рис. 55 я постарался изобразить это состояние наиболее естественным образом. Расширитель большого пальца развит во всех случаях. Короткий разгибатель пальцев образует большой косой мышечный живот для большого пальца (рис. 55). У гориллы для большого пальца имеются отводящая мышца, двуглавая сгибательная мышца, приводящая мышца и противоположная мышца (ср. рис. 54).

От короткой мышцы-разгибателя пальцев ноги брюшко для большого пальца поднимается с определенной независимостью. На правой ноге шимпанзе я наблюдал пятое брюшко этой мышцы, идущее к мизинцу (рис. 55). Поскольку моя иллюстрация взята из этого образца, я изобразил ногу с этой интересной аномалией или, несмотря на нее, которая, как мы знаем, иногда встречается у человека.

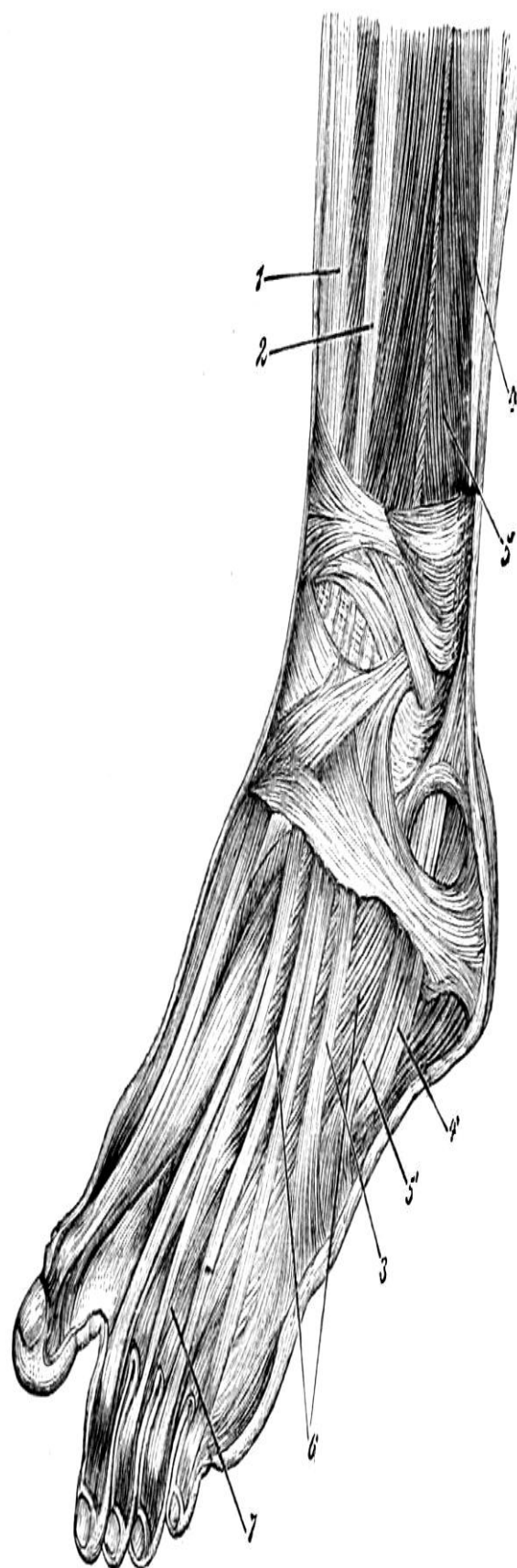
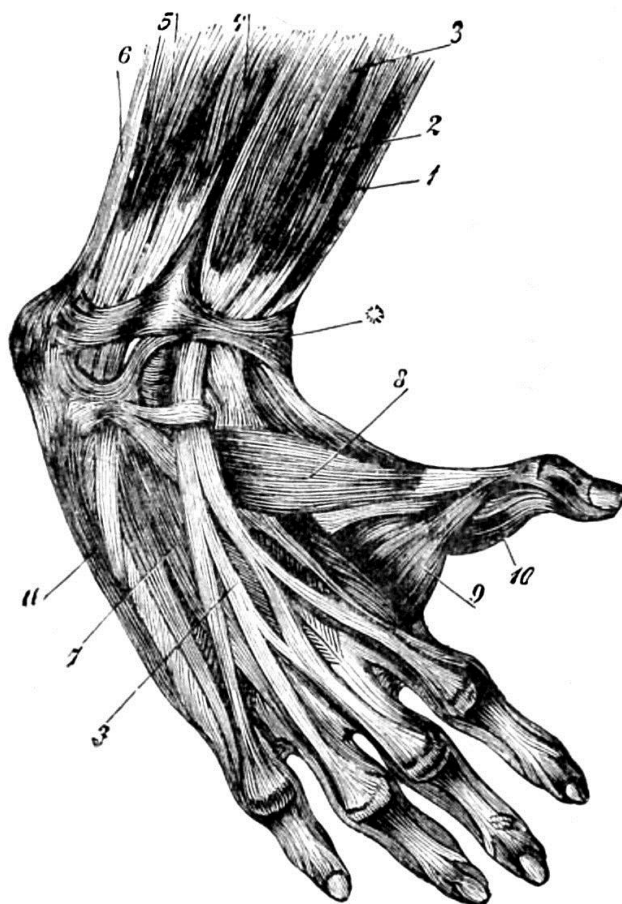

Рис. 54. Мышечная система стопы человека. 1. Передняя большеберцовая мышца и собственная мышца-разгибатель большого пальца. 2. Длинная мышца-разгибатель пальцев. 3, сухожилие третьей малоберцовой мышцы. 4, 5, длинная и короткая малоберцовые мышцы. 4', 5', сухожилия тех же мышц. 6, 7, сухожилия длинной и короткой мышц-разгибателей пальцев.

Короткая мышца-сгибатель пальцев (*flexor brevis digitorum*) имеет перфорированные сухожилия большой мышцы-сгибателя пальцев (), принадлежащие второму и третьему пальцам. Длинная мышца-сгибатель пальцев имеет перфорированные сухожилия для четвертого и пятого пальцев. Длинная мышца-сгибатель большого пальца делится на два сухожилия, одно из которых идет в сам палец, а другое соединяется с длинной мышцей-сгибателем пальцев и имеет перфорированные сухожилия для третьего и четвертого пальцев, в то время как перфорированные сухожилия второго и пятого пальцев берут свое

начало в другой мышце-сгибателе.

Рис. 55. Мышцы на верхней стороне стопы шимпанзе. 1. Передняя большеберцовая мышца. 2. Сгибатель большого пальца. 3. Общий сгибатель пальцев. 4, 5. Короткая и длинная малоберцовые мышцы. 6, ахиллово сухожилие. 7, короткая мышца-разгибатель пальцев. 8, ее отросток для большого пальца. 9, первая межкостная мышца тыльной стороны стопы. 10, приводящая мышца большого пальца. 11, отводящая мышца мизинца.

У гориллы мощны мышцы стопы (). Первая межкостная мышца также хорошо развита и двуглавая. Имеется короткая сгибательная мышца и отводящая мышца для мизинца. Я пока не смог убедиться в наличии противопоставленной мышцы для этого пальца. У шимпанзе мышечная система большого и мизинца не отличается существенно от той, которую мы

описали у гориллы. Короткая мышца-сгибатель пальцев образует перфорированные сухожилия второго и третьего пальцев. Длинная мышца-сгибатель пальцев снабжает четвертый и пятый пальцы перфорированными сухожилиями, а второй и пятый пальцы — перфорирующими сухожилиями, в то время как сухожилия, принадлежащие третьему и четвертому пальцам, берут свое начало в длинной мышце-сгибателе большого пальца. Как и у гориллы, последняя мышца образует волокнистую оболочку для сухожилий длинной мышцы-сгибателя пальцев. У орангутанга есть отводящая мышца большого пальца, очень слабо развитая противоположная мышца, короткая двуглавая мышца-сгибатель и приводящая мышца. Одна из длинных мышц-сгибателей пальцев, по-видимому, соответствует длинной мышце-сгибателю большого пальца у человека. Она снабжает второй и пятый пальцы проникающими сухожилиями, в то время как сухожилия третьего и четвертого пальцев берут свое начало в другой длинной сгибательной мышце пальцев. На большом пальце нет длинного сгибательного сухожилия. Проникающие сухожилия в этом случае обычно принадлежат короткой сгибательной мышце. В дополнение к проникающим сухожилиям четвертого пальца, есть уже описанная длинная сгибательная мышца.

В большом пальце гиббона я наблюдал отводящую мышцу, короткую двуглавую сгибательную мышцу и слабо развитую противоположную мышцу, к которой прикрепляется широкая веерообразная приводящая мышца (). Первая спинная межкостная мышца, как и в кисти того же животного (рис. 53), прикрепляется к первой фаланге второго пальца. Длинная сгибательная мышца пальцев снабжает третий и четвертый пальцы перфорирующими сухожилиями, а также отходит сухожилие для большого пальца. На мизинце имеется заметно тонкое перфорирующее сухожилие. В то время как первая из двух длинных сгибательных мышц представляет собой длинную сгибательную мышцу большого пальца человека, длинная сгибательная мышца пальцев в данном случае ограничивается мизинцем. У гиббона, а также у орангутана, гориллы и шимпанзе эти две мышцы соединены между собой апоневрозом. Здесь можно упомянуть, что в человеческой стопе длинная мышца-сгибатель большого пальца иногда отходит к сгибателю второго и даже третьего пальцев. У гиббона, как справедливо замечает Бишофф, мышца покрывает длинную мышцу-сгибатель пальцев, которая еще не разделена, но уже увеличена. От этой мышцы отходят перфорированные сухожилия для третьего и четвертого пальцев. Второй палец снабжен таким сухожилием от короткой мышцы-сгибателя пальцев. Упомянутая мышца, по-видимому, представляет собой квадратную мышцу стопы, которая часто развита у других антропоидов, хотя и в незначительной степени. Что касается мышц мизинца орангутанга и гиббона, то я могу только сказать, что у последнего вида, по-видимому, отсутствует противоположная мышца (рис. 55).

Из вышеизложенного следует, что, несмотря на несколько, казалось бы, важных особенностей, несмотря на установленные значительные и многообразные вариации, даже несмотря на то, что наши авторитеты не всегда согласны друг с другом, мышечная система антропоидов в целом очень похожа на мышечную систему человека. Она демонстрирует, особенно в нижних конечностях, особенности строения, которые позволяют им ходить в вертикальном положении, а также другие особенности, которые они имеют в общем с низшими животными, но в целом антропоидные характеристики мышечной системы этих животных преобладают.

Пищеварительная система антропоидов также дает интересные точки для сравнения. Как мы уже видели, полость рта ограничена большими и гибкими губами. Слизистая оболочка рта и десны имеют телесный цвет; у более взрослых животных они приобретают более темный цвет и иногда покрываются пятнами синеватого или коричневатого-серого цвета. Элерс описывает как особенность слизистой оболочки рта горилл и шимпанзе наличие так называемых щечных складок, которые проходят по обеим сторонам от

передней поверхности верхней и нижней челюсти до слизистой оболочки щек и имеют высоту клыков.⁷⁵ Я сам наблюдал эти складки только у горилл, иллюстрация которых приведена на [рис. 3](#), и ни у каких других особей. Я почти не наблюдал признаков этих складок у других антропоидов, а те, что наблюдал, были настолько сомнительными, что я не склонен считать это обстоятельство имеющим какое-либо особое значение. Небольшая полоска на верхней и нижней губах, иногда слабо развитая, но всегда заметная, присутствует у всех антропоидов.

Язык небольшой и не имеет у основания нескольких крупных вогнутых фолликулов, как у человека; по крайней мере, они слабо выражены и их нелегко заметить. Вокруг них возникают очень близко расположенные бугорчатые бородавки, похожие на оспу, которые у пожилых горилл имеют тенденцию становиться твердыми и ороговевшими. Они также заметны между фолликулами миндалин. Окружные сосочки языка менее многочисленны, чем у человека, и часто, особенно у шимпанзе, имеют форму креста или буквы Т, а у горилл — буквы V.

Сосочка и нёбо не имеют особых отличий от человеческого типа. На твёрдом нёбе имеется ряд складок, или, скорее, выпуклостей, которые простираются в стороны от центрального шва нёба к ряду зубов верхней челюсти; они бывают простыми или сложными и варьируются в деталях в отдельных случаях. Они особенно заметны у взрослых шимпанзе, а также очень заметны у гиббонов, и расположены с некоторой декоративной регулярностью. Эти неровности не совсем незначительны в человеческом небе, но этот вопрос не был достаточно изучен с тех пор, как Гегенбаур обратил на них внимание ученых, и особый свет на него пролили Бишофф и Элерс, что касается антропоидов.

Зубы дают нам важный материал для сравнения. В случае антропоидов формула для зубов тонконосых или старогодневных обезьян () обычно будет следующей: $i\ 2/2\ c\ 1/1\ p\ 2/2\ m\ 3/3$. Формула для молочных зубов следующая: $i\ 2/2\ c\ 1/1\ m\ 2/2$. Магитот и Джильйоли⁷⁶ показали, что молочные зубы прорезаются в том же порядке, что и у человека: сначала нижние, затем верхние резцы, затем передние премоляры, затем задние премоляры, затем клыки. По данным тех же авторов, постоянные зубы прорезаются в следующем порядке: сначала первые моляры, затем нижние, а затем верхние резцы, затем премоляры, затем клыки, затем вторые моляры, затем третьи моляры. В черепе самца гориллы Гиглиоли обнаружил, что постоянные клыки прорезались почти одновременно с третьими молярами и после появления вторых моляров. Прорезывание клыков, по-видимому, является более длительным процессом, чем прорезывание других зубов.

У антропоидов структура постоянных зубов варьируется в зависимости от вида и даже от пола. У гориллы два верхних центральных резца широкие, имеют форму долота и намного больше, чем пара боковых резцов. Четыре нижних резца примерно такого же размера, как и верхние боковые резцы, и, как и они, имеют форму долота, но не такие широкие. Мощные верхние клыки пожилого самца изогнуты в нижней части как наружу, так и внутрь. Их форма напоминает трехстороннюю клиновидную пирамиду. Передняя поверхность закруглена, а у внутреннего края можно наблюдать глубокую борозду, проходящую от шейки зуба почти до его вершины. Внешняя и внутренняя стороны зуба соединяются под острым углом, несколько выпуклым спереди и ровным или слегка вогнутым сзади. Внутренняя сторона вогнута и снабжена почти по центру глубокой продольной бороздой. Нижние клыки пожилого самца короче верхних, изогнуты на верхней и внешней поверхности и несколько сзади. Их форма также напоминает трехстороннюю пирамиду, закругленную спереди. Продольная бороздка, которая пересекает их внутренний сегмент, намного короче, чем на верхнем зубе. Внешняя сторона несколько выпуклая и в то же время несколько отступающая, и на ее заднем сегменте имеются две продольные

бороздки, или, реже, одна, проходящая от шейки до примерно середины зуба. Внутренняя сторона, как и у верхних зубов, несколько вогнутая. Нижние клыки выступают над верхними, как столбы (рис. [15, 16](#)). Клыки молодого самца гориллы имеют менее острые углы, хотя уже имеют форму трехгранной пирамиды. Клыки взрослой самки гориллы намного меньше, чем у взрослого самца, и более сжаты с боков. Трехгранная пирамидальная форма выражена лишь слегка. Наружная поверхность выпуклая и снабжена едва заметным центральным продольным гребнем. На внутренней поверхности, обращенной к полости рта, имеется от двух до трех продольных борозд, проходящих от шейки до центра зуба. Нижние зубы имеют трехгранную пирамидальную форму, представляя собой внутреннюю, заднюю и внутреннюю поверхности.

Премоляры пожилого самца гориллы широкие, с большим внешним и меньшим внутренним бугром. Три четырехбугорных верхних моляра имеют более регулярное и симметричное расположение бугров, чем у самки, у которой положение бугров довольно изменчиво. За исключением разницы в размере, относительное состояние этих зубов у самцов и самок одинаково. Первые заостренные нижние премоляры у самцов имеют форму четырехгранной пирамиды, выпуклой на передней и внешней поверхности, плоской на стороне, обращенной к полости рта, и с бороздками на задней поверхности. Небольшие вторые и нижние премоляры имеют два передних и один задний бугорка. Последний обычно стирается в раннем возрасте. Каждый молярный зуб имеет два внешних и два внутренних бугорка, расположенных друг напротив друга, и один задний бугорок. Здесь нельзя не отметить сходство с состоянием зубов человека, которое еще более заметно у самок.

У шимпанзе верхние центральные резцы также имеют форму широкого долота, а верхние и нижние боковые резцы меньше. У самцов между ними и клыками часто имеется значительный зазор. Последние имеют форму трехсторонней пирамиды, передний край которой тупой и направлен наружу, а задний угол острый, выемчатый в верхней трети и заканчивающийся у основания коронки () задний бугрой. Премоляры имеют внешнюю и внутреннюю бугры; моляры имеют две внешние и две внутренние бугры, соединенные между собой эмалью. Нижние клыки этих животных также имеют форму трехсторонней пирамиды, передний угол которой очень тупой, а внутренний и задний углы остро срезанные. Передняя поверхность не имеет бороздок, как у верхних клыков. Боковой угол сильно закруглен. На задних зубах хорошо виден задний пятый бугорок, который можно наблюдать и у человека. У орангутана верхние резцы имеют такие же характеристики, как и у других антропоидов. Верхние клыки имеют форму трехгранной пирамиды и снабжены продольной бороздкой на передней стороне. Аналогичная бороздка имеется на задней поверхности нижних клыков. Задние зубы не имеют особых характеристик по сравнению с зубами других антропоидов.

Клыки этих антропоидов сильно изношены с возрастом на задней поверхности. Глубокие поперечные борозды разного размера характерны для зубов антропоидов из-за неравномерного распределения эмалевого покрытия. Они развиваются по мере роста. В дополнение к этим надрезанным бороздам появляются также продольные отметины с приподнятыми краями, особенно на передней поверхности резцов.

У гиббона передняя поверхность резцов гладкая; у этого животного верхние центральные резцы самые большие, а нижние центральные резцы самые маленькие. Длинные и крепкие верхние клыки, сжатые с боков, имеют острый задний угол и переднюю и внутреннюю продольную борозду.

Иногда говорят, что бороздки, обнаруживаемые на внешнем контуре задних зубов антропоидов и простирающиеся до их корней, составляют не безразличное отличие между

их строением и строением человеческих зубов, у которых бороздки не простираются до корней. Но соответствующие человеческие зубы иногда действительно имеют очень глубокие и обширные бороздки. Поэтому я не могу придать какое-либо особое значение этому предполагаемому отличию. Развитие клыков, как у хищных животных, кажется мне гораздо более важным (). Избыточный задний зуб иногда можно наблюдать как у человека, так и у антропоидов, включая гиббонов (⁷⁷).

Желудок и кишечник этих животных имеют лишь несколько заметных отличий от тех же органов у человека. Длина кишечника варьируется как у человека, так и у антропоидов. Я наблюдал, что *клапаны conniventes* несколько более явно развиты у горилл и орангутанов. Слепая кишка этих обезьян длинная, широкая, свободно подвижная в брюшине и снабжена, особенно у орангутанов, большим, очень длинным и спирально свернутым червеобразным отростком.

Печень разделена на две основные доли, но у орангутана это деление не очень четко выражено (). Я сам не наблюдал подразделения этих долей по их краям, о котором упоминают Болау и Озу в случае с гориллами. Бишофф отмечает у горилл отсутствие Н-образного расположения трещин на нижней поверхности печени, столь заметного у человека; то же самое замечание относится и к другим видам антропоидов. Кроме того, трещины на этой части печени не имеют одинаковой глубины. Желчный пузырь гориллы и орангутанга не отличается большими размерами; у шимпанзе я обнаружил, что этот орган большой и скрученный, он также большой у гиббона.

Селезенка у горилл, шимпанзе и гиббонов удлинённая, у орангутанов короче и шире. По левому контуру она равномерно скошена. В поджелудочной железе нет ничего, что заслуживало бы особого внимания.

Голосовой аппарат антропоидов в целом имеет структуру, похожую на человеческую. Это особенно заметно на входе в этот орган. Передняя и особенно голосовая часть голосовой щели короткая, примерно такой же длины, как дыхательная часть. У шимпанзе в теле подъязычной кости имеется глубокая полость. У горилл, шимпанзе и орангутанов горловые мешки или воздушные мешки соответствуют мешкам Морганьи. Это тонкие эластичные мешки, тесно соединенные с окружающими тканями соединительной тканью. Правый гортанный мешок, по-видимому, имеет больший диаметр, чем левый. Согласно точным данным Дювернуа и Элерса, у горилл наблюдается только верхняя часть этого органа (). У этого животного, а также у орангутана, наблюдается нижний выступ, простирающийся за грудино-сосцевидным отростком до плеча, и другой, простирающийся до большой грудной мышцы. У шимпанзе развит только задний сегмент. Утверждается, что в нескольких случаях обнаруживается единственный нерегулярный гортанный мешок, сообщающийся с двумя мешками Морганьи, но я согласен с Элерсом в том, что это маловероятно. В таких случаях, вероятно, из-за большой асимметрии этого органа один из мешков был упущен из виду. У пожилого орангутанга горловые мешки, соединенные между собой соединительной тканью и покрытые внешней кожей горла, свисают вяло и тяжело над серединой груди (см. [рис. 9](#)). По мнению Сандифорта, сиаманг — единственный из гиббонов, у которого есть один горловой мешок, в то время как Брока утверждает, что у него два отдельных мешка, расположенных близко к гортани.⁷⁸ Половинки щитовидного хряща обычно соединены между собой промежуточным элементом.

Трахея антропоидов обычно состоит из шестнадцати-восемнадцати хрящевых колец, но у сиаманга их двадцать одно. Они разветвляются на ветви, которые, как правило, шире с правой стороны, чем с левой.⁷⁹ Есть еще одно боковое разветвление с правой стороны, расположенное над артерией. Хаксли и Элерс считают, что легкие гориллы раздвоены, как у

человека: правое легкое разделено на три доли, а левое — на две. Я сам наблюдал этот тип, и в одном случае обнаружил три доли на левой стороне. У шимпанзе я видел, что правое легкое было разделено на три доли, а левое — на две. Бишофф наблюдал случай, когда у шимпанзе было четыре доли справа и две слева. У орангутанга, которого я вскрыл, я обнаружил только по одной доле с каждой стороны, с тонкими, слегка вогнутыми выемками на передних краях правой доли и двумя на левой, и в то же время между долями была сильно выраженная выемка. Легкие гиббона, по описаниям, имеют четыре доли справа и только одну или две слева. Я сам исследовал гиббона, у которого было три доли справа и две слева. По-видимому, у всех видов антропоидов существуют не безразличные индивидуальные различия в строении этого органа; и действительно, легкие человека также не являются исключением.

Мужские половые органы в целом соответствуют форме и расположению этих органов у человека. Не могу не упомянуть, что пенис свинорылого бабуина и других обезьян с собачьей головой гораздо больше похож на пенис человека, чем у антропоидов, за исключением гориллы. У последнего мошонка короткая и плотно натянутая. Правое яичко расположено немного выше левого и отделено от него широкой рафой (). Внутренние женские органы также похожи на органы человеческого организма, с лишь небольшими отклонениями. Бишофф прав в своем утверждении, что наружные половые губы и лобковая кость почти полностью отсутствуют. Болау, Элерс и Гермес установили, что менструация происходит периодически, по крайней мере, у шимпанзе, и другие виды не могут быть исключены из этого процесса. В такие моменты наблюдается покраснение и увеличение наружных половых органов, а также обильное кровоснабжение наружных половых губ, которые в другое время едва заметны. Нимфы и клитор имеют значительные размеры и важное значение. Во время полового возбуждения у шимпанзе, а также у бабуинов и макаков часто наблюдается чрезмерное увеличение и покраснение этих половых органов (), а также задних мозолей.

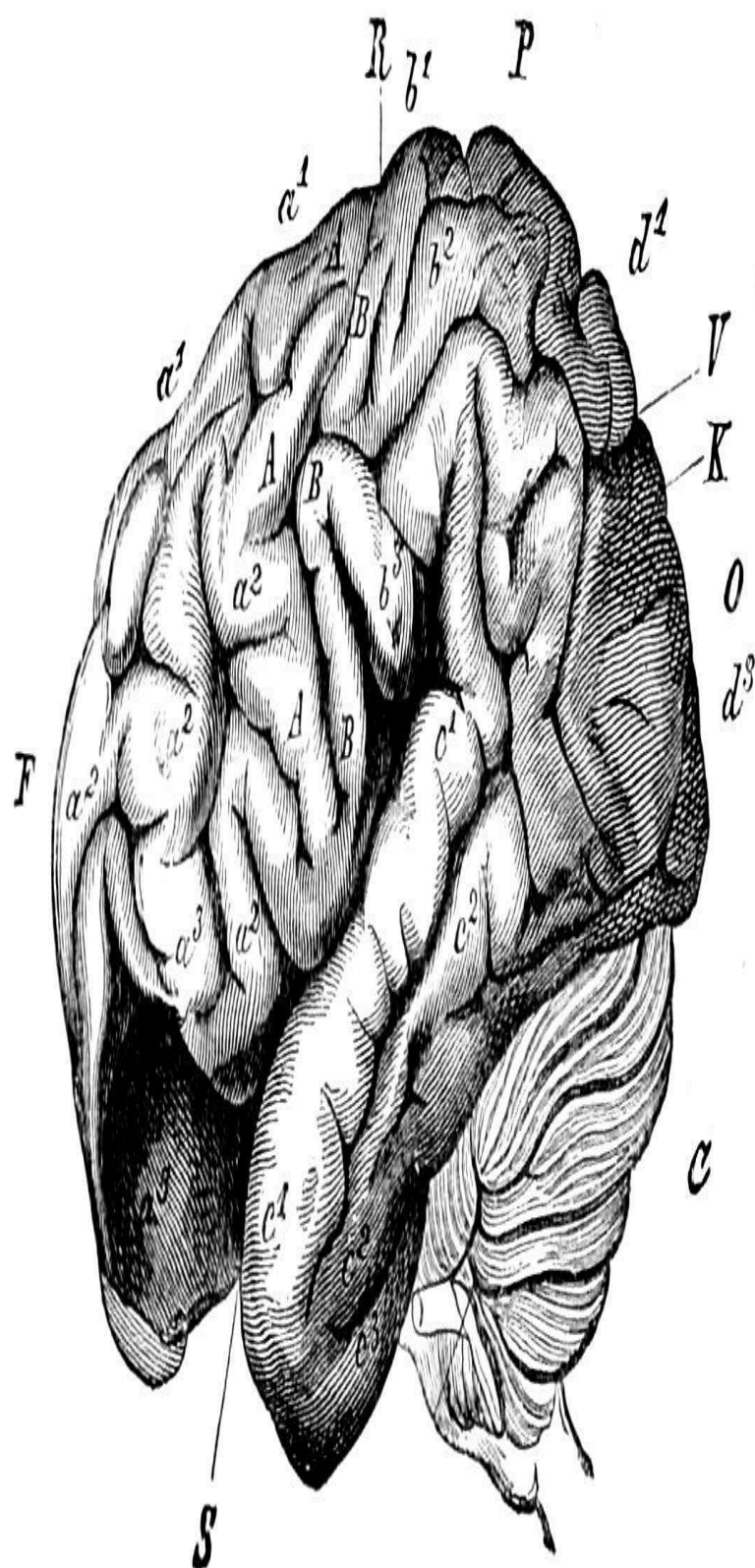

Рис. 56. Мозг орангутанга, вид сбоку (Вогт, по Гратиоле). F — лобная доля. P — теменная доля. O — затылочная доля. R — бороздка Роландо. S — бороздка Сильвиуса. C — мозжечок.

Нервная система. В этой части организма нас особенно интересует строение мозга. Бастиан справедливо замечает, что мозг обезьян из семейства человекообразных () обладает многими общими чертами, которые подтверждают их близкое родство. Были отмечены отчетливые стадии развития (), которые, однако, не могут быть классифицированы в последовательной серии. Начиная с мозга лемуров, который не сильно отличается от мозга грызунов, мы можем продвигаться с помощью очень четких переходных форм к более высокоразвитым полушариям мозга крупных человекообразных обезьян, шимпанзе, горилл и орангутанов. [80](#)

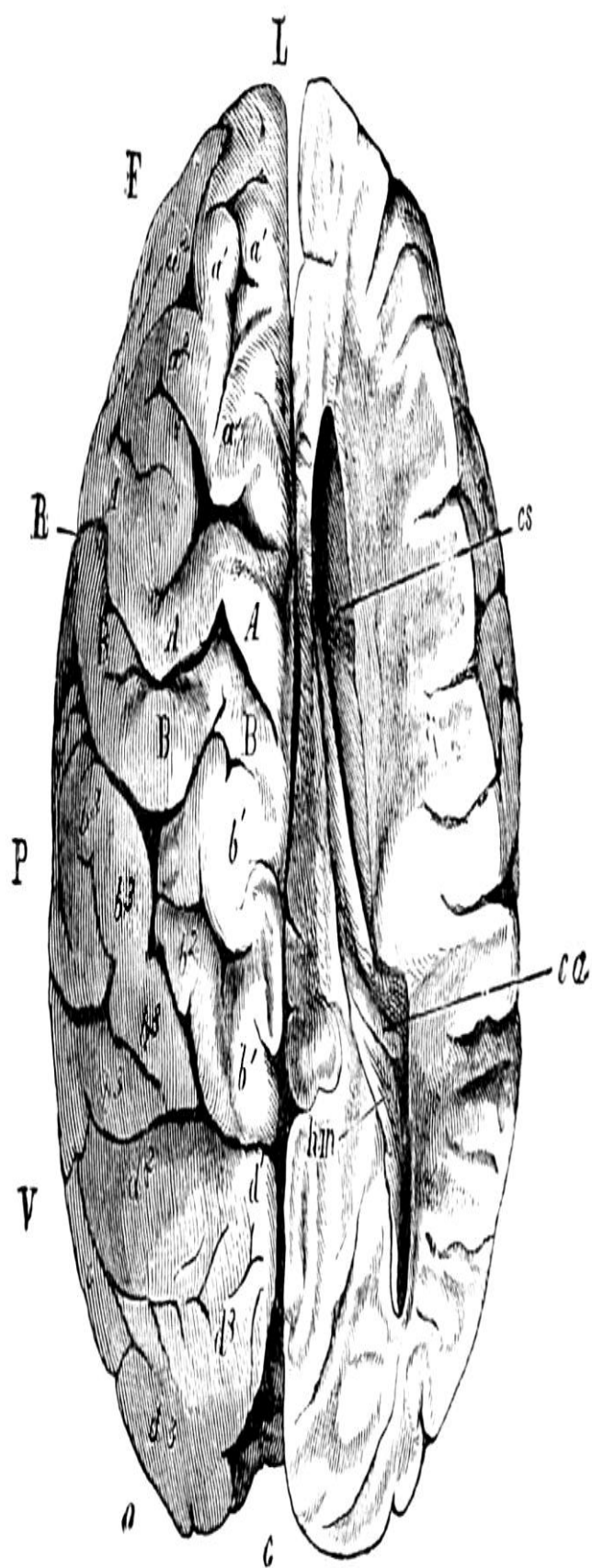

Рис. 57. Мозг шимпанзе, вид сверху. Верхняя часть правого полушария удаляется таким образом, чтобы обнажить боковой желудочек (Vogt, от Marshall). *L*, Продольная трещина (другие обозначения такие же, как на [рис. 56](#)). *s*, полосатое тело в передней роговице желудочка. *a*, большой гиппокамп в нисходящем роговом канале. *hm*, малый гиппокамп в задней роговой оболочке.

Среди анатомов преобладают совершенно противоположные взгляды на вопрос, какой вид антропоидов обладает наиболее высокоразвитым мозгом. Некоторые считают мозг шимпанзе самым простым, а мозг оранга - наиболее высокоразвитым. У всех этих обезьян боковые половины головного мозга, всегда отделенные друг от друга глубокой продольной трещиной, перекрывают мозжечок на протяжении небольшого заднего сегмента. В этом отношении я нахожу, что мозг гориллы немного отстает от мозга других антропоидов. До сих пор я наблюдал проекцию мозжечка через головной мозг только в случае с орангом⁸¹ (см. также [рис. 56](#)). Ретциус утверждает, что мозжечок лопарей покрыт не полностью, в то время как у славянских и татарских рас покрытие обычно полное. У германской и латинской рас головной мозг перекрывает мозжечок. У монгольской, индийской, и негритянской рас этот покров, как правило, несовершенен.

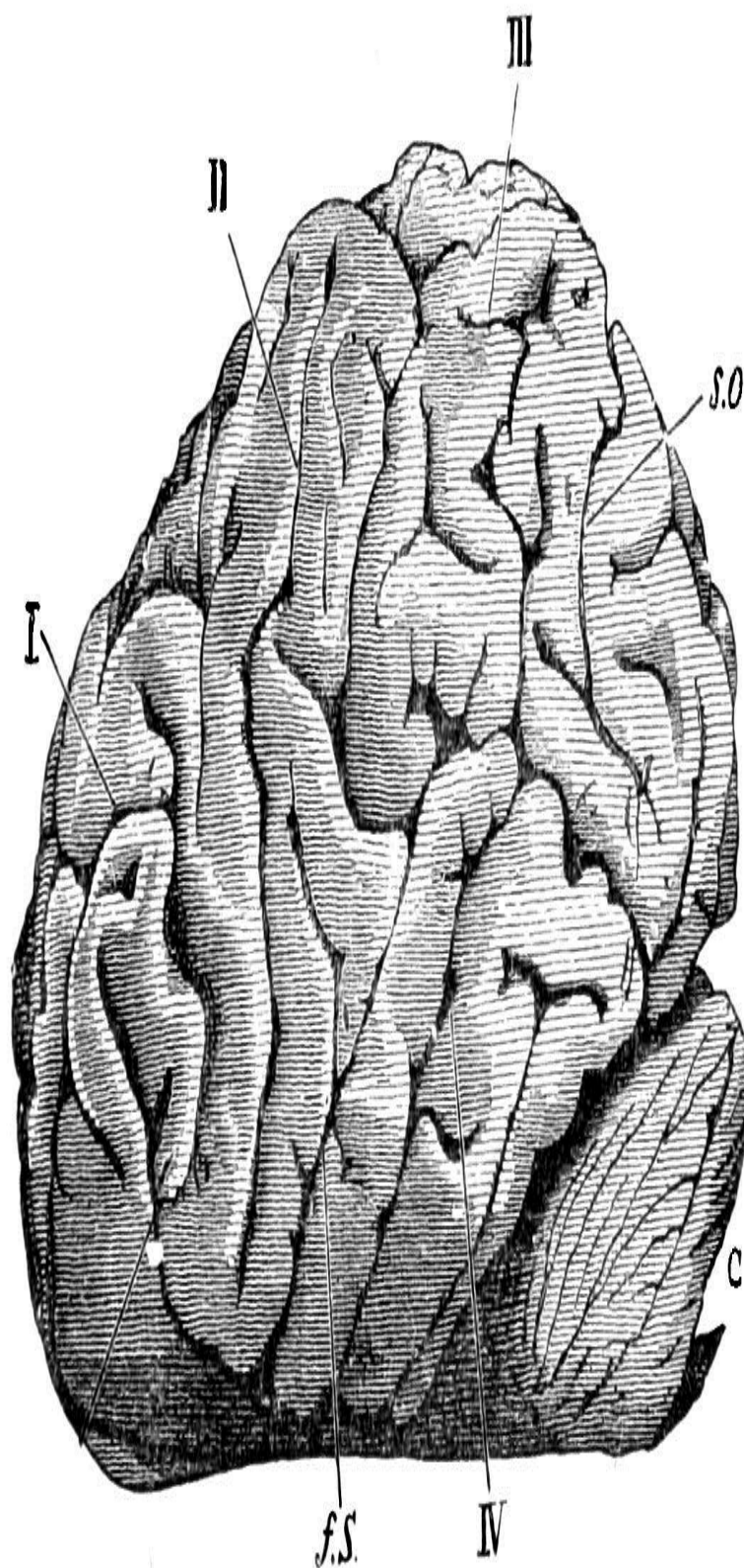

Рис. 58.—Мозг гориллы, вид сбоку (от Болау и Панша). I., Лобная доля. II., Трещина Роландо. III., Теменная доля. IV., Височная доля. C, мозжечок. *f s*, Трещина Сильвия. *сс*адина, наружная теменно-затылочная трещина.

В то время как основная форма мозга гориллы приближается к продолговатому овалу и в этом отношении напоминает человеческий мозг, мозг шимпанзе и орангов имеет округло-

овальную форму. Особенно это касается шимпанзе ([рис. 57](#)). На мой взгляд, мозг гориллы отличается от мозга шимпанзе, но не от мозга оранга, своими очень сложными извилинами ([рис. 56](#)).

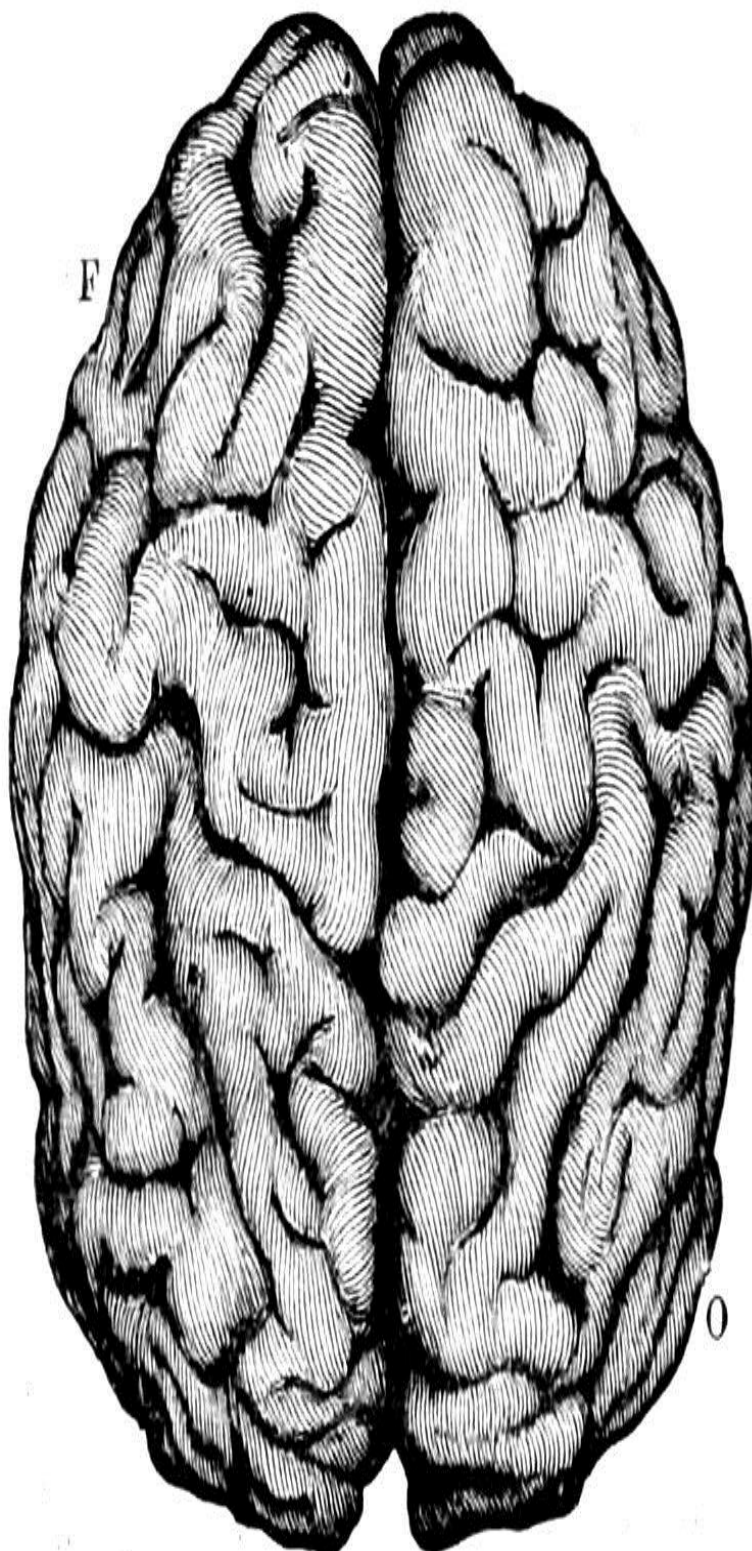

Рис. 59. Мозг оранга, вид сверху (Дункан, из образца в музее Королевского колледжа хирургов). F, лобная доля. O, Затылочная доля.

У гориллы, шимпанзе и оранга остров Рейл в расщелине Сильвиуса обычно — по крайней мере, согласно моему опыту — перекрывается крышечкой, хотя есть случаи, когда это не так. У этих трех антропоидов, как справедливо замечает Бастиан, Сильвиева щель гораздо менее горизонтальна, чем у человека, и занимает положение, более сходное с тем, которое она занимает у черноморской кошачьей обезьяны, странников и других макак. У гориллы его направление более горизонтально, чем у двух других видов антропоидов. Центральная трещина, называемая трещиной Роландо, очень заметна, особенно у шимпанзе ([рис. 57 R](#)); но ее также можно легко проследить у других видов антропоидов ([рис. 58](#), II., [56](#), R). Так называемая обезьянья щель между теменной и затылочной долями головного мозга (удлиненная наружная затылочная щель Мейнарта), представленная на [рис. 58 c](#), очень заметна у шимпанзе ([рис. 57, d](#)). Лобные доли мозга гориллы расположены высоко, в то время как у шимпанзе они короткие и низкие. Говорят, что те части оранга, которые высокие и короткие, заканчиваются клювообразным изгибом, но это не всегда так.

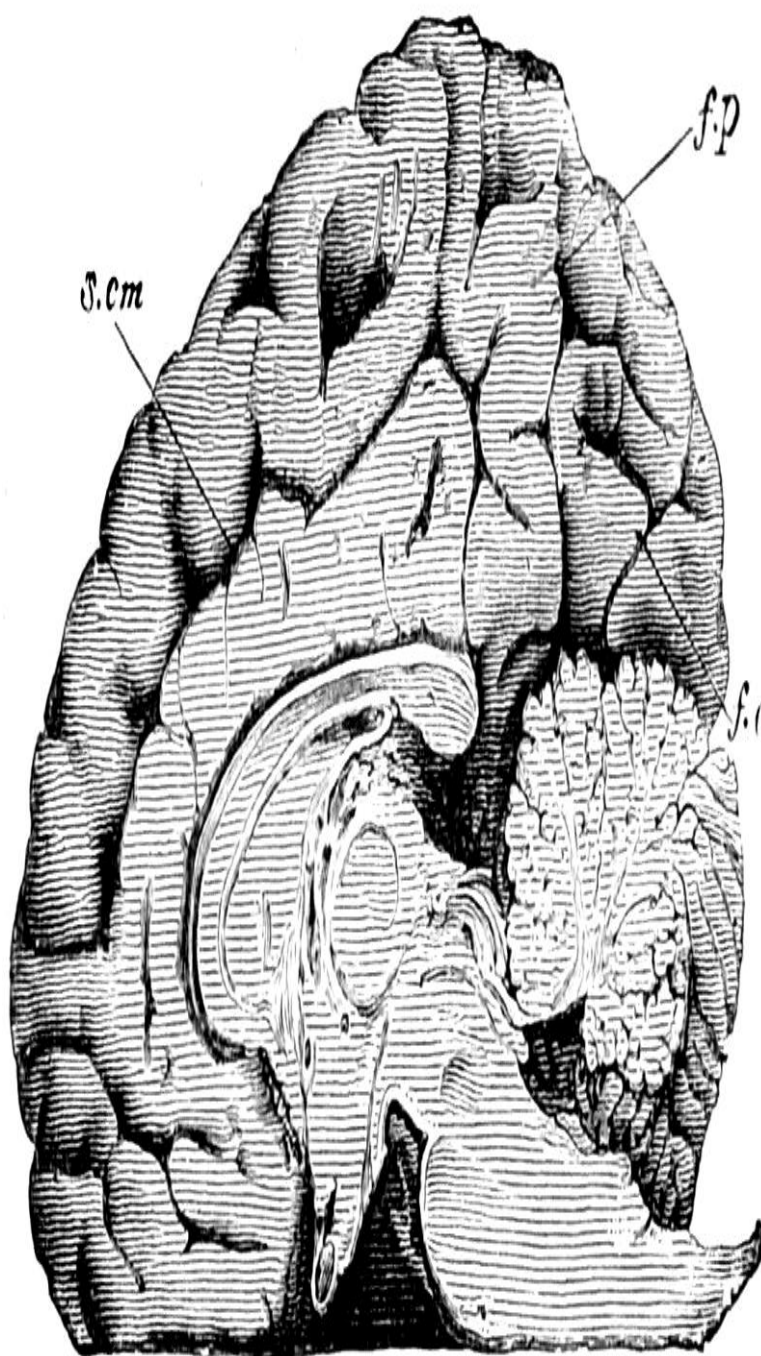

Рис. 60. Продольный разрез мозга гориллы (Бола и Панш). *s.cm*, Краевая трещина мозолистой кости. *f, p*, Внутренняя теменно-затылочная трещина. *f, c*, Известковая трещина, задняя часть трещины гиппокампа.

У рассматриваемых нами антропоидов, а также у нескольких низших видов человекообразных обезьян, помимо упомянутых нами, есть еще три менее важные трещины, а именно: трещина, параллельная силвиевой щели и расположенная позади нее, *трещина в мозолистом теле*, расположенная непосредственно над *мозолистым телом* на внутренней стороне полушария головного мозга, и известковая трещина (*Fissura calcarina*) ([рис. 60](#)). Последний заканчивается вблизи точки соединения внутренней и нижней поверхностей заднего отдела полушария. Верхняя височная извилина, называемая несколькими анатомами *Gyrus supramarginalis*, по словам Грациоле, отсутствует у

антропоидов; но Роллстон, Бастиан и я все нашли ее хорошо развитой⁸² (рис. 56, орангутанг, и рис. 58, горилла).

Бишофф утверждает, что третья лобная извилина (извилина Брока) очень слабо развита у шимпанзе, оранга и гиббона. “Его большое развитие у людей, - пишет Геварсман, - составляет одно из наиболее заметных различий между мозгом обезьян и людей”.⁸³ У большинства других видов обезьян эта извилина полностью отсутствует, но Панш прав, утверждая, что она полностью развита у антропоидов. Я не могу полностью согласиться с Паншем в его анализе; но я должен согласиться с его утверждением по этому вопросу (см. оранг, рис. 59). Грациоле отмечает, что так называемые присоединительные извилины (*складки прохода*), которые служат прикрытием или *крышечкой* для задних долей у обезьян, у человека заметны лишь поверхностно. У шимпанзе верхний из этих извилин отсутствует, в то время как у оранга он большой, и точно так же большой и волнистый у человека. У оранга прикрыта вторая соединительная извилина, но у человека эта оболочка отсутствует.⁸⁴

При рассмотрении внутреннего строения мозга этих животных нас прежде всего поражает короткость *мозолистого тела*. Также были справедливо отмечены мягкая и толстая передняя спайка третьего желудочка головного мозга и тонкая задняя спайка. В боковых желудочках отсутствуют большинство характеристик, описанных в человеческом мозге. Четыре возвышения напоминают человеческие; четвертый желудочек головного мозга также не имеет каких-либо заметных отличий по форме. Основание или нижняя поверхность мозга также не демонстрирует каких-либо существенных отклонений от человеческого типа. Однако поперечный разрез нервов в месте их пересечения кажется мне несколько более овальным, чем у человека.

Недавно была предпринята попытка распознать питекоидный характер, или атавизм, у мужчин-микроцефалов, маленькие размеры головы которых связаны с большей или меньшей степенью идиотизма. Питекоидное строение мозга также было прослежено у нескольких лиц, которые не являются микроцефалами, но подвержены патологическим поражениям. Сначала мы рассмотрим тех, кто относится к последней категории. Краузе исследовал мозг обезьяноподобного мальчика в возрасте семи с половиной лет, который, как отмечает автор, приближался по структуре к питекоидному типу, хотя и не проявлял микроцефальных характеристик. Двум полушариям головного мозга не хватало симметрии; они расходились друг от друга в области, где в левом полушарии головного мозга находится теменно-затылочная щель, и образовывали край, который изгибался наружу и назад, так что мозжечок оставался непокрытым. На нижней поверхности лобных долей имелся сильно выраженный решетчатый выступ. Ни одна из трещин Сильвиуса не была закрыта, левая - в меньшей степени, чем правая; крышечка была лишь слегка развита; а остров Рейль и его трещины были почти открыты. Это образование почти такое же, как у мозга антропоидов. Две центральные трещины Роландо располагались близко друг к другу или менее глубоко вдавались по краям полушарий, чем это обычно бывает, и не образовывали угла сочленения. Большие и глубоко обозначенные предцентральные трещины, по-видимому, представляли собой центральные трещины. Внутри Теменные щели, расходящиеся наружу дальше, чем у человека, образовали теменно-затылочную щель, структура которой соответствует типичному мозгу обезьян. Поперечная затылочная трещина превратилась в этом случае в глубокую трещину, подобную обезьяньей, пересекающую затылочные доли и почти полностью отделяющую их от теменных долей. Так называемая *трещина калькарина*, о которой мы упоминали выше, берет свое начало на верхней поверхности затылочной доли, затем присоединяется к теменно-затылочной щели и переходит непосредственно в трещину гиппокампа (*Fissura hippocampi*) с правой стороны. Это аномальное строение также

соответствует типичному мозгу человекообразных обезьян. Первый затылочный вырост отделен от верхних теменных долей теменно-затылочной щелью. Грациоле утверждает, что это образование встречается у многих видов человекообразных обезьян. Верхняя височная извилина была заметно уменьшена с обеих сторон, имея среднюю ширину всего 5 мм. Эта характеристика напомнила Краузе мозг шимпанзе. У этого животного верхняя височная извилина всегда редуцирована. Поэтому Краузе задается вопросом, не может ли мозг некоторых людей обладать типичным строением обезьян, не будучи микроцефальным. Мозг, который мы описали, почти не отличался от нормального по весу; он обладал всеми извилинами и трещинами, и действительно, извилин было, возможно, больше, чем при нормальном строении, однако он отличался во всех отношениях и по всей своей структуре приближался скорее к обезьяньему, чем к человеческому типу. Краузе добавляет, что если бы мозг был помещен перед ним без каких-либо указаний на его происхождение, он был бы вполне прав, заключив, что он принадлежал человекообразной обезьяне, которая стояла несколько ближе к человеку, чем шимпанзе.

Неоспоримым фактом является то, что некоторые человеческие существа, будь то дети или взрослые, наделенные дефектным строением тела и страдающие более или менее выраженной физической неполноценностью и умственной слабостью, своим внешним видом, неуклюжими трюками, беспомощными и бесцельными движениями производят на нас самое сильное впечатление своим сходством с обезьянами. Различные степени идиотизма поражают людей с ограниченным интеллектом и напоминают нам об абсолютно зверском состоянии. Краузе описывает "обезьяноподобного" мальчика семи с половиной лет, которого он обследовал, как жизнерадостного и склонного к играм и танцам, но такого же страстного, когда его дразнили. Ребенок был очень гибким, любил лазать по деревьям и обладал большой силой в руках, причем последние имели роговой вид, напоминая ему руки шимпанзе. Он мог сидеть на земле, широко расставив ноги. Походка у него была неуверенная, и он был склонен спотыкаться, падая с подогнутыми вперед коленями и поджатыми под себя ногами; он любил прыгать и в такие моменты еще больше походил на обезьяну. Большие пальцы обеих ног располагались под углом к ступне, и таким образом создавалось впечатление цепкой стопы. Сначала Краузе предположил, что это отклонение было вызвано стремлением ребенка обеспечить более широкую опору для своей неуверенной походки; но впоследствии он изменил свое мнение, поскольку не обнаружил такой же особенности у других детей с пораженным мозгом, как, например, у тех, кто страдает от водянки в мозге. Мальчик мог говорить очень мало, только "папа" и "мама", и прошло много времени, прежде чем он смог произнести эти слова в два слога; по большей части он издавал только звук, напоминающий хрюканье. Он имитировал собачий лай со звуком раскатистых "р". Он часто топал ногами и хлопал в ладоши, издавая хрюкающий звук, как Краузе наблюдал в случае с гориллами и шимпанзе. Мальчик был меньше других детей своего возраста, и у него были слабые глаза; голова у него болела, а лоб был узким. Его склонность к подражанию была сильно выражена, и вся его натура и все его движения поразительно напоминали движения обезьян. Родители сильно пренебрегали им. ⁸⁵

Когда я был студентом в Берлине, у меня была возможность наблюдать похожее существо двенадцати лет от роду на месте, которое в то время было Вайнбергсвеге, недалеко от Розенталерских ворот. Это был мальчик с большой головой, низким скошенным лбом, остекленевшими глазами, угрюмым выражением лица, тонкой шеей, выступающим животом, кривыми ногами, большими руками и ступнями. Мальчик имел сутулый вид, и походка его была нетвердой: из его широкого рта часто текла слюна; при ходьбе он держался за мебель, стены и т.д., и часто бессильно падал на бок, так и оставаясь в согнутом положении. Казалось, ему доставляло особое удовольствие ползать на четвереньках, и в такие моменты он притопывал сжатыми пальцами то одной, то другой руки по земле,

словно торжествуя победу. Эта привычка, его походка и булькающий звук, который был всем, что мог издавать мальчик, подчеркивали его сходство с обезьянами. Все остальные условия жизни были условиями существа, чей умственный и физический рост был остановлен и которое, хотя и не страдало эпилепсией, было в определенной степени идиотом. Я не знаю, что с ним стало потом.

В ходе обсуждения примера, приведенного Краузе, Вирхов спрашивает, действительно ли психологические условия такого мозга являются обезьяньими. Он убежден, что тот, кто изучал ребенка с микроцефалией Маргарет Беккер (из Бюргеля, Ханау), обнаружит, что психологически у нее не было ничего общего с обезьяной. В ее случае отсутствовали все положительные способности и качества обезьяны; обезьянья психология полностью отсутствовала, и была только психология несовершенно развитого и неполноценного маленького ребенка. Все характеристики были человеческими. Вирхов часами держал девочку в своей комнате в течение двух месяцев и постоянно хлопотал о ней, не замечая в ее характере ничего, что хотя бы отдаленно напоминало ему психологические состояния обезьян. Она была деградировавшим образцом человечности, ни в чем не отличавшимся от обычного человеческого типа.⁸⁶

Я также обследовал Маргарет Беккер, а также другую девочку с микроцефалией, которая находилась в Берлинском приюте в 1868 и 1869 годах. Что касается первого и более одушевленного существа, то мне нечего существенно добавить к информации, опубликованной Вирховом. Иде Икс, другой особи, которую я обследовал в Берлине, на момент моих исследований было тринадцать лет и пять месяцев. Ее фигура была изящно сложена и хорошо сложена, в то время как ее профиль напомнил мне, в некоторой степени, микроцефальных ацтеков, а также головы, изображенные на древних скульптурах Майяпана, Паленке и Копана. Я не должен упускать случая сказать, что у Иды были светло-голубые глаза и светлые блестящие волосы. Она была совершенно бесстрашна; могла произносить только слоги *да-да*; и однажды проявила легкий признак недовольства, когда холодный металл измерительной палочки приложили к внутренней стороне ее бедра, чтобы измерить размеры различных частей ее тела.

Информация Вирхова об Эстер Яковвиц из Вассахеля также чрезвычайно интересна. Она была четырнадцатилетней девочкой с микроцефалией и венгерской еврейкой по национальности.⁸⁷ Вирхов замечает, что, по его мнению, все наиболее поразительные характеристики Эстер представляли сильнейший контраст с характеристиками обезьян, поскольку до сих пор были установлены только отрицательные черты, в то время как все, что характеризует положительное развитие психической жизни обезьян, в данном случае отсутствовало. То же замечание применимо к Иде Х. Далее Вирхов говорит, что в рассматриваемых дефектах, несомненно, было что-то звериное, но для того, чтобы воспроизвести животное в его действительной форме и природе, чтобы показать, что микроцефальный ребенок действительно был тероморфным, нам в какой-то степени должна быть представлена положительная сторона жизни животных, а этого нам совершенно не хватало.

Вирхов также имел возможность исследовать пару детей-близнецов, один из которых был вполне нормально развит, в то время как другой (Карл Р.) страдал микроцефалией. Это был очень важный случай, поскольку рассматривались два человека одного рождения, так что вопрос можно было задать с большей уверенностью — это атавизм или патологическое состояние? С этой точки зрения особый интерес представляло установление того факта, что у ребенка с микроцефалией действительно наблюдались положительные признаки патологического состояния.⁸⁸

Когда я просматриваю собранные К. Фогтом отчеты о жизни хорошо известных микроцефальных существ,⁸⁹ я не могу найти ничего, что конкретно напоминало бы мне о действиях и привычках обезьян, хотя мы близко знакомы с их повадками. Эти люди производят общее впечатление людей, чье физическое и умственное развитие было остановлено. Согласно опыту Вирхова, все церебральные нарушения в этих случаях микроцефалии сосредоточены в головном мозге. В наибольшей степени поражаются передние отделы головного мозга, а в наименьшей - задние. Те части тела, которые развиваются последними, страдают больше всего, в то время как те, которые развиваются первыми, обычно избегают нарушений.⁹⁰

Клебс, Шаффхаузен и другие пытались показать, что матери детей с микроцефалией страдали от сильных болей в матке во время беременности. Все ученые мужи считают, что спазмы матки отчетливо влияют на развитие мозга потомства. Флеш считает возможным, что эти спазмы матки могут иметь какое-то отношение к возникновению микроцефалии.⁹¹ Но он также спрашивает, не могло ли это болезненное состояние матки быть вызвано ранее перенесенным заболеванием потомства. Более того, этот наблюдатель еще более склонен возлагать ответственность за возникновение микроцефалии на влияние отца. Ввиду того факта, что есть много оснований предполагать, что имело место сдавливание матки, и за неимением каких-либо других предположений, Флеш считает оправданным искать сдавление, которое возможно, возникло в результате некоторого разрастания яичника. Отсюда следует нарушение, вероятно воспалительное, работы органа питания.⁹²

Аебу также рассматривает микроцефалию не как проявление атавизма, а как результат болезненной дегенерации. "Микроцефальные субъекты не указывают на веку, которую человек оставил позади себя в глубокой древности, и не благодаря им можно преодолеть пропасть между человеком и животными и даже сделать ее менее широкой".

Исследования Вирхова привели к следующим выводам, к которым мы должны здесь присоединиться:-1. Нет ни одного вида человекообразных обезьян, который представлял бы ту точную конфигурацию, которая обнаруживается в микроцефальном мозге. 2. Психология предлагает самые веские аргументы против человекообразных обезьян. 3. Инстинктивная сторона психической деятельности, которая почти полностью отсутствует у микроцефалов, очень заметна у антропоидов, а также у других животных.⁹³

В дополнение к этим замечаниям можно также заметить, что среди диких рас знахари, шаманы, колдуны, заклинатели дождя и т.д. Часто принимают обезьяноподобные позы в корчах, прыжках, танцах и других жестах, которые неотделимы от их ремесла. Из-за их возбужденного состояния, в котором они не всегда мысленно ответственны за свои действия, эта имитация часто может быть частично или полностью бессознательной. Это очень распространено среди вдохновенных арабов по имени Хашаш, которые, иногда как дервиши, иногда как поэты или укротители зверей, бродят по стране и простирают свои странствия от внутренних районов Африки до решетчатых ворот Долма Бахче. К ним принадлежат также танцующие нищенствующие монахи ислама, которые демонстрируют свои обезьяноподобные жесты на рыночных площадях и улицах Бухары, а также в других главных городах Центральной Азии. В этом случае, действительно, многие жесты условны и даже приняты как средство стимулирования предполагаемых эффектов, но в то же время они наводят нас на мысль, что человек при таких условиях жизни и работы непроизвольно перенимает жесты антропоидов. Когда мы видим зикр, исламский обряд поклонения, сопровождающийся обязательными воплями и корчами тела, у нас возникает искушение представить себя посреди стаи диких обезьян. И иллюзия еще сильнее, если исполнителями Зикра являются черные факиры, одетые как воины.

Периферическая нервная система антропоидов до настоящего времени не была проанализирована с той полнотой, которую мы могли бы пожелать. Насколько позволяют наблюдения Вролика, Грациоле и Аликс, а также мой личный опыт в этой области, нельзя установить заметного различия между строением этих органов у антропоидов и нервной системы у человека.

Х. фон Ихеринг изучал связь нервного пояснично-крестцового сплетения с позвоночным столбом у людей и животных и пришел к выводу, что между людьми и животными существует наиболее полное согласие относительно связей позвоночного столба с периферической нервной системой. Согласно этому автору, человек с анатомической точки зрения настолько полностью принадлежит к классу антропоидов, что попытка отвести ему какое-либо другое место в зоологии может быть обвинена в предвзятости из соображений, не имеющих ничего общего с фактами.⁹⁴

Органы чувств у антропоидов не представляют каких-либо заметных отличий от этих органов у человека. Я написал, но еще не опубликовал трактат о глазах этих животных, показывающий их общее соответствие состоянию человеческого глаза. На коже пальцев рук и ног антропоидов могут быть обнаружены развитые тельца, которые связаны с осязанием.

Сосудистая система антропоидов до настоящего времени не была изучена сколько-либо исчерпывающим образом. Сердце сильно напоминает этот орган у человека. У гориллы, шимпанзе и оранга большие артериальные ветви находятся в тех же относительных условиях, что и в организме человека. Общее происхождение из одной ветви подключичной артерии, а также из правой и левой сонных артерий часто встречается у оранга и с определенным постоянством у гиббона, насколько мы можем судить по исследованиям, проведенным к настоящему времени. Но мы знаем, что эта форма отклонения от обычного типа не совсем уж редка у человека. Бишофф и другие справедливо утверждали, что сходство с человеком, обнаруживаемое у этих животных в устройстве сердца и более крупных кровеносных сосудов, по-видимому, связано с их образом жизни. Ибо, хотя их повадки древесные, сам этот факт подразумевает, что они по большей части находятся в вертикальном положении.

Разделение бедренных артерий демонстрирует несколько интересное отклонение от нормального человеческого типа. Высоко возле дуги бедра артерия, сопровождаемая венами и крупным нервом, отходит от бедренной артерии, которая простирается вместе с сопровождающими ее частями до задней поверхности стопы. У гориллы эта ветвь пронзает портняжную кость.

ГЛАВА IV.

О РАЗНОВИДНОСТЯХ В ВИДЕ АНТРОПОИДОВ.

Вплоть до недавнего времени обычно предполагалось, что существует только один вид горилл, и различия в строении скелета и внешнего тела, которые наблюдались у нескольких исследованных экземпляров, рассматривались либо как выражение чисто индивидуальных вариаций, либо как следствие различий в возрасте и поле. Не так давно Аликс и Бувье получили из Ланданы в Конго скелет и кожу старой самки гориллы, которая была убита Луканом и Пети в деревне негритянского вождя Майема на реке Куйлу под 4° 35' южной широты. Этот экземпляр был менее массивным, чем обыкновенная горилла (*Gorilla Gina*), и его голова была сравнительно маленькой. Затылочно-височный гребень, или поперечный гребень затылка, был гораздо сильнее развит у этого животного, а височные ямки были глубже. Та часть черепа, которая простирается за надглазничными дугами, была уже, как и пространство между глазами. Килевидный выступ, возвышающийся в центре этого пространства, более выражен, носовые кости изогнуты, а не уплощены, глазничное отверстие больше по сравнению с общим размером черепа, а лобные отростки скуловых костей шире и более изогнуты. Одна интересная характеристика заключается в небольшом вертикальном шиловидном выступе на задней поверхности глазничного отростка. В позвоночном столбе остистые отростки первого, второго и третьего шейных позвонков развиты лишь незначительно по высоте, в то время как остистые отростки трех нижних шейных позвонков такие же высокие и крупные, как у *гориллы Джини*. Поперечные отростки первого поясничного позвонка примечательны своей длиной и в своем поперечном удлинении достигают почти угла последнего ребра.

У этой предполагаемой разновидности гориллы гребень подвздошной кости более выпуклый, бугристость седалищной кости несколько более вывернута, шейка бедренной кости более наклонная, пяточная кость более тонкая, а ее нижняя поверхность более выпуклая. Ключица кажется короче и менее изогнутой: лопатка более выпуклая у своего внутреннего края; ее внешний край отчетливо вогнутый, в то время как у *гориллы Джини* он заметно выпуклый. Основание акромиального отростка больше, а локтевая ямка плечевой кости перфорирована. Кости предплечья и кисти, а также голени и стопы более тонкие, а их выступы и неровности менее выражены. Меньший объем передних и задних конечностей соответствует сравнительным размерам головы.

Окраска, серая и коричневая на туловище, черная на конечностях, с красными пятнами на голове и красноватая в лобковой области, существенно не отличается от той, которая была описана разными авторами в случае с другими шкурами, которые действительно были искусственно восстановлены. Но шкура существенно отличается от шкуры других особей резким отличием коричневой окраски брюшка от серой спинки, красноватым оттенком волос, покрывающих лобковую область, а также обильным ростом волос, которые так плотно окружают щеки и подбородок. Но, по мнению наших авторитетов, самое примечательное отличие состоит в том, что вся спина покрыта длинной густой шерстью, в то время как у *гориллы Джини* эта часть либо голая, либо покрыта только короткой шерстью, частично стершейся. Следовательно, эти авторы приходят к выводу, что этот вид, который они считают новым и назвали *Горилла Майема*, в честь негритянского вождя с

таким именем, не прислоняется спиной к дереву так часто, как *горилла Джина*, но ведет более древесный образ жизни, перелезая с дерева на дерево.⁹⁵

Я признаю, что если бы я принял во внимание все индивидуальные различия черепов и скелетов горилл одного пола и примерно одного возраста, я смог бы вывести полдюжины или более видов горилл. Я наблюдал такие различия как у самцов, так и у самок примерно одного возраста и дал их точное описание в своей остеологической работе о горилле, на которую я так часто ссылался. Однако я не могу удержаться от того, чтобы не рассматривать эти различия как сугубо индивидуальные. Многие в описании Аликс и Бувье - как, например, их замечания о сравнительных размерах головы, о стройности и гладкости костей конечностей — как мне кажется, указывает на молодость этого экземпляра Landana. Непосвященных может поразить то, что сказано о маленьких остистых отростках верхних шейных позвонков у этого экземпляра, но у обыкновенной гориллы отростки трех верхних позвонков также маленькие (см. [рис. 17](#)). Индивидуальные и половые различия в общем развитии шейных позвонков могут наблюдаться не только в этом случае, но и у шимпанзе и даже у человека. Я думаю, что весьма сомнительно, что характеристика вида может быть основана только или главным образом на этом различии. То, что говорится о окраске шерсти так называемых новых видов, кажется мне еще менее заслуживающим внимания. Выше я подробно говорил о многих индивидуальных вариациях цвета шерсти у разных особей горилл. Я также наблюдал длинную, густую шерсть, не всегда короткую, скудную и вытертую, на спинах многих горилл разного пола. Состояние, описанное Аликс и Бувье, должно относиться к шкурам старых и больных животных или к тем молодым особям, которые поражены разновидностью чесотки, широко распространенной в Африке. Каждой горилле доставляет удовольствие тереться спиной о ствол дерева, и она прислоняется к нему в довольном настроении, то же самое делает и шимпанзе. Это привычка многих других млекопитающих, таких как кошки, львы, кабаны, олени и слоны. Иногда такое отношение принимает и сам человек. Без более убедительных доказательств того, что *горилла Майема Аликс и Бувье* представляет собой отдельный вид, я бы предпочел оставить этот вопрос в неизвестности.

Я откровенно признаю, что я больше сомневаюсь в том, как решить вопрос, можем ли мы в настоящее время предположить, что существует несколько или только один вид шимпанзе. *Troglodytes niger* всегда рассматривался мной как в определенной степени типичная форма этого животного, и во второй главе этой работы я выбрал его в качестве предмета для своего общего описания. Именно этот вид шимпанзе обычно попадал в Европу с Западного побережья Африки. Морда этого животного умеренно выпуклая; голова, даже у пожилых самцов, круглая, уши большие и отчасти напоминают форму, представленную на [рис. 6](#), кожа грязно-телесного цвета, а шерсть черная. *Pseudanthropos (Troglodytes) leucoprymnus* Рейхенбаха⁹⁶ назван так только из—за белесой шерсти, покрывающей его заднюю часть, - признака, наблюдаемого у всех настоящих шимпанзе и, следовательно, не имеющего особой ценности. Лейнье, хранитель музея в Гавре, заказал иллюстрацию, сделанную из поврежденной кожи крупного (вероятно, самца) шимпанзе; но по этому рисунку мы можем составить лишь неполное представление о его общем внешнем виде.⁹⁷ Столь же мало уверенности относительно *Troglodytes vellerosus* из гор Камарум.⁹⁸ Замечания Дювернуа о *Troglodytes Tchégo*, которые, как он утверждает, являются новым видом, относятся к пожилому самцу. образец, форма которого также вызывает сомнения.

На основе материалов, привезенных домой Дю Шайю, Джеффрис Вайман попытался установить два новых вида антропоидов: Ншегого Мбуве (*Troglodytes calvus*) и Кооло-камба (*Troglodytes Koolo-Kamba*). Я тщетно пытался получить удовлетворительный отчет об этих двух предполагаемых новых видах из описаний, которые предназначены для их

установления. К сожалению, весь вопрос становится еще более запутанным из-за иллюстраций, которые он присоединяет. Шкура Ншиего Мбуве взята только из очень плохо набитой шкуры шимпанзе, шкура кооло-камбы - из кожи самки гориллы. Но мы можем прийти к общему выводу, что на самом деле существуют немалые и, возможно, даже специфические отличия от обычного типа шимпанзе.

Рис. 61.—Мафука.

В 1875 и 1876 годах много говорилось о самке обезьяны Мафука (часто ошибочно называемой Мафокой), которая была привезена с побережья Лоанго и помещена в Зоологический сад Дрездена. Это было дикое, неуправляемое существо ростом 120 см, во многих отношениях напоминающее нам гориллу. Лицо было прогнатическим; уши были сравнительно маленькими, располагались высоко на черепе и выступали наружу; надглазничная дуга была сильно развита; кончик носа был широким; на щеках были складки жира. Кроме того, существо было крепко сложено, область бедер и живота были подтянуты, в то время как руки и ноги были большими и мощными. Когда я впервые увидел это дикое существо в начале сентября 1875 года, оно было полно энергии, и я был почти убежден, что вижу самку гориллы, не совсем взрослую, - этого мнения придерживались такие зоологи, как К. Т. фон Зибольд и другие, в то время как Болау и А. Б. Мейер яростно возражали. В то время я нарисовал его профиль, который приведен на [рис. 61](#), и который был сделан в тот момент, когда животное отдыхало от своих диких прыжков. Несмотря на некоторые незначительные ошибки,⁹⁹ иллюстрация точно воспроизводит его общий и довольно оригинальный характер, и особенно выражение его лица. Исходя из структуры мозга, Бишофф попытался показать, что это животное было просто шимпанзе. Этому предположению нельзя дать никакого рационального объяснения.

Если бы, когда Мафука был еще жив, я исследовал мертвое тело самки гориллы, о которой я уже говорил и которая была примерно того же возраста, я был бы еще более склонен считать Мафуку настоящей гориллой. Общее физиогномическое сходство между этими животными было очень велико. Как я подробно упоминал в своих более ранних работах, у самки гориллы была высокая верхняя губа и несколько маленький нос. Верхняя губа мафуки, несомненно, еще выше, но в остальном физическое соответствие между двумя животными очень велико. Руки самки гориллы все еще шире, чем у мафуки; и действительно, Брем предлагает классифицировать последнее животное как новый вид человекообразных с тонкими руками. Предположение, которое я уже оспаривал на предыдущих страницах этой работы, о том, что женский тип должен быть вынесен на передний план при описании вида, особенно несостоятельно в случае с гориллой, у которой мужской тип чрезвычайно преобладает.

К какому же виду в таком случае принадлежал мафука? В то время часто высказывались предположения о помеси гориллы и шимпанзе. Я сам был склонен придерживаться этой точки зрения, и ее отстаивал К. Фогт в своем современном трактате на эту тему, а также в появившемся недавно великолепном труде, замечательном красотой иллюстраций и гениальностью стиля.¹⁰⁰ Х. фон Коппенфельс много слышал о таких скрещиваниях, когда был на Огове, и их возникновение никоим образом не является невозможным, и действительно, они были непосредственно наблюдаемы среди других видов обезьян во время содержания в неволе. Коппенфельс также подтвердил, что он застрелил двух таких помесных животных, которые были связаны со стаей горилл. Путешественник пытался убить других членов отряда, но, пробираясь на четвереньках сквозь густой кустарник, он был вынужден отступить из-за нападения каких-то жалящих муравьев (*Anomma arcens*). Шкуры и скелеты предполагаемых помесей были доставлены в Институт естественной истории в Дрездене. А. Б. Мейер заметил, что путешественник ошибся в этих случаях и что останки, отправленные им в Европу, несомненно, принадлежали шимпанзе.¹⁰¹ Следует помнить, что Коппенфельс был искусным охотником и в целом хорошим наблюдателем природы, но он не был зоологом и, возможно, ошибся относительно природы животных, которых он застрелил. В то же время возможность существования таких скрещенных животных ни в коем случае нельзя оспаривать. Мейер должен быть убежден, что его утверждение не может быть общепринятым: "Любое рассмотрение вопроса о скрещивании подобно борьбе с ветряными мельницами, то есть созданию трудностей там, где их нет".

Если трофеями охоты фон Коппенфельса были всего лишь шимпанзе, то, во всяком случае, очень интересно узнать, что эти животные были найдены в компании горилл. Мы должны надеяться, что ученые путешественники в будущем почувствуют себя обязанными уделить этому вопросу особое внимание.

В конце июня 1876 года фон Фалькенштейн, который был прикреплен к экспедиции Гюссфельдта в Лоанго, привез из Чинчоксо в Берлин самку шимпанзе по имени Паулина, которая внешне сильно отличалась от шимпанзе, которых мы обычно видели. Уши широко оттопырены в боковом направлении, надглазничные дуги выступающие, нос широкий, цвет кожи темный, переходящий в красновато-коричневый. Я видел шимпанзе, как живых, так и мертвых, которые с большей или менее отчетливостью воспроизводили эти характеристики Полины. Мне нечего возразить тем, кто желает рассматривать таких людей как представителей особой разновидности. Я бы только предостерег их от риска принятия в качестве такового вида, названного Дю Шайю и Вайманом, *Troglodytes Koolo-Kamba*, который, по-видимому, плохо обоснован.

Была предпринята попытка, в основном необразованными людьми, рассматривать Паулину как образ Мафуки. Однако между этими двумя животными существует значительная физиогномическая разница. Для меня и многих других натуралистов Мафука до сих пор остается загадкой, которую другие скрывают с помощью нескольких фраз. С другой стороны, Паулина и животные того же характера во многом напоминают нам иллюстрацию Грациоле и Аликс с их *троглодитами Обри*, хотя рисунок был взят с образца, препарированного французскими натуралистами, который потерял шерсть в результате мацерации в нечистой консервирующей жидкости. Рост или отсутствие волосяного покрова обуславливает значительные внешние различия между экземплярами этих животных, тем не менее я повторяю свое утверждение, что существует сходство между Паулиной и ее собратьями и шимпанзе Обри.

Определенные особые признаки, присущие упомянутым здесь формам шимпанзе (Paulina и *Troglodytes Aubryi*), напоминают нам о бам, найденном на реке Ниа-Ниа в Центральной Африке, который, вероятно, был впервые обнаружен А. де Мальзаком, а впоследствии более точно описан Швайнфуртом.

В "*Естественной истории*" Касселя (i. 39) Ншиего-Мбуве (*Troglodytes Tschégo Duvernoy*; *Troglodytes calvus Du Chaillu et Wyman*) описан и нарисован Дунканом, но только в профиль, по чучелу экземпляра. В этом есть многое, что напоминает нам профиль Мафуки, включая очень сморщенный нос. В той же работе приводится иллюстрация антропоида Кооло-Камба, который здесь представлен как отдельный вид и идентифицирован в систематическом каталоге как *Troglodytes Koolo-Kamba* вместе с *Troglodytes Aubryi*; здесь мы видим взрослого обыкновенного шимпанзе, к которому прикреплен вид головы шимпанзе Обри спереди, опубликованный Грациоле и Аликс. Честные исследования должны оставаться в стороне от подобной путаницы. Бремом мафука была названа представителем вида, уже установленного Дювернуа, *Troglodytes Tschégo* или *Anthropopithecus*, и это утверждение принимается Мартином.¹⁰² Последний отмечает, что эту обезьяну нельзя классифицировать ни с шимпанзе, ни с гориллой, и приводит некоторые доводы в пользу своих утверждений.

На мой взгляд, трудно решить, существует ли несколько видов шимпанзе или только один. При нынешнем положении дел мое убеждение в том, что возможно лишь временное урегулирование, укрепляется, и я могу признать определенное постоянство разновидностей шимпанзе. Во-первых, первоначальный представитель вида (*Troglodytes niger*, Is. Джефф. Сент-Илер). У этого животного круглая голова, а надглазничные дуги сильно развиты у самца, несколько слабее у самки; морда не очень выпуклая и имеет угол наклона 70 градусов; уши от 75 до 78 мм. в высоту; а общая высота тела колеблется между 1100 и 1300

мм. Лицо, кисти и ступни темно-красноватого телесного цвета, реже черновато-коричневого или в крапинку общего цвета. Шерсть либо полностью черная, либо черная с рыжевато-коричневыми прожилками. Во-вторых, другой сорт, бам, или манджарума (*Troglodytes niger varietas Schweinfurthii Giglioli*). Голова этого животного несколько длинная, надглазничные дуги развиты лишь слегка, нос широкий, а верхняя губа довольно низкая по сравнению с другой разновидностью; уши несколько меньше, а морда более прогнатическая, с углом наклона 60 градусов. Конечности у этой разновидности более тонкие, но все еще сильно развитые. В молодости кожа темно-красноватого телесного цвета, а с повышением физического развития становится красновато-коричневой, темно-коричневой или черноватой. Шерстный покров черный, с рыжеватым или темно-коричневым оттенком, иногда красновато-коричневого цвета, с рыжеватым или желтовато-серым отливом, особенно на спине. К этой разновидности относится манджарума, иллюстрация которой дана фон Исселем, а также портрет, взятый из "Жизни" Паулины Лоанго, который приведен в моей остеологической работе о горилле,¹⁰³ а также *троглодиты Обри* (?) и подобные животные, иллюстрации к которым я привел в *архиве. für Anatomie*.¹⁰⁴

Теперь может возникнуть вопрос, можем ли мы предположить, что существует какой-либо отдельный вид антропоидов, промежуточный между гориллой и шимпанзе. В качестве таковых мы, возможно, можем рассматривать "*Троглодитов Кооло-Камба*" Дю Шайю, "*Троглодитов Чегого*" Дювернуа, большие чучела животных в музее в Гавре, головы которых я иллюстрировал в "*Архиве анатомии*", лист vii. рис. 1 (1875); и в "*Цайтшрифте по этнологии*", стр. 121 (1876). Возможно, сюда также можно отнести мафуку и обезьяну, которую Ливингстон обнаружил в Маниеме.¹⁰⁵ Название вида Дювернуа, *Troglodytes Tschégo*, кажется мне не совсем подходящим, поскольку западноафриканские шимпанзе в целом отличаются этим латинизированным названием. Однако этот научный термин может быть принят за неимением лучшего до тех пор, пока мы не сможем благодаря обладанию более обильными материалами установить существование такого независимого вида.

В отношении оранга видовое единство также пока не установлено. Малайцы страны, к которой они принадлежат, утверждают, что существуют различные формы этого животного, которые носят общее название мейас. Описания, распространенные среди этого народа в отношении этих разновидностей, удивительны. Мы склонны верить в существование различных видов, и некоторые зоологи, в том числе Брюль, придерживаются мнения, что таких видов, по крайней мере, два. Уоллес, близко знакомый с этим видом, ничего не говорит по этому поводу в своей работе о Малайском архипелаге, но из его общих замечаний, по-видимому, следует, что он склонен признавать только один вид этого животного. Возможно, существуют постоянные разновидности, ограниченные разными местами, и будущее прольет более определенный свет на этот вопрос. Поэтому лучше оставить это на потом, вместо того чтобы предаваться безапелляционным и ненужным отрицаниям. Что касается гиббона, то вопрос о видовом разнообразии был давно решен.

ГЛАВА V.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ, ПРИВЫЧКИ В ЕСТЕСТВЕННОМ СОСТОЯНИИ И МЕСТНЫЕ НАЗВАНИЯ АНТРОПОИДОВ.

Горилла обитает в лесах Западной Африки, между широтой 2° Северной широты и 5° Южной широты и дол. 6° и 16° в.д. Наиболее широко они распространены в северной части этой территории, на реках Огве, Габун и Дейнджер. Форд утверждает, что эти обезьяны обитают главным образом в горной цепи, которая простирается примерно на сто миль от побережья Гвинеи, между Камаруном и Анголой, и которая известна как Серра-ду-Кристал. Их также находили у источника Опасности (Муни, Муни). Во времена Форда, примерно в 1851 году, он видел их в половине дня пути от устья этой реки. В 1851 и 1852 годах горилл видели в большом количестве на морском побережье, вероятно, загнанных туда из внутренних районов страны из-за нехватки пищи. В то время в течение нескольких месяцев было получено четыре или пять образцов. После этого они снова полностью исчезли из окрестностей побережья, так что американский капитан торгового судна предложил 6000 долларов за живой экземпляр, но не смог его получить. Согласно Х. фон Коппенфельсу, горилла обитает в районе, который лежит между устьем Муни и устьем Конго.

По словам Печуэл-Леше, горилла редко встречается на побережье Лоанго. В этом районе он обитает в горных лесах или на полосе местности в непосредственной близости от них. Несколько лет назад эти обезьяны водились на Луэмме и Куйлу, вплоть до устьев этих рек, а также в ущельях плато Буала; но сейчас они встречаются только на побережье у Баньи, где, по мнению того же авторитетного источника, он когда-то слышал горилл. Ни Печуэль-Леше, ни Фалькенштейн, ни Гюсфельдт никогда не видели этот вид в диком виде.¹⁰⁶ Образец, привезенный в Берлин этими путешественниками в 1876 году, был получен Фалькенштейном в октябре 1875 года в Понта-Негра на побережье Лоанго, где он был подарен ему португальским торговцем Лаурентино Антонио душ Сантушем. Это животное, тогда еще очень молодое, было привезено из района Куйлу негром, который застрелил его мать.¹⁰⁷

В более ранних отчетах, приведенных Оуэном, район, наиболее часто посещаемый гориллами, находился в районе Габуна, который представляет собой приятное разнообразие холмов и долин. Здесь возвышенности покрыты прекрасными высокими деревьями, в то время как долины богаты травой с редким подлеском. Здесь есть несколько деревьев и кустарников, приносящих плоды, которые туземцы считают несъедобными, но которые жадно пожирают гориллы. Они отдают особое предпочтение следующим фруктам: —Во-первых, масличной пальме (*Elaeis guineensis*), у которой они также поедают развитые, складчатые листья, называемые пальмовой капустой; во-вторых, серой сливе (*Parinari excelsum*), у которой мучнистые и безвкусные косточковые плоды; в-третьих, дынному дереву (*nanайя карика*); в-четвертых, пизангу (*Musa paradisiaca*, *Musa sapientum*); в-пятых, два вида скитаминов (*Atomum granum paradisi* s. *Afzelii*, *Atomum malaguetta*), последнее из которых, по словам Линдли, дает перец малагетта; шестое, *Atomum grandiflorum*; седьмое, дерево с плодами, похожими на грецкий орех, скорлупу которого горилла раскалывает

косточкой (вероятно, это одно из *стеркулиевых*, вроде ореха Кола); восьмое, другое дерево, с которым мы еще не знакомы ботанически, с плодами, похожими на вишню. Дю Шайю утверждает, что эти животные также очень любят сахарный тростник и дикий ананас. Хотя они живут в местах, удаленных от человеческого жилья, все же они грабят плантации тростника и рисовые поля негров во время сбора урожая, и это факт, подтвержденный Коппенфельсом. Сэвидж сообщает, что гориллы также пожирают тела животных, убитых на охоте, и даже человеческие тела, и это не кажется невероятным. Как и большинство видов человекообразных обезьян, горилла охотится на мелких млекопитающих, птиц и их яйца, а также на рептилий. Гориллы, содержащиеся в неволе в Берлине, были довольно всеядны и проявляли особый вкус к животной пище.

В маленькой деревушке Нтондо, недалеко от Куйлу, Гюссфельдт увидел фетиш под названием Бунси, сделанный из черепов животных и весьма характерный для Бакуньяленда. Он состоял из груды черепов животных, убитых на охоте, которые охотник приносил в жертву фетишу, чтобы сохранить свою удачу. Эта куча состояла по большей части из черепов антилоп, буйволов и диких кабанов, но было также много черепов горилл. Среди них Гюссфельдт увидел два прекрасных экземпляра с высокими костяными гребнями. Когда он спросил, где были найдены и убиты гориллы, уроженцы Нтондо указали на соседний лес.¹⁰⁸

Гюссфельдт описывает характер леса Майомбе, где также водятся гориллы, примерно следующим образом: — Этот лес не соответствует нашему представлению о первозданном тропическом лесу и, возможно, озадачил бы южноамериканского путешественника, поскольку он больше похож на леса горных районов Германии. Пышный рост лиан характерен для тропического первобытного леса: они образуют вторую листовую крышу над зелеными массивами тесно посаженных деревьев. Но в этом случае паразитическая растительность скудна, хотя и не отсутствует полностью, как показывает каучукранке (*Ландольфия*, *Флорида*), которая когда-то была очень обильной, но сейчас почти вымерла. Его рост больше не загораживает вид на высокие и стройные деревья, чем-то напоминающие буки. Подлесок наших немецких лесов здесь обеспечивается главным образом крупными линейными листьями сцитомина, из которых наиболее распространенная разновидность называется местными жителями *matombe*. Папоротники, или, скорее, древовидные папоротники, не растут, и земля покрыта опавшими листьями. Деревья в этом лесу не тронуты топором, за исключением мест, расчищенных для строительства новой деревни. Где дерево падает, там оно и лежит, годами загромождая узкую тропинку, ведущую сквозь чащу. Здесь всегда царят вечные сумерки, а в пасмурные дни можно было бы предположить, что произошло солнечное затмение. Атмосфера здесь спертая и влажная, как в теплице, и ее тяжесть сильнее всего угнетает разум и тело. Плотная тишина редко нарушается пронзительным криком птицы, и ни одного дикого существа не видно. Те, кто бродит в этих лесах, всегда поднимаются или спускаются с холмов, поскольку здесь нет ровной земли, и по тропинкам, едва ли достаточно широким для белого человека, которые покрыты гладкими и скользкими корнями, в то время как ноги и одежда постоянно цепляются за ветви и лианы, которые также жалят лицо, так что путешественник тоскует по свободному, беспрепятственному движению, по свету и воздуху и радуется, видя расчищенное пространство, на котором стоит деревня Байома, окруженная пальмами и бананами.¹⁰⁹ В цитируемой мной работе об экспедиции в Лоанго воспроизведен прекрасный акварельный рисунок Печуэля-Леше, изображающий лес, часто посещаемый гориллами, и я прилагаю копию этой интересной иллюстрации ([рис. 62](#)).

Рис. 62. Жилище гориллы.

Горилла живет обществом, состоящим из самца, самки и их детенышей разного возраста, и семейная группа обитает в укромных уголках леса.¹¹⁰ По словам фон Коппенфельса, они часто посещают одно и то же место для ночлега не более трех-четырёх раз подряд и обычно ночуют там, где им случается быть с наступлением ночи. Коппенфельс отличается от других рассказчиков утверждением, что горилла сооружает постель для своего ночного логова на деревьях. Он выбирает для этой цели взрослое дерево толщиной не более 0.30 м., ломает и сгибает ветви на высоте от пяти до шести метров от земли и укрывает их сорванными им веточками или листовым мхом, который в этой части Африки растёт редко. Самец проводит ночь, скорчившись у подножия дерева, к которому прислоняется спиной, и таким образом защищает самку и их детенышей, находящихся в гнезде наверху, от ночных нападений леопардов, которые всегда готовы сожрать все виды обезьян.

Днем гориллы бродят по лесным массивам, которые окружают их временные места ночлега, в поисках пищи. При ходьбе они опираются тыльными сторонами сомкнутых пальцев на землю или, что реже, опираются на плоскую ладонь, в то время как плоские подошвы стоп также соприкасаются с землей. Пальцы обычно вытянуты и немного отделены друг от друга, но иногда они сгибаются вдвое. Их походка, как справедливо замечает Хаксли, шаткая; движение тела, которое никогда не находится в вертикальном положении, как у человека, а наклонено вперед, в некоторой степени перекачивается из стороны в сторону. Поскольку их руки длиннее, чем у шимпанзе, они не вытягиваются так сильно; но горилла также выбрасывает руки вперед, упирается ладонями в землю, затем делает наполовину замах, наполовину пружинящее движение своим телом. Когда вы принимаете положение для ходьбы, туловище сильно наклонено, а его большая масса сбалансирована настолько, что позволяет сгибать руки вверх. Несмотря на свою кажущуюся неуклюжесть и неповоротливость, горилла, как и медведь, проявляет большую телесную ловкость. Он очень искусный альпинист, и, как утверждает Коппенфельс, перебираясь с дерева на дерево, он забирается на самые их вершины. Сначала он проверяет, выдержат ли ветви его вес, и если одна ветка недостаточно прочна, он использует сразу три или четыре. Он также будет бегать по ветвям на четвереньках, осторожно ступая. Коппенфельс видел, как взрослое животное при приближении опасности прыгнуло с дерева высотой в тридцать или сорок футов, а затем поспешно продралось сквозь заросли. Все информанты Хаксли сходятся в утверждении, что к каждой группе прикреплен только один взрослый мужчина. Как только молодой самец достигает зрелости, происходит конфликт за господство, и после того, как его соперник убит или изгнан, более сильное животное становится главой сообщества.

Я уже говорил о рационе гориллы. Однажды Коппенфельс наблюдал за самцом и самкой с двумя детенышами, когда они кормились. Главасемьи оставался непринужденным, в то время как его жена и дети срывали для него фрукты с небольшого дерева, стоявшего неподалеку, и если они были недостаточно проворны или брали себе слишком большую долю, старая горилла яростно рычала и отвешивала пощечину.

Негры, населяющие ту же страну, считают гориллу ужасным и очень опасным животным, которым самым часто не хватает духа, в то время как их рассказы о преувеличенном ужасе служат увеличению их скудной славы охотников. И то, что даже буйная фантазия негров не смогла изобразить как достаточно ужасное, было преувеличено Дю Шайю для удобства его читателей. Мы не будем здесь повторять эти кровожадные истории, о которых Брем справедливо говорит, что они, по-видимому, были придуманы равнодушным романистом, давшим волю своему перу.¹¹¹ В письмах к Бастиану, которые находятся в моих руках, Коппенфельс попытался изменить описания предполагаемой

свирепости гориллы. Об этом говорится в стихотворном отрывке, приведенном этим уважаемым путешественником в одном из своих писем.

Тот же автор пишет в другом месте: "Пока горилла находится в безопасности, она не нападает на людей - и даже, скорее, избегает встречи". Эти обезьяны обычно издают глубокие гортанные звуки, иногда протяжные, такие как кх-эх, кх-эх, иногда рычащие. Когда животное пугается человека, оно обычно с криком обращается в бегство и занимает оборонительную позицию только в том случае, если ранено или загнано в угол. В такие моменты его размер, сила и ловкость делают его отнюдь не презренным врагом. Он издает что-то вроде воя или яростного визга, встает на задние лапы, как разъяренный медведь, неуклюжей походкой продвигается в этом положении и нападает на своего врага. При этом волосы у него на голове и затылке встают дыбом, обнажаются зубы, а глаза сверкают дикой яростью. Он бьет себя кулаками в массивную грудь или молотит ими по воздуху. Коппенфелс добавляет, что если больше не провоцировать его и его противник постепенно отступает до того, как ярость животного достигнет наивысшей точки, он не возвращается к атаке. В других случаях он парирует направленные против него удары с мастерством опытного бойца; как это делает и медведь, он хватает своего противника за руку и ломает ее, или же бросает человека на землю и разрывает его своими ужасными клыками.

Местный охотник выслеживает гориллу и убивает ее из своего огнестрельного оружия. Сэвидж утверждает, что охотник ожидает приближения своей жертвы с наведенным ружьем, и если он не может точно прицелиться, он позволяет животному схватить ствол ружья и стреляет, когда, как это обычно бывает, оно пытается поднести его ко рту. Если оружие не выстреливает, ствол, который сделан не очень прочно, раздавливается его зубами. Когда на охотников Огве нападает горилла, они иногда предпринимают последнюю попытку защититься от ярости животного с помощью топора, используемого для рубки деревьев. Бухгольц сказал мне, что он видел кожу самца гориллы, который был поврежден в области рук, вероятно, таким образом. Но такая дуэль обычно заканчивается смертью охотника.

Печуэл-Леше разговаривал с двумя охотниками на лоанго, которые убивали горилл. Они заявили, что отправились не на поиски страшных животных, а случайно встретили их в лесу. Только если они встречали одинокое животное, они отваживались подкрасться к нему поближе и застрелить, а затем убегали как можно быстрее, чтобы обезопасить себя от ярости любого из его товарищей, которые могли находиться поблизости. Через несколько часов они возвращались более многочисленной компанией, чтобы унести свою добычу. В Лоанго мясо этих животных не употребляли в пищу, но, по словам Форда и Сэвиджа, его готовили негры на территории Габунов и оно было одним из их любимых лакомств.

До сих пор европейцам редко удавалось убивать горилл. Дю Шайю утверждает, что он был одним из самых удачливых, но это утверждение оспаривается другими. Бесплодные попытки были предприняты Уинвудом Ридом, де Компьеном, Бухгольцем, Ленцем и де Браззой. В процитированных выше письмах Коппенфелса Бастиану он упоминает, что до марта 1874 года у него уже было четыре гориллы. В упомянутом нами выше номере "*Выстрел Гартенлаубе*" он описывает некоторые из своих охотничьих приключений и вдаётся в подробности, которые вряд ли подходят для читателей такого издания. 24 декабря 1874 года Коппенфельс в сопровождении молодого Галлоа находился на берегу озера Элива, наблюдая за семейством горилл, состоящим из родителей и двух детенышей. Самка взобралась на иба, или дерево дикого манго, и стряхнула с него плоды. Самец подошел к кромке воды напиться, а затем был застрелен Коппенфельсом, в то время как самка и ее детеныши быстро сбежали. В другой раз этот путешественник был в окрестностях Бусу, в стране Бакалай, которая находится на реке Элива Санка и ограничена

на юго-востоке горами Ашанголо и обширными первобытными лесами. Именно здесь он наблюдал за стаей шимпанзе и горилл, о которых мы уже говорили, питающихся орехами кола, которые они очень любят. Он выстрелил большие и маленькие особи шимпанзе; и снова в Aschangolo горы он застрелил самца гориллы, 1090 мм. в высоту. Пуля пронзила сердце животного, и оно подпрыгнуло в воздух с раскинутыми руками, а затем рухнуло ничком. Падая, он повалил за собой огромную лиану со всеми ее сухими и зелеными ветвями.

Взрослые самцы горилл достигают роста от 1500 до 2000 мм и очень редко превышают этот рост. Рост самок составляет около 1500 мм. Обезьяна этого вида, исследованная Фордом, весила 170 фунтов без внутренностей. Горилла, застреленная Коппенфельсом в горах Ашанголо, весила более 400 фунтов. . Жители Мпонгве, Орунгу, Каммы, Галлоа и Бакалая называют гориллу Нджина, Нджейна или Инджина, а жители Фана называют ее Нгуяла. На побережье Лоанго его называют Н'Пунгу или Мпунгу.

Как я уже отмечал, шимпанзе занимают гораздо более широкую территорию, чем горилла. В Западной Африке он встречается на широте португальской территории, которая простирается от Кашеу на севере до Коанзы на юге. Известно, что этот вид обитает в определенных районах северной и южной Центральной Африки, и предполагается его присутствие в Восточной Африке, к югу от Абиссинии, на территории Джубы и, как утверждает миссионер А. Нахтигалл, даже в отдаленном районе Софалла на юго-востоке Африки, но я не могу поручиться за правдивость этого факта.

Шимпанзе также является обитателем лесов. Они питаются различными дикорастущими фруктами, но они также посещают заброшенные плантации и даже те, которые все еще находятся в стадии выращивания, и в некоторых случаях кажется, что они не отказываются от животной пищи. Печуэл-Леше говорит, что на побережье Лоанго они часто посещают горы и их окрестности. Они встречаются в районе Луэмме вплоть до лагуны Чиссамбо, а в районах Куйлу и Баня - вплоть до побережья.

Шимпанзе живут либо отдельными семьями, либо небольшими группами семей. Во многих районах, как, например, в лесных районах Центральной Африки, его повадки даже более древесные, чем у гориллы. В других местах, как, например, на юго-западном побережье, он, кажется, больше живет на земле. Бам-шимпанзе из Ниама-Ниама обитает в галереях, как их называли Пиаджа и Швайнфурт; то есть в лесных деревьях, растущих одно над другим поэтапно, которые заросли настолько густые, что до них трудно добраться. Здесь из почвы поднимается подорожник писанг. Мощные стебли, густо заросшие диким перцем, несут ветви, с которых свисают длинные нити бородатого мха, а также паразитическую поросль того замечательного папоротника, которому Швайнфурт дал название слоновье ухо. Крупные туновид-ные структуры древесных термитов находятся на более высоких ветвях. Другие стебли, гнилые и сгнившие, служат опорами для колоссальных выпелов *Мукуна уренси* образуют беседки, увешанные непроницаемыми гирляндами величиной с дом, в которых царит вечная тьма. ¹¹²

Когда шимпанзе встает на четвереньки, он обычно опирается на тыльные стороны сомкнутых пальцев, а не на ладонь, и передвигается иногда на подошвах, иногда на сомкнутых пальцах ног. Его походка также слабая и шаткая, и он может стоять прямо на ногах еще более короткое время, чем горилла. В то же время он ищет опору для своих рук или сцепляет их над головой, которая немного запрокинута назад, чтобы сохранить равновесие.

Эти животные издают громкие крики, которые жалобным эхом разносятся по бескрайним тропическим лесам. Печуэль-Леше говорит, что ужасные вопли, яростные вопли и завывания, которые можно слышать утром и вечером, а часто и ночью, делают этих существ по-настоящему ненавистными для путешественников. "Поскольку они действительно достигли совершенства в искусстве издавать эти неприятные звуки, которые могут быть слышны на большом расстоянии и воспроизводятся эхом, невозможно оценить количество тех, кто принимает участие в этом унылом шуме, но часто нам казалось, что мы слышим больше сотни. Обычно они остаются на земле, среди густого подлеска и зарослей скитамина, и лазают по деревьям только ради сбора плодов. Их следы можно отчетливо различить на мягкой земле: они останавливаются там, где растет *амомум*, который они очень любят, и повсюду разбросана красная шелуха от его плодов". Тот же рассказчик отмечает, что озорные и активные обезьяны-морские коты, которых в изобилии водится на Лоанго, часто провоцируют беззащитных шимпанзе своими злобными выходками, пока измученные существа не заставят лес оглашаться эхом их нестройных криков.

Эти животные бродят повсюду, всегда в поисках свежих кормовых угодий. Они также строят гнезда, и, как утверждает Коппенфельс, самец проводит ночь под гнездом своей семьи, которое расположено на раздвоенной ветке. Дю Шайю утверждает, что Nschiego-Mbouvé также строит пентхаус. Он приводит иллюстрацию этой структуры, которая имеет лишь умеренный успех и, несомненно, была приукрашена в Лондоне. Коппенфельс считает, что так называемый пентхаус - это всего лишь семейное гнездо, под которым устраивается самец; в то время как Райхенфельс считает возможным, что какой-то паразитический парост, возможно, *лорантус*, дал повод полагать, что такой пентхаус возводится.

Когда шимпанзе провоцируют, они ударяют руками по земле, но не бьют себя кулаком в грудь, как это делает горилла. Обычно они обращаются в бегство при виде людей, но если их довести до крайности или ранить, они защищаются руками и зубами. Прямой конфликт со взрослым шимпанзе требует, чтобы добиться над ним господства, всей силы и присутствия духа сильного и отважного человека. Я всегда буду помнить крупную самку животного в Гамбурге, которая смогла противостоять сильному мужчине. Требовалось большое мужество, чтобы обуздать ярость Мафуки. Соко также, которого Ливингстон нашел в Маниеме, к западу от озера Танганьика, храбро защищался при нападении.

Местные охотники стреляют в шимпанзе из огнестрельного оружия или стрел, а также убивают их дротиками. Племя ниям-ниям отправляется охотничьими отрядами по двадцать-тридцать человек выслеживать бам в лесных галереях, так тесно переплетенных лианами, и, набросив на них сети, убивает животных копьями. Их плоть употребляют в пищу в разных частях Африки, а их черепа иногда служат фетишами. В деревне Ниям-Ниям, у ручья Диамвону, Швайнфурт видел черепа людей, шимпанзе, морских кошачьих, павианов, антилоп, диких кабанов и т. Д., Развешанные на пне дерева.

В округе Габун, как мы уже говорили, шимпанзе называют Ншегого, Nschiego, Njéko, и те же имена носят жители Мпонгве, Галлоа, Камма и Орунгу. Жители Аширы и Малимбы называют это животное Кулу. Уроженцы Ниям-Нияма называют шимпанзе Ранджа или Манджарума. Торговцы, говорящие по-арабски, принимают имя Бам или М'Бам.

Орангутанг обитает на крупных азиатских островах Борнео и Суматра, чаще на бывшем острове. Он особенно распространен в нескольких днях пути к западу от Сунги-Кападжана, на реке Сампьет, в Котарингине и в других отдаленных районах южного и западного побережий.¹¹³ Даяки Лонг-Вая рассказали путешественнику Боку, что орангутанг также был найден дальше на север, в Теве, а также в Дусеме, к западу от Кутая.¹¹⁴ Уоллес утверждает, что это животное широко распространено на Борнео, населяя многие части юго-запада. ,

юго-восточное, северо-восточное и северо-западное побережья, но оно ограничено низменными болотистыми лесами. На первый взгляд кажется необъяснимым, что эта обезьяна неизвестна в Сараваке, в то время как она в изобилии встречается в самба на западе и в садонге на востоке, но более близкое знакомство с привычками и образом жизни оранга позволяет нам увидеть достаточные основания для очевидной аномалии физических условий Саравака. В Садонге, где Уоллес наблюдал за орангом, он нашел его только в низменных болотистых районах, которые в то же время были покрыты первобытными лесами. Из этих болот поднимается множество изолированных холмов, на которых поселились даяки и засадили их фруктовыми деревьями. Они очень привлекают оранга, который пожирает незрелые плоды, а затем снова уходит на болото. Он не может жить на возвышенностях и сухой почве. Так, например, он приходит целыми отрядами в низменные районы долины Садонг; но по достижении пределов, где заметны приливы и отливы, а почва, хотя и плоская, сухая, оранг больше не встречается. Нижняя часть долины Садонг действительно болотистая, но она не вся покрыта высокими деревьями, только по большей части пальмой Нипа; а недалеко от города Саравак местность становится сухой и холмистой, перемежающейся с разбросанными участками первобытного леса и джунглями, которые раньше возделывались малайцами и даяками.

Оранг на Суматре встречается реже, чем на Борнео, и на бывшем острове встречается в основном в северо-восточных районах Сиак и Аtdжин. Розенберг утверждает, что оранг часто встречается только в плоских, болотистых лесах на побережье между Тапаноли и Сингкелем, обитая в густых зарослях, по которым из-за их непроходимости редко ступает нога человека.

Шимпанзе также часто посещают болотистые леса, которые не слишком густо заросли, в то время как горилла предпочитает такие плоскогорья, которые не полностью лишены воды.

Уоллес заявляет, что для благополучия оранга необходима большая площадь нетронутого и достаточно высокого первобытного леса. Такие леса для них все равно что открытая местность, поскольку они могут перемещаться взад и вперед во всех направлениях с той же легкостью, с какой индейцы пересекают прерию, а арабы - пустыню; они перебираются с верхушки одного дерева на другое, даже не касаясь земли. Те участки местности, которые стоят высоко и сухо, более населены людьми и чаще пересекаются полянами, а впоследствии покрываются низкорослыми джунглями, непригодны для движений, характерных для этого животного. В этих местах он более подвержен опасности и чаще вынужден спускаться на землю. Также вероятно, что в районе, часто посещаемом орангами, больше разнообразия фруктов, поскольку невысокие холмы, стоящие подобно островам на болотистой равнине, служат садами или плантациями, на которых произрастают деревья горной местности.

Уоллес замечает, что странно и интересно наблюдать за орангом, непринужденно проходящим по лесу. Он осторожно передвигается по одной из самых крупных ветвей в полустоячем положении, что становится необходимым из-за большой длины его рук и короткости ног. Кажется, он всегда выбирает такие деревья, ветви которых переплетаются с теми, что их окружают, и когда они оказываются в пределах досягаемости, он вытягивает свои длинные руки, хватается за соответствующие сучья обеими руками, как бы пробуя их на прочность, затем осторожно перебирается на следующую ветку и идет дальше, как раньше. Приводимая нами гравюра на дереве, взятая с фотографии Hermes из Берлинского аквариума, может помочь объяснить способ лазания этой обезьяны¹¹⁵ (рис. 63).

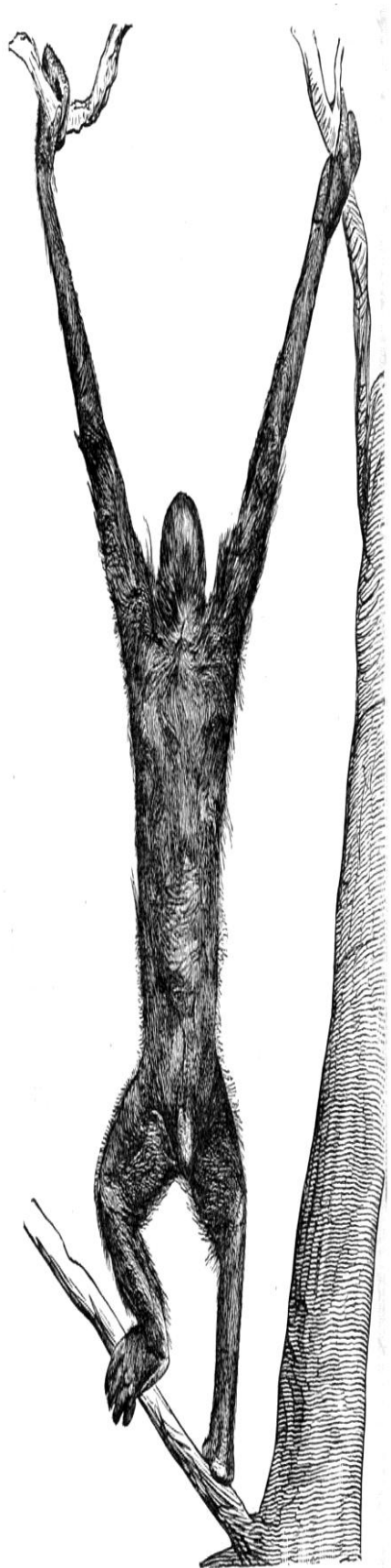

Рис. 63.Взбирающийся орангутанг, вид сзади.

Как далее замечает Уоллес, оранг никогда не прыгает, кажется, что он никуда не спешит, и все же пробирается по лесу почти так же быстро, как человек может бежать по земле вниз. Его длинные, мощные руки приносят наибольшую пользу, позволяя ему с легкостью взбираться на самые высокие деревья, срывать плоды и молодые листья с ветвей, которые не выдерживают его веса, и собирать молодые листья и сучья, из которых он строит свое гнездо. Это сооружение, служащее ему ночным убежищем, обычно устанавливается на каком-нибудь низком деревце, которое возвышается всего на высоте от двадцати до пятидесяти футов от земли, вероятно, потому, что в таком месте теплее и оно менее подвержено воздействию ветра. Говорят, что оранг каждую ночь делает себе свежий слой, но Уоллес считает это невероятным, поскольку в этом случае покинутое гнездо находили бы чаще; этот автор видел несколько таких гнезд по соседству с угольными шахтами Симунджона, но поскольку много орангов должно было бывать там каждый день, в течение года их заброшенных слоев было бы очень много. Даяки говорят, что когда оранг мокрый, он укрывается листьями пандануса или большими папоротниками, и это, возможно, привело к поверью, что он строит себе хижину на деревьях. Оранг покидает свой слой только тогда, когда солнце стоит достаточно высоко и роса высыхает на листьях. Он питается в середине дня, но редко возвращается два дня подряд к одному и тому же дереву.

Эти животные, похоже, очень боятся человека. Уоллес никогда не видел двух взрослых особей вместе, но и самца, и самку часто сопровождают их подростки детеныши, и можно увидеть трех или четырех молодых особей, гуляющих вместе без родителей. Оранг обычно питается плодами, но иногда также листьями, почками и молодыми побегами, как, например, на бамбуке. Они особенно любят дуриан, у которого такой неприятный запах и такой приятный вкус (*Durio zibethinus*). Они уничтожают гораздо больше, чем потребляют, и оставляют много фрагментов под деревьями, на которых они питались. Я не знаю, проявляют ли оранги, а также гориллы и шимпанзе какой-либо вкус к плотоядной пище. Хаксли, собравший много информации об антропоидах, которая недоступна другим, утверждает, что неизвестно, уничтожает ли оранг живые животные.

Тот же натуралист называет походку оранга на четвереньках тяжелой и неустойчивой. При преследовании он бежит быстрее человека, но вскоре его настигают. Очень длинные руки, которые лишь слегка сгибаются при беге, удивительным образом приподнимают тело, так что оранг почти принимает позу очень старого человека, согнутого возрастом, который опирается на палку. При ходьбе эта обезьяна кладет сомкнутые пальцы или, реже, открытую ладонь рук на землю. Пальцы стоп также изогнуты внутрь, так что внешний край стопы обращен вниз. Реже пальцы полностью сомкнуты или вся подошва стопы служит опорой. Использование внешнего края стопы при ходьбе, как справедливо замечает Хаксли, заключается в том, чтобы пятка больше касалась земли, в то время как изогнутые пальцы частично касаются земли верхней поверхностью своих первых фаланг, а поверхность крайних пальцев каждой ноги полностью опирается на землю.

Уоллес говорит, что оранг редко спускается на землю, да и то только тогда, когда голод заставляет его искать сочные молодые побеги на берегах рек или когда в очень сухую погоду он спускается к воде, которой он обычно находит в достаточном количестве в углублениях листьев. Этот путешественник только один раз видел двух наполовину выросших орангов на земле в сухой яме у подножия холмов Симунджон. Они играли вместе, стоя прямо и поочередно хватая друг друга за руки. Этот наблюдатель также считает, что оранг способен стоять прямо только тогда, когда у него есть какая-то опора для рук, или когда на него нападают.

Как и другие антропоиды в естественном состоянии, когда orang пьет, он приседает к кромке воды и всасывает жидкость губами. Иногда он также набирает воду в ладонь и глотает или слизывает ее; во всяком случае, он делает это, находясь в неволе. В старом номере журнала *Penny Magazine* есть гравюра на дереве с изображением orang, очень верного природе, на которой он изображен сидящим на корточках у воды и моющим руки, и это действительно его привычка.

Мюллер и Шлегель¹¹⁶ утверждают, что взрослые самцы живут поодиночке, за исключением сезона спаривания. Пожилых самок и молодых самцов часто можно увидеть вместе группами по два или три человека, и матери обычно держат своих детенышей при себе. Беременные самки обычно живут отдельно и продолжают делать это в течение длительного времени после того, как произошли роды. Детеныши, которые медленно достигают зрелости, долго живут под защитой своей матери, которая, когда она взбирается на гору, носит своих малышей на груди, в то время как они цепляются за ее длинные, лохматые волосы. Пока не установлено, в каком возрасте orang становится способным к размножению своего вида и как долго самки продолжают выводить детенышей.

Это животное медлительное, флегматичное и не обладает ни малейшей ловкостью ни шимпанзе, ни даже гиббона. Кажется, что только голод побуждает его к действиям, и когда аппетит утоляется, животное снова впадает в покой. В положении сидя спина настолько согнута, а голова настолько опущена, что глаза orang устремлены вниз, к земле. Иногда он держится руками за более высокие ветви, но обычно его руки безвольно опущены по бокам. В таких позах orang может часами оставаться на своем месте, почти неподвижный, и лишь изредка издавать звуки своего глубокого, хриповатого голоса. Днем он привык перебираться с одной верхушки дерева на другую, а на землю спускается только ночью. Когда происходит что-то, что может его напугать, он прячется в подлеске. Когда на него не охотятся, он подолгу остается на одном месте и даже в течение нескольких дней сидит на одном дереве. Он редко проводит ночь на высоком дереве, которое считает слишком холодным и ветреным, и с приближением ночи перебирается в более низкие и защищенные места или на вершину какого-нибудь низкого лиственного дерева, такого как пальма Нибонг, панданус или орхидеи-паразиты, характерные для первобытных лесов Борнео. Он строит свое гнездо из маленьких веточек и листьев, уложенных крест-накрест и выстланных листьями или листьями орхидей, *Pandanus fascicularis*, *Nipa fruticans* др. Гнезда, замеченные Мюллером, были некоторые из них еще совсем свежими, располагались на высоте от десяти до пятнадцати футов от земли и имели от двух до трех футов в диаметре. Некоторые из них были покрыты листьями пандануса толщиной в несколько дюймов. В других ветви, переплетенные для основы, были объединены в общем центре, образуя однородную поверхность.

Даяки говорят, что orang обычно покидает свое логово около девяти утра и возвращается в него снова около пяти часов вечера или чуть позже, когда начинается смеркаться. Иногда он ложится на спину или, для разнообразия, на бок, подтягивая ноги к туловищу и подпирая голову рукой. Когда ночь холодная, ветреная или дождливая, он укрывает свое тело, и особенно голову, листьями пандануса или нипы, или листьями папоротника.

Хотя orang днем живет на ветвях больших деревьев, он редко забирается на толстый сук, как это обычно делают другие человекообразные обезьяны, и особенно гиббон. Он держится скорее за тонкие, покрытые листвой ветви, так что действительно достигает вершины дерева. У него нет сидячих мозолей, которые встречаются у других человекообразных обезьян, включая гиббона, а бедра не такие широкие и выступающие, как у тех видов, у которых есть мозоли.

Оранг - медленный и целеустремленный альпинист. Он особенно заботится о своих ногах и, кажется, гораздо более чувствителен к любым повреждениям на них, чем в случае с другими обезьянами. При лазании он попеременно использует одну руку и одну ногу, или же, как только он крепко ухватится руками, он подтягивает обе ноги вместе. Переходя от одного дерева к другому, он всегда высматривает место, где две ветви сближаются или переплетаются. Даже когда его преследуют по горячим следам, он проявляет удивительную осторожность, пробуя на прочность ветви и придавливая их тяжестью своего тела, чтобы соорудить мост от дерева к дереву. В этом пункте рассказы голландских натуралистов в основном совпадают с рассказами Уоллеса.

Ведутся активные поиски этих обезьян в их родных местах. Бок утверждает, что малайцы Самаринды, на юго-востоке Борнео, захватывают их в плен у небольших ручьев, которые впадают в Махаккам недалеко от этого города. Эти животные спускаются к берегу реки ранним утром и возвращаются в течение дня в чашу. Когда туземцы берут оранга живым, они продают его за три доллара китайцам, которые сначала кормят животное фруктами, а затем рисом, но никогда не могут сохранить его живым в неволе в течение какого-либо времени.¹¹⁷

Хотя в обычной жизни оранг проявляет себя меланхоличным, ленивым и безразличным, все же в моменты опасности он приходит в ярость и способен защитить себя. Говорят, что при преследовании он забрасывает своих агрессоров сломанными ветками и толстой, колючей кожурой плодов дуриана. Это тем более вероятно, что челады (*Cynocephalus Gelada*), гамадрилы (*Cynocephalus Hamadryas*) и другие павианы имеют привычку с большой ловкостью швырять ветки, камни и затвердевшие комья земли в тех, кто на них нападает. В рукопашной схватке оранг хватает руку своего противника, кусая и царапая ее всякий раз, когда ему удастся до нее дотянуться. Уоллес говорит, что ни одно дикое животное не отваживается сражаться с этими могущественными существами и что они могут даже одержать верх над крокодилами и гигантскими змеями.

Название орангутан происходит от слов оранг, человек и утан (относящийся к лесу), и поэтому является просто лесным человеком. Ошибочно писать оранг-утанг, что, согласно фон Мартенсу, означает *обязанного* человека.¹¹⁸ Часто используется малайское имя мейас, и их различают как мейас-паппан или зино, мейас-кассу и мейас-рамби. Согласно Розенбергу, на Суматре оранг называется мавас, а Бок говорит, что даяки Дусуна называют его кеу.

Гиббон во всех своих движениях, и особенно в движениях своих длинных рук, имеет очень необычный вид. Во второй главе этой работы я уже описывал географическое распространение и группировку видов этих замечательных животных. Хотя они иногда спускаются на землю, по большей части ведут древесный образ жизни. Они предпочитают тропические леса высокогорных и даже гористых районов любым другим. Многие находят убежище в бамбуковых зарослях, особенно в тех, которые образованы гигантскими стеблями *Bambusa macroculmis* и *Bambusa gigantea*.

Сиаманг, собственно Си-аманг, поскольку Розенберг утверждает, что первый слог - это просто артикль, живет стадно на Суматре и, возможно, в Малакке. Мартенс видел одно из этих животных на Суматре, перепрыгивающее с дерева на дерево прямо через тропинку, примерно в пятидесяти футах перед собой. Диар утверждает, что в каждой стае вожаком является сильный старый самец. Они поднимают страшный шум на рассвете и ведут себя тихо в течение дня, всегда настороже и убегают при малейшем шуме. Им легко удирать по деревьям, но, по некоторым свидетельствам, оказавшись застигнутыми врасплох на земле, они не проявляют проворства и легко попадают в плен. Розенберг говорит, что на Суматре сиаманг и унко обитают в горных лесах на высоте 3000 футов над уровнем моря, держась деревьев, растущих на склонах гор, и редко спускаясь на землю. При малейшем признаке

опасности они устремляются вниз с горы со скоростью, сравнимой с полетом птиц, чтобы через несколько мгновений исчезнуть в темных ущельях. В лесах, которые частично окружают Тобинг, а также в горах Бариссы сиаманг не является редкостью. Бок говорит, что в глубине лесов Суматры это животное питается в основном листьями растения под названием *Даун симантунг*. Эта обезьяна издает ужасный рычащий звук.¹¹⁹ Когда детеныш ранен, его мать с угрозой поворачивается к агрессору, но не может нанести ему никакого серьезного вреда. Матери, по-видимому, проявляют большую нежность к своим детенышам, спуская их к воде, чтобы вымыть и высушить, и т.д. Диар утверждает, что, прежде чем они смогут самостоятельно бегать, молодых животных всегда вынашивает родитель того же пола, самец - отец, самка - мать. Сиаманг, должно быть, становится легкой добычей тигров и пантер (*Felis tigris*). Местные жители считают этот вид ленивым и неразумным; и Бок добавляет, что, хотя малайцы искусны в уходе за животными, они не в состоянии поддерживать жизнь этих глупых и ленивых обезьян в неволе в течение сколь угодно длительного времени.¹²⁰

Харлан утверждает, что халок обитает в горах Гаррау, недалеко от Гулпары, в Ассаме. Эти обезьяны предпочитают прилегающую холмистую местность самым горам, которые на несколько сотен футов выше и открыты ветрам. Их любимая еда - фрукт под названием пропул, который очень распространен в этом районе. Путешественник по имени Оуэн встретил стаи этих животных, от 100 до 150 человек вместе, недалеко от Нага и Аборов на лесистых холмах к востоку от Ассама. Шум, который они производили, был оглушительным. Однажды, когда Оуэн перешел им дорогу, они стали угрожать ему и преследовали с сердитыми жестами и пронзительными воплями. Они также напали на уроженца этого района. Змеи значительных размеров (*Python reticulatus*) были разорваны ими на куски.

Ваувау, или, как называет это Мартенс, ува-ува, по-видимому, чаще живут парами, чем стадами. От Дювоселя мы узнаем, что эти животные передвигаются по деревьям с огромной скоростью, хватаясь за самые тонкие и гибкие ветви. Они раскачиваются два или три раза назад и вперед, а затем прыгают с вытянутыми руками так, что плоская поверхность тела сопротивляется воздуху, как парашют, и таким образом они могут преодолевать расстояния в сорок футов и двигаться часами, не уставая.

Гиббоны, как правило, более способны ходить прямо, чем другие антропоиды. Некоторые виды, такие как личинка, белорукий и стройный гиббон, проявляют особую ловкость и выносливость в поддержании этого положения. Они прижимают плоские подошвы ног к земле, выворачивают колени и пальцы ног, держат тело довольно прямо, сводят плечи вместе и опускают полусогнутые руки по бокам, при этом тонкие кисти безвольно свисают вниз. Другие ходят со скрещенными над головой поднятыми руками. Когда гиббон идет по идеально ровной земле, он раскачивает руками назад-вперед, как шестами для балансирования. На неровной поверхности они хватаются вытянутыми руками за любой выступ на пути и, держась за него, сильно раскачивают тело вперед. Таким образом, они лучше продвигаются по широким проселочным дорогам, поскольку каждое такое усилие позволяет им легче передвигаться по труднопроходимой местности. В большой спешке они передвигаются на четвереньках, не смыкая ни пальцев рук, ни ног. В состоянии покоя эти животные принимают сидячее положение на задних лапах, скрещивают свои длинные руки и смотрят на все, что находится перед ними, с видом безразличия. Сидя на ветвях деревьев, они в целях безопасности держатся за более высокие ветви над собой (рис. 14). В этой позе некоторые гиббоны (*Hylobates lar*, Халок, альбиманус) были недавно сфотографированы в Зоологическом саду Лондона. Хотя они по большей части довольствуются растительной диетой, гиббоны иногда едят животную пищу, например ящериц; и Беннет видел, как сиаманг схватил и проглотил одно из этих животных

целиком. В данный момент я не помню авторитетного утверждения Хаксли о том, что гиббоны, когда пьют, окунают руку в воду и слизывают ее, но я сам видел, как это делало животное, находящееся в неволе. Они спят в сидячем положении, не строя гнезд: как и другие антропоиды, они быстро переваривают пищу.

В случае гиббонов, как и у антропоидов в целом, продолжительность периода беременности все еще остается неопределенной. Молодые особи развиваются медленно и достигают полной зрелости не раньше, чем на четырнадцатом или пятнадцатом году жизни. Точно неизвестна и продолжительность их жизни, поскольку наблюдения за особями, содержащимися в неволе, приводят лишь к расплывчатым выводам. Если мы понаблюдаем за процессами развития костей в скелетах старых особей горилл, чтобы сделать приблизительную оценку, мы можем сделать вывод, что продолжительность жизни антропоидов, по крайней мере, у их более крупных форм, вряд ли дотягивает до средней продолжительности жизни человека. Но до сих пор этот вопрос остается нерешенным.

Эти существа, по-видимому, не свободны от болезненных условий жизни в дикой природе, что соответствует их природе. В дополнение к повреждениям кожи и скелета, которые часто можно наблюдать и которые были вызваны оружием человека или зубами и когтями себе подобных, часто обнаруживаются следы, особенно на черепах шимпанзе, разрушения зубов и некроза верхней челюсти, а также искривления, наросты и сросшиеся переломы других частей костной структуры.

Этого краткого описания достаточно, чтобы показать, что антропоиды в своей свободной жизни развивают интеллект, который ставит их высоко над другими млекопитающими. Однако они не проявляют остроты нюха и остроты зрения, которые отличают некоторых животных низшего порядка, таких как хищные собаки и жвачные животные, проявляющиеся по-разному. Строение их гнезд грубое по сравнению с гнездами некоторых других млекопитающих — как, например, у грызунов. Но мы не должны забывать, что некоторые низшие расы людей, такие как деградировавшие беджа, обонго, жители Огненного огня, многие аборигены бразильских лесов и австралийские чернокожие, едва ли поднимаются над искусственной структурой гнезда антропоида при строительстве своих хижин.

ГЛАВА VI.

ЖИЗНЬ В НЕВОЛЕ.

ТнеОтчеты первых наблюдателей горилл заставляют нас ожидать, что попытки приручить даже молодых обезьян этого вида должны быть бесплодными. Дю Шайю рассказывает нам, что он получил молодого самца гориллы, существо в возрасте от двух до трех лет, которое было таким же разъяренным и неуправляемым, каким мог бы быть любой взрослый экземпляр. Негры из района между Ремо и мысом Санта-Катарина застали мать и ее детеныша врасплох в лесу, и, убив первого, им с большим трудом удалось схватить второго, набросив ему на голову ткань. С помощью деревянной рабской вилки, закрепленной у него на шее, животное было доставлено в деревню, в которой в то время находился Дю Шайю. Несмотря на свой юный возраст, горилла проявила необычайную силу, и после того, как его успешно заперли в клетке, он ухитрился снова напасть на своего нового хозяина, разорвав ему брюки, а затем угрюмо отступил в угол. Онел только лесные ягоды и фрукты, собранные для него в лесу, а также мягкие части листьев ананаса. Он сбежал из клетки, и его поймали только после многих бесплодных попыток, набросив на него сеть. Путешественник добавляет, что никогда не видел более разъяренного существа, чем эта горилла. Он набрасывался на каждого, кто приближался к нему, кусал бамбуковую решетку своей клетки и при каждом удобном случае показывал, что у него насквозь злобный и недоброжелательный характер. Он вырвался на свободу во второй раз, и снова был схвачен, а через десять дней скоростижно скончался.

Несколько позже Дю Шайю заплучил молодую самку гориллы, которая нежно прижималась к мертвому телу своей матери, так что все зрители были тронуты ее горем. Существо было слишком молодо, чтобы питаться чем-либо, кроме молока, и поскольку это было недостижимо, оно умерло через три дня после поимки.

Риду, Ленцу и Бухгольцу повезло больше в их опыте с пойманными ими гориллами, и Ленц написал мне следующее об одном из этих животных: "По возвращении в Габун из путешествия в Оканду на меня напала довольно серьезная лихорадка, которая сопровождала меня долгое время. Живая горилла, которую привезли на немецкую фабрику в Габуне, была некоторой компенсацией мне за это невольное безделье. Существо прибыло из Каммы (Фернан Ваз), места, откуда Дю Шайю также получил свои образцы, и было поймано из стаи из восьми животных. Маленькая собачка, которая была слегка ранена старой гориллой, а затем убита, не давала молодой собаке убежать, пока не подошел негр, схватил ее за шею и заставил другого человека связать ей руки. Таким образом, гориллу доставили на фабрику по производству корзин в доме, и там, как, к сожалению, делается в большинстве случаев, два больших клыка были отпилены из опасения, что она воспользуется ими, чтобы укусить своих похитителей.

"Эта горилла - молодой самец, вероятно, двухлетнего возраста, и без особого труда примирился с неволей и половыми сношениями с мужчинами. Вокруг его шеи застегнута длинная, тонкая железная цепь, которая дает ему достаточно места для передвижения; но большую часть дня он сидит в бочке и очень удобно устраивается на соломе. Он очень восприимчив к холоду, ветру и дождю, и на ночь бочку оборачивают толстой парусиной. Обычно он принимает положение на корточках, скрестив руки на груди, и всегда

внимательно следит за окружающими предметами. Он всегда садится так, чтобы у него ничего не было за спиной, но чтобы держать своих врагов перед собой. Когда он спит, он вытягивается во всю длину на спине или боку, используя одну руку как своего рода подушку; и он никогда не спит, как другие обезьяны, в положении на корточках. Он ходит на четвереньках, упираясь подошвами задних рук в землю, в то время как передние сомкнуты, так что он ходит на костяшках пальцев, и у него боковая походка, характерная для этого вида. В этот момент он ужасно страдает от так называемого диссуса, или песчаной мухи; оба его лба покрыты волдырями, в которых находятся яйца этого надоедливого маленького насекомого.

“При любой попытке перевезти гориллу вопрос о пище обязательно является самым важным. Мы уже предлагали ему рис, хлеб, молоко и т. Д., Все то, что можно получить на борту корабля, а также в Европе, но без особого успеха. Иногда он ел немного хлеба и с большей готовностью брал корабельные галеты, а однажды съел немного риса, но по большей части к нему не притрагивается. Его любимая еда - красные фрукты, очень распространенные здесь, из которых он ест сердцевину; он также любит бананы и апельсины, а больше всего сахарный тростник, который он с явным удовольствием берет у меня из рук и жует. Он также возьмет стакан воды из моих рук, уверенно поднесет его ко рту и выпьет. Только в редких случаях, когда он был сильно возбужден, я слышал, как он издавал рычащий звук; обычно он совершенно немой”. Это животное умерло во время путешествия в Европу, и его тело, законсервированное в роме Паншем и Болау, было использовано мной в некоторых исследованиях, о которых я уже рассказывал.

Фалькенштейн дает привлекательное описание гориллы, представленной на рис. [3](#), [4](#), в первые месяцы своего пребывания в неволе: “Когда это животное добралось до станции (Чинксосо, в Лоанго), нашей первой заботой было собрать все лесные фрукты в пределах досягаемости, а также козу, чтобы восстановить ослабевающие силы молодого антропоида. Легко предположить, что мы с большим интересом наблюдали за его попытками поест и испытали огромное облегчение, когда он не только охотно пил молоко, но и ел различные фрукты с явным повышением аппетита, и особенно плоды *Anona senegalensis*, которые размером примерно с грецкий орех, с грубой шелухой и растут в саваннах. Однако, несмотря на это, он долгое время оставался таким слабым, что засыпал во время еды, и большую часть дня проводил, скорчившись в углу. Постепенно он привык к выращенным фруктам, таким как бананы, гуава, апельсины и манго, и по мере того, как он становился сильнее и чаще присутствовал при наших трапезах, он начал требовать для себя все, что, как он видел, мы ели. Поскольку таким образом он постепенно привык есть все виды пищи, вероятность успешной транспортировки его в Европу возросла”.

Возможно, это единственный способ сделать другие и, возможно, более старые экземпляры пригодными для переезда в Европу. Любая попытка посадить их на корабль сразу после поимки, без предварительного отлучения от старого образа жизни и медленной и систематической адаптации к изменившимся условиям неизменно приводила, рано или поздно, к болезни и смерти. Фалькенштейн также рекомендует, опираясь на свой опыт общения с человекообразными обезьянами в естественном состоянии, чтобы этот вид был обеспечен той или иной формой животной пищи. Он приводит следующий отчет о плененной горилле:

“В течение нескольких недель он настолько привык к своему окружению и к людям, которых он знал, что ему позволяли разгуливать на свободе, не опасаясь, что он предпримет какую-либо попытку к бегству. Его никогда не заковывали в цепи и не запирали в клетку, и

за ним наблюдали только так, как наблюдают за маленькими детьми, когда они играют. Он настолько осознавал собственную беспомощность, что цеплялся за человеческое общество и демонстрировал таким образом удивительную зависимость и доверчивость. В нем не было и следа озорных, злобных или диких качеств, но иногда он проявлял своеволие. Он выражал пришедшие ему в голову идеи различными звуками, одним из которых был характерный тон назойливой просьбы, в то время как другие выражали испуг или ужас, а в редких случаях можно было услышать угрюмое и вызывающее рычание.

“В настроении буйного удовлетворения и простого удовольствия можно было видеть, как он потирает грудь обоими кулаками, одновременно поднимаясь на задние лапы. Более того, он часто выражал свои чувства вполне по-человечески, хлопая в ладоши, действию, которому его никто не учил; и он исполнял такие дикие танцы, иногда теряя равновесие, раскачиваясь назад и вперед и кружась, что мы часто были склонны думать, что он, должно быть, пьян. Однако он был пьян только от удовольствия, и это побуждало его демонстрировать свою силу в самых диких прыжках.

“Его ловкость в еде была особенно замечательной. Если кто-нибудь из других обезьян случайно заходил в его комнату, от них ничто не могло укрыться; они жадно хватали все подряд только для того, чтобы выбросить это с определенным отвращением или небрежно уронить. Горилла вел себя совершенно иначе: он брал каждую чашку или стакан с инстинктивной осторожностью, сжимал сосуд обеими руками и ставил его обратно так мягко и бережно, что я не могу припомнить, чтобы он разбил хоть один предмет нашего домашнего обихода. Однако мы никогда не учили это существо пользоваться нашими сосудами и другими изготовленными изделиями, поскольку хотели привезти его в Европу, насколько это возможно, в естественном состоянии. Его поведение за едой было спокойным и манерным; он брал только столько, сколько мог удержать большим, указательным и средним пальцами, и с безразличием наблюдал, когда убирали любую из различных видов пищи, горкой лежавших перед ним. Если, однако, ему ничего не давали, он нетерпеливо рычал, внимательно разглядывал все блюда со своего места за столом и сопровождал каждую тарелку, уносимую мальчиками-неграми, сердитым рычанием или коротким, обиженным кашлем, а иногда норовил схватить прохожего за руку, чтобы яснее выразить свое неудовольствие укусом или ударом. Еще минута - и он играл бы с неграми, как со своими собратьями, и это совершенно отличает его от других обезьян, и особенно от павианов, которые, по-видимому, испытывают инстинктивную ненависть ко многим представителям черной расы и получают особое удовольствие, демонстрируя свою враждебность по отношению к ним.

“Он пил всасыванием, наклоняясь над сосудом, даже не засовывая в него руки и не опрокидывая его, а в случае с сосудами поменьше подносил их ко рту. Он был искусным скалолазом, но иногда приподнятое настроение делало его неосторожным, и однажды он упал на землю с дерева, которое, к счастью, было не очень высоким. Его чистоплотность была поразительной, потому что, если случайно он прикасался к паутине или какому-либо другому мусору, он с абсурдным ужасом пытался стряхнуть его или протягивал руки, чтобы это сделали за него. От него не исходило никакого неприятного запаха. Его любимым развлечением было играть и плескаться в воде, и тот факт, что он только что принял ванну, не помешал ему сразу после этого развлечься, катаясь по песку с другими обезьянами. Его добродушие и застенчивость, или, скорее, плутовство, заслуживают особого упоминания как его самая сильная черта. Когда его отчитали, как это было необходимо поначалу, он никогда не возмущался наказанием, но подходил с умоляющим видом, цепляясь за мои ноги и глядя вверх с выразительным видом, который обезоруживал всякое неудовольствие. Когда ему не терпелось что-нибудь получить, ни один ребенок не смог бы выразить свои желания в более настойчивой и ласковой манере. Если, несмотря на это, он не получал желаемого, он

прибегал к хитрости и с тревогой оглядывался по сторонам, проверяя, не наблюдают ли за ним. Именно в этих случаях, когда он упрямо преследовал навязчивую идею, было невозможно не распознать продуманный план и тщательный расчет. Если, например, ему не разрешали выйти из комнаты или, опять же, не разрешали войти, он, после того как несколько попыток добиться своего потерпели неудачу, очевидно, покорялся своей судьбе и ложился возле указанной двери с притворным безразличием. Но вскоре он поднял голову, чтобы убедиться, на его ли стороне удача, постепенно подбираясь все ближе и ближе, а затем, внимательно оглядевшись по сторонам, он извивался, пока не достиг порога; затем он встал, осторожно огляделся и одним прыжком ускорился прочь так быстро, что за ним было трудно уследить.

“Он преследовал свою цель с таким же упорством, когда ему хотелось сахара или фруктов, которые хранились в буфете в столовой; он внезапно прекращал игру и шел в противоположном направлении, меняя свой курс только тогда, когда считал, что за ним больше не наблюдают. Затем он шел прямо в комнату и к шкафу, открывал его и быстро и ловко хватал коробку с сахаром или корзинку с фруктами, иногда закрывая за собой дверцы шкафа, прежде чем начать наслаждаться своей добычей, или, если его обнаруживали, он убегал с ней, и все его поведение ясно давало понять, что он сознавал, что вступает на запретный путь. Ему доставляло особое, можно сказать, детское удовольствие производить шум, постукивая по полым предметам, и он редко упускал возможность постучать по бочонкам, тарелкам или оловянным подносам, когда проходил мимо них, — шумное развлечение, к которому он очень пристрастился во время нашего обратного путешествия на борту парохода, на котором он мог свободно разгуливать. Он очень не любил странные звуки. Гром, дождь, бьющий в окно в крыше, и особенно протяжный звук свирели привели его в такое возбуждение, что вызвало внезапное поражение органов пищеварения, и стало целесообразным держать его на расстоянии. Когда он почувствовал легкое недомогание, мы использовали этот вид музыки с такими же успешными результатами, как если бы мы назначили слабительное лекарство”.

Мои личные наблюдения позволяют мне немного добавить к этому превосходному и исчерпывающему отчету. Хорошо известно, что эта обезьяна процветала в Берлинском аквариуме. Его кожа, особенно на конечностях, сначала была покрыта сухими, потрескавшимися пятнами, которые, по мнению покойного ветеринарного врача Герлаха, были вызваны чесоткой; но они постепенно исчезли, и по мере того, как они шелушились, кожа становилась гладкой и имела темно-черный цвет, а на ней появлялась новая поросль волос. Существо обычно спало в постели своего сторожа Вирека, аккуратно прикрывалось одеялом и питалось за мужским столом простой, но питательной пищей, приготовленной женой сторожа. Иногда он ел фрукты, и иногда ему приносили бананы. Когда он ел, пил и т.д., я видел, что он всегда вел себя хорошо. Он часто свободно передвигался по служебному помещению Аквариума и был так же послушен директору, как и своему зрителю. В целом он был добродушным, любил поиграть, но довольно озорным, грубо хватал и время от времени пробовал остроту своих зубов. Иногда он пытался отобрать у посетителей вещи, которые вызвали его любопытство, такие как отделка дамских шляпок, кружевные водопады и тому подобное. Но в целом он вел себя пристойно, игриво и с хорошим характером, и в его облике и осанке было много такого, что напоминало человека.

В начале 1876 года, перед тем как покинуть Африку, эта обезьяна заболела малярией, а впоследствии у него появились и другие жалобы, от которых он выздоровел. Он умер в ноябре 1877 года от скоротечной чахотки.¹²¹ Горилла, живущая сейчас в Берлинском аквариуме, также очень игрива и ласкова.

Шимпанзе, за которыми до настоящего времени наблюдали в неволе, были, находясь в добром здравии, живыми и забавными животными и в целом добродушными. У Бюффона в 1740 году был экземпляр примерно двухлетнего возраста, и эта обезьяна всегда ходила прямо, даже когда несла тяжелые грузы. Известно, что другие обезьяны также могут быть обучены принимать эту позу. Шимпанзе Бюффона имел серьезное и меланхоличное выражение лица, двигался медленно, был нежным и терпеливым, послушным слову или знаку. Он предлагал людям руку, шел с ними чинно, садился за стол по-мужски, разворачивал салфетку и вытирал ею губы, пользовался ложкой и вилкой, наливал вино и чокался бокалами, брал чашку с блюдцем и насыпал сахар, наливал чай, давал ему остыть, прежде чем пить; но, делая все это, он не казался счастливым. Он ел всю обычную человеческую пищу, но предпочитал фрукты, и вино любил не так сильно, как молоко, чай и сладкие ликеры. Он был дружелюбен со всеми, подходил к ним вплотную и получал удовольствие от их ласк. Ему так понравилась одна дама, что, когда к ней подошли другие люди, он схватил палку и начал размахивать ею, пока Бюффон не выразил свое недовольство таким поведением.

Доктор Трейл из Ливерпуля получил самку шимпанзе, которая также была родом из Габуна и которая, как только поднялась на борт, протянула руку нескольким матросам и осталась в хороших отношениях со всей командой, включая юнгу. Когда матросы садились за стол, обезьяна регулярно появлялась и выпрашивала свою порцию. В гневе она издавала лающий звук, как собака, а в другой раз завывала, как избалованный ребенок, яростно царапаясь. В теплых краях она была оживленной и жизнерадостной, но чем ближе судно подходило к северным широтам, тем более инертной она становилась и была рада завернуться в теплое одеяло. Ей, казалось, было неловко в вертикальном положении, и когда она приняла его, то уперла руки в бедра. У нее были очень сильные руки, и она могла держаться за веревку и долго раскачиваться без перерыва. Постепенно она пристрастилась к вину, а однажды украла бутылку и откупорила ее зубами. Она любила кофе и сладости, ела ложкой, пила из стакана и получала удовольствие, подражая поведению мужчин. Ее привлекали блестящие металлы, ей нравились предметы одежды, и она часто надевала шляпу. Она была нечистой и робкого нрава.

Согласно рассказу капитана Гранпре, самка шимпанзе на борту его судна разогревала печь, следя за тем, чтобы из нее не выпадали угли, и внимательно следя за тем, чтобы она не разогревалась должным образом, о чем она сообщала пекарю. Она выполняла все обязанности моряка, такие как постановка якоря, сворачивание и закрепление парусов. Она терпеливо сносила жестокое обращение со стороны жестокого партнера, умоляюще протягивая руки, чтобы отразить его удары. Но после этого она отказалась от всякой пищи и умерла через пять дней от горя и голода.

Шимпанзе, находившийся во владении Броссе, был болен и дважды истекал кровью. Когда ему снова стало плохо, он протянул руку, как бы требуя еще одной венозной инъекции.

При чтении этих отчетов, которые обошли различные старомодные книги по естественной истории, возникает вопрос, чему мы должны верить, а чему нет, поскольку многие подробности кажутся преувеличенными. Доктор Гермес, директор Берлинского аквариума, оспаривает утверждение других, что самка шимпанзе Молли, которая долгое время содержалась в этом заведении, наливала себе вино на вечерней вечеринке и чокнулась бокалами с соседкой.^{[122](#)}

Существует, однако, рассказ Бродерипа о самце шимпанзе, который был привезен из Гамбии и помещен в Лондонский зоологический сад в 1835 году, который кажется простым и достоверным. Существо, одетое в маленькую курточку, по большей части уютно устроилось на коленях старой женщины-сторожа. Когда ему больше нечем было заняться, он играл пальцами ног, как это делает ребенок при подобных обстоятельствах. Он без страха взял Бродерипа за руку и прикоснулся зубами к кольцу на одном из его пальцев, но не сгибая его. Он попробовал на зубах все искусственные вещества. Он крепко вцепился в мантию своей хранительницы, когда она предложила покинуть его, и играл с Бродерипом, как с ребенком. Он выказал большой ужас, когда в комнату принесли анаконду в корзине, и не осмелился взять яблоко с закрытой крышки корзины; но как только змея и ее корзина были убраны, он съел яблоко и снова повеселел. Он охотно садился на качели и держался за веревки обеими руками. Обычно он спал в сидячем положении, наклонившись вперед и скрестив руки, а иногда закрывал лицо руками. Но он также спал на животе, подтянув ноги и положив голову на руки.

Самец шимпанзе, содержащийся в Берлинском аквариуме в 1876 году, отличался чрезмерной живостью. Он подружился с товарищем по плену, молодой самкой оранга, и их близость была подтверждена их совместными играми, сопровождавшимися множеством нежных объятий. Маленький оранг, добродушное, флегматичное существо, позволяло шимпанзе делать с ней все, что ему заблагорассудится, и первый проявил недюжинный интеллект. В результате капитального ремонта его клетки доктор Гермес, директор учреждения, которому мы обязаны этим отчетом, был вынужден держать шимпанзе в своем кабинете, в обществе себя и других должностных лиц. Шимпанзе вскоре привык к своему новому окружению и был в особенно дружеских отношениях с двухлетним мальчиком доктора Гермеса. Когда ребенок вошел в комнату, шимпанзе выбежал ему навстречу, обнял и поцеловал его, схватил за руку и потянул к дивану, чтобы они могли поиграть вместе. Ребенок часто был груб со своим товарищем по играм, тянул его за рот, щипал за уши или лежал на нем, однако было известно, что шимпанзе никогда не терял самообладания. Он вел себя совсем по-другому с мальчиками в возрасте от шести до десяти лет. Когда в контору заходили несколько школьников, он подбегал к ним, переходил от одного к другому, тряс одного из них, кусал за ногу другого, хватал правой рукой за куртку третьего, вскакивал, а левой давал ему пощечину; короче говоря, он разыгрывал самые дикие шалости. Казалось, он был заражен радостным возбуждением юности, которое побудило его бунтовать с толпой школьников.

Однажды, когда Гермес слегка стукнул своего девятилетнего сына по голове из-за какой-то ошибки в его арифметических расчетах, шимпанзе, который тоже сидел за столом, отвесил мальчику затрепину. Если Гермес указывал ему, что кто-то пялится на него или насмехается над ним, и говорил: "Не мирись с этим", существо восклицало: "О! о!" и бросился на человека, о котором шла речь, чтобы ударить или укусить его, или выразить свое неудовольствие каким-либо другим способом. Как он проводил различия в возрасте людей, так и в отношении животных. Он был нежен и внимателен в своем поведении с молодыми собаками и обезьянами, в то время как со взрослыми животными он был таким же неистовым, как со школьниками. Когда он видел, что Гермес пишет, он часто брал перо, макал его в чернильницу и царапал на бумаге. Он проявил особый талант к мытью оконных стекол аквариума. Было забавно наблюдать, как он выжимает тряпку, смачивает стекло губами, а затем сильно трет его, быстро переходя с одного места на другое.

Мафука была замечательным созданием не только по своим внешним привычкам, но и по своему характеру. В какой-то момент она сидела неподвижно с задумчивым видом, лишь изредка бросая озорной, сверкающий взгляд на зрителей; в другой раз она получала удовольствие от силовых подвигов или расхаживала взад-вперед по своему просторному

загону, как разъяренный хищный зверь. Она вставляла указательный палец правой руки в отверстие сосуда, который весил тридцать фунтов, взбиралась с ним по шесту и с грохотом сбрасывала его с высоты шести футов. Эта обезьяна иногда дребезжала прутьями своей клетки с такой силой, что зрителям становилось не по себе. Она любила играть со старыми шляпками, которые надевала себе на голову, и если верхушка была совсем оторвана, она натягивала ее на шею. Мафука цеплялась когтями за людей, которые входили в вестибюль ее клетки, и пыталась разорвать на них одежду. Она почти никому не подчинялась, кроме Шепфа, директора Дрезденского зоологического сада, и, когда была в хорошем настроении, садилась к нему на колени и ласкающим жестом обвивала его шею своими мускулистыми руками. Несмотря на это, Шепф никогда не была застрахована от плутоватых выходок Мафуки, поскольку ее хорошее настроение длилось недолго. Она очень любила сторожа, но не всегда слушалась его, и хлыст часто требовался, даже во время кормления. Мафука умела пользоваться ложкой, хотя и несколько неуклюже; и она могла переливать ликер из больших сосудов в меньшие, не расплескивая его. Утром и вечером она пила чай и какао, а в перерывах придерживалась смешанной диеты, такой как фрукты, сладости, красное вино, вода и сахар.

Какое-то время Мафука была довольна обществом хорошенькой обезьянки-морского кота, но она так сильно дразнила это существо, что для него было выделено специальное убежище, в которое она не могла войти. Она была так напугана сильной грозой, что схватила своего спящего товарища по играм за хвост и швырнула его на землю. Она со смертельной яростью гонялась за мышами, которые бегали по ее клетке. Она очень боялась змей, чего обычно не бывает с шимпанзе. Если ее на какое-то время оставляли одну, она пыталась открыть замок своей клетки, не имея ключа, и однажды ей это удалось. В тот раз она украла ключ, который висел на стене, спрятала его в подмышечной впадине и тихонько прокралась обратно к клетке. Ключом она легко открыла замок, а еще умела пользоваться буравчиком. Она стаскивала сапоги своего сторожа, забиралась с ними в какое-нибудь недостижимое место и бросала их ему в голову, когда он просил их взять. Она могла отжимать мокрые тряпки и сморкаться в носовой платок. Когда началась ее болезнь, она стала апатичной и смотрела вокруг пустым, ненаблюдательным взглядом. Незадолго до своей смерти от чахотки она обвила руками шею Шепфа, когда он пришел навестить ее, безмятежно посмотрела на него, трижды поцеловала, протянула ему руку и умерла.¹²³ Последние мгновения антропоидов имеют свою трагическую сторону!

Уоллесу мы обязаны интересным рассказом о молодых орангах в неволе. Этот наблюдатель застрелил недалеко от Симунджона, на Борнео, крупную самку обезьяны этого вида, у которой был детеныш длиной около фута. Когда Уоллес нес это существо домой, оно так крепко ухватилось за его бороду, что ему было очень трудно освободиться, так как неравные фаланги пальцев у этих животных крюкообразные. В то время у существа не было ни одного зуба, но через несколько дней прорезались два нижних передних зуба. К несчастью, не было ни молока, ни самки животного, которая могла бы пососать маленькую обезьяну. Уоллесу пришлось поить его рисовой водой из бутылки, в пробку которой было вставлено перо, и после нескольких попыток он научился очень хорошо сосать. Для придания паштету большей питательности были добавлены сахар и какао-молоко. Когда Уоллес сунул палец в рот существа, оно энергично пососало его, затем сердито оттолкнуло и начало кричать, как это делает ребенок в подобных обстоятельствах. Когда его ласкали, он был спокоен и доволен, но снова начал кричать, как только его уложили; и первые две ночи он был очень шумным и беспокойным.

Уоллес устроил маленькую коробку для колыбели существа с мягким ковриком, который меняли и стирали каждый день. Маленькая обезьяна сама любила, когда ее мыли. Как только он был грязным, он начинал кричать и не прекращал до тех пор, пока его хозяин

не относил его к источнику, когда он сразу затихал, хотя вырывался при первом прикосновении холодной воды и корчил нелепые гримасы, когда вода лилась ему на голову. Ему чрезвычайно нравилось, когда его сушили и растирали, и, казалось, он был совершенно счастлив, когда Уоллес расчесывал ему шерсть, лежа совершенно неподвижно с вытянутыми руками и ногами, в то время как длинные волосы на его спине и предплечьях были расчесаны. Сначала он беспомощно цеплялся всеми четырьмя лапами за все, за что мог ухватиться, и Уоллесу приходилось все время быть начеку, чтобы спасти свою бороду. Когда ему становилось не по себе, он поднимал руки вверх в поисках чего-нибудь, за что можно было бы ухватиться, и если ему удавалось ухватиться за палку или кусок ткани двумя или тремя руками, он был совершенно счастлив. За неимением ничего другого он ухаживал за собственной ногой и через некоторое время часто складывал руки на груди и хватался каждой рукой за длинные волосы, росшие ниже противоположного плеча. Однако сила хватки существа вскоре уменьшилась, и Уоллесу пришлось изобретать способы дать ему разминку и укрепить конечности. С этой целью он соорудил короткую лестницу из трех или четырех витков, к которой подвешивал молодого оранга на четверть часа кряду. Сначала оно обрадовалось, но, обнаружив, что не может принять удобное положение, держась всеми четырьмя руками, оно отпустило одну за другой и, наконец, упало на землю. Часто, когда он висел только двумя руками, он отпускал одну, чтобы перекинуть ее через противоположное плечо и ухватиться за собственные волосы, и, обнаружив, что это гораздо приятнее, чем кусок дерева, он отпускал другую и так падал на землю, где лежал на спине, скрестив руки, вполне довольный и, по-видимому, ничуть не пострадавший от своих многочисленных падений.

Когда Уоллес увидел, как это существо любит шерсть, он попытался создать искусственную мать, сшив кусок бизоньей шкуры, который он подвесил примерно в футе от земли. Сначала это казалось вполне успешным, так как маленький орангутанг мог цепляться за него и всегда находил что-нибудь волосатое, за что цеплялся с большим упорством. Теперь Уоллес надеялся, что сделал маленького сироту счастливым, и так было некоторое время, пока он не вспомнил о своей потерянной матери и не попытался сосать. Он приподнялся так, чтобы быть совсем близко к укрытию, и принялся рыскать в поисках многообещающих мест; но когда его рот был набит только шерстью, он был очень недоволен, яростно закричал и после двух или трех попыток отказался от попытки. Однажды ему в горло попало немного шерсти, и Уоллес испугался, что он, должно быть, задохнулся; но после продолжительного кашля его вырвало, и он уничтожил мнимую мать и оставил последнюю попытку занять маленькое существо каким-нибудь занятием.

В конце недели Уоллес начал кормить обезьяну с ложечки. Он смешивал размоченное печенье с яйцом и сахаром, а иногда и со сладким картофелем. Он с готовностью принимал эту пищу и корчил забавные гримасы, чтобы выразить свое удовлетворение или неудовольствие тем, что ему предлагали. Маленькое существо облизывало губы, втягивало щеки и прищуривало глаза с выражением крайнего удовлетворения, когда оно набивало рот чем-нибудь, что ему особенно нравилось. С другой стороны, когда пища была недостаточно сладкой и пикантной, оранг на мгновение переворачивал ее во рту, как бы для того, чтобы хорошенько попробовать, а затем выплевывал. Если ему снова подавали ту же еду, он яростно кричал и размахивал руками, как вспыльчивый ребенок.

Через три недели после того, как Уоллесу достался молодой орангутанг, ему принесли макаку (*Macacus cynomolgus*), также молодую. Два животных сразу стали лучшими друзьями, ни одно из них не выказывало ни малейшего страха перед другим. Маленькая макака без малейших угрызений совести садилась на тело другого и даже на его морду. Когда Уоллес кормил оранга, макака присела рядом, чтобы подобрать упавшие кусочки, а когда трапеза закончилась, она слизнула все, что осталось на губах оранга, и даже приоткрыла пасть,

чтобы посмотреть, не осталось ли там чего-нибудь; затем она улеглась на тело бедняги, как на удобную подушку. Маленький, беспомощный орангутанг переносил все эти оскорбления с самым беспримерным терпением, будучи только рад иметь что-то теплое, к чему можно прильнуть и нежно обнять своими ручками. Но он отомстил, потому что, когда другая маленькая обезьяна хотела убежать, оранг как можно дольше цеплялся за подвижную кожу спины, головы или хвоста, так что макаке стоило многих жестоких усилий вырваться.

Уоллес внимательно наблюдал за различным поведением этих двух животных, которые были почти одного возраста. Все сделанные до сих пор наблюдения показывают, что очень молодые антропоиды проявляют беспомощность, напоминающую беспомощность детей примерно того же возраста, хотя другие семейства обезьян, как и большинство молодых млекопитающих, котята, щенки и т.д., рано достигают большей активности и независимости.

Когда Уоллес продержал оранга около месяца и положил его на землю, его ножки вывернулись наружу, или он потерял равновесие и тяжело упал вперед. Лежа в коробке, он держался за край, и в результате один или два раза выпадал. Если ему позволяли быть грязным, голодным или иным образом пренебрегали им, он громко плакал, пока на него не обращали внимания, а иногда кашлял или вырывался, как взрослое животное. Если в доме никого не было или никто не обращал внимания на его крики, то на некоторое время наступала тишина, и они возобновлялись только тогда, когда слышались шаги.

По истечении пяти недель у него прорезались два верхних передних зуба, но на протяжении всего этого периода существо не росло и оставалось того же размера и веса. Это, несомненно, было связано с недостатком молока или другой питательной пищи. Какао-молоко, по-видимому, вызывало диарею, от которой его лечили касторовым маслом. Неделю или две спустя он заболел чем-то, похожим на перемежающуюся лихорадку, и умер в течение недели.¹²⁴

В 1837 году Лондонский зоологический сад получил оранга двух- или трехлетнего возраста. По большей части он был вялым и инертным, но время от времени у него случались припадки хорошего настроения и игривости. В гневе он нападал на незнакомцев, но обычно сидел, скрестив ноги, на низком табурете или на земле перед камином, завернувшись в шерстяной коврик. Когда жирафы заведения с любопытством вытянули свои длинные шеи над прутьями клетки обезьяны, существо не выказало никакого страха, но попыталось схватить длинноногих животных за морду. Этот оранг отзывался на свое имя и был послушен своему хозяину, часто роясь в кармане в поисках спрятанных там лакомств. Ему было не по себе, когда прутья клетки отделяли его от хозяина; а когда его заключили в ограду из тростника, переплетенного проволокой, он перегнул проволоку пополам и протиснулся в отверстие, так что клетку пришлось сделать прочнее. Существо имело нелепый вид, одетое в куртку и бриджи. Когда ему хотелось какого-нибудь лакомства, которое он видел, он попеременно смотрел на него и на своего хозяина и выпячивал губы, как морду. Напиваясь, это животное брало сосуд в руку, подносило край к губам, а затем пило с важным видом. Здесь я могу заметить, что, когда антропоиды пьют таким образом, они обычно берут сосуд в одну руку и поддерживают его тыльной стороной пальцев другой.

Когда оранг, которого мы только что описали, разочаровался в своем желании получить что-либо, он бросился на землю, воя и вопя, пока не добился своего. Иногда у него случались яростные припадки страсти, в одном из которых он пытался разрушить прутья своей клетки, ударив по ним табуреткой. Поскольку эта попытка ему не удалась, он дал волю своей ярости в громком крике, который прекратился только с возвращением его сторожа.

Оранг, привезенный Монтгомери в Калькутту в 1827 году, был менее флегматичен, чем обычно бывают животные этого вида. Он играл с теми, кто нес его, когда они наклонялись над ним, хватал их за волосы и так далее. Он попытался протереть свой жестяной сосуд тряпкой, перекинув один конец через плечо, как, по его наблюдениям, делали слуги в доме. Особенно он любил молоко, чай, вино и фрукты панданос. Он был очень любознателен и пробовал все, до чего мог дотянуться, сначала пальцами, затем губами и, наконец, зубами. Он любил откусывать полы пальто у своих посетителей. Его нелепые жесты в сочетании с напускной торжественностью вызывали смех даже у серьезных туземцев. Однажды он пил чай, когда кто-то наполнил пустую кружку водой; он вылил ее на пол, бросился на спину, закричал и стал бить себя руками по груди и животу. Его походка была неуклюжей и шаткой, когда он пытался ходить прямо. Когда он становился на четвереньки, он иногда опирался на руки и качался вперед ногами. Если он терял равновесие при ходьбе прямо, он падал на голову, а затем продолжал кувыркаться. Как только с него сняли цепи, он вошел в дом и попытался получить порцию завтрака своего хозяина. Несмотря на свою обычную любознательность, он несколько не обрадовался, увидев в зеркале свое меланхоличное лицо.

Большой оранг, выставленный в Берлинском аквариуме в 1876 году, был угрюмым компаньоном и выглядел как старый бедуин, когда присел на корточки и выглядывал из-под наброшенного на него покрывала. Его сторож мог доверять ему только тогда, когда приносил апельсин, и если он подходил к прутьям клетки без еды, обезьяна набрасывалась на него, скрежеща зубами. Он был вялым всякий раз, когда его не возбуждал голод. Тогда он встал из своего обычного сидячего положения и проглотил пищу, которую осторожно передавали через дверь. Если его заставляли ждать, он в ярости бросался на спину. Когда его голод был утолен, он играл с соломой, веревкой или своим одеялом. Когда было необходимо поменять соломинку, его заманили, протянув апельсин на верхушке шеста, и замена произошла, пока обезьяна разрывала кожуру и высасывала ее содержимое. Вечером он никогда не забывал расчистить ямку в соломе и завернуться в свое одеяло. Габриэль Макс нарисовал поразительное сходство с покорностью больного оранга.

Гиббонов часто наблюдали в неволе. О ленивом и неодушевленном сиаманге нет ничего интересного, о чем можно было бы сообщить. Другие виды, за редким исключением, флегматичны, застенчивы и робки, но вряд ли когда-либо испытывают отвращение к человеческому обществу. В течение месяца Харлан смог сделать халока настолько ручным, что держался за него одной рукой, а остальные ставил на землю, и так ходил со своим сторожем. Он приходил на зов своего хозяина, садился рядом с ним на стул, делил с ним завтрак и брал со стола яйцо или куриную косточку так аккуратно, чтобы не испачкать скатерть. Он любил вареный рис, хлеб, размоченный в молоке, бананы, апельсины, кофе, чай, шоколад, молоко и т.д. Обычно он только опускал пальцы в сосуды для питья и слизывал жидкость, но он мог пить по-человечески. Он обыскал дом в поисках пауков и других ползучих тварей и смахнул летающих насекомых правой рукой. Существо было очень ласковым, и когда Харлан пришел к нему утром, он приветствовал его радостным звуком, похожим на лай, который продолжался около минуты. Он приходил на зов, даже находясь на расстоянии, и ему было приятно, когда его расчесывали, расчесывали и ласкали. Два других громилы, захваченных Харланом, вели себя точно так же.

The Hylobates albimanus из Берлинского аквариума, о котором я уже упоминал, был, по описанию Hermes, а также по моим собственным наблюдениям, очень миролюбивым существом, хотя, если его заставляли делать то, что ему не нравилось, он иногда пытался немного укусить, особенно когда его только что вытащили из теплой постели. Но как только его брали за руку или поднимали вверх, его гнев утихал. Хотя он был гораздо менее подвижен, чем шимпанзе, который был его компаньоном, и менее склонен к играм, он был

доволен детьми и внимательно наблюдал за их движениями. Его ловкость была замечательной. Он почти всегда присутствовал за обедом и ужином, когда стол был уставлен блюдами, и бегал по нему взад и вперед, чтобы переходить от одного человека к другому, не прикасаясь и тем более не опрокидывая ни малейшего предмета. Его пища состояла в основном из белого хлеба, молока, сладкого какао, фруктов и кильских шпрот, которые он особенно любил, а также сладкого винограда. Прежде чем взять какую-либо жидкость, он осторожно коснулся ее языком, чтобы убедиться, что она не слишком горячая; затем он выпил ее, не беря чашку или сосуд в руку, как это делал шимпанзе. Он не любил холодную или влажную пищу и редко прикасался к очищенной груше, хотя охотно ел ее из рук Гермес. Виноград был его любимым лакомством, и если он был голоден, то при виде его издавал нежный звук, напоминавший крик лесного голубя. Он часто повторял этот звук, Ху, Ху, чтобы выразить удовольствие, удивление или любопытство, или когда тот же звук издавали другие; и именно таким образом он приветствовал Гермеса, когда тот приходил утром в свою постель. Он был счастливее всего, когда сидел на руке женщины, обвинив своими длинными руками ее шею, и спокойно сидел в таком положении до тех пор, пока ему позволяли это делать, а когда его уводили, кричал, как ребенок. Когда фрау Гермес выходила из комнаты, он бежал за ней и пытался вскарабкаться вверх, как только добегал до нее; если она брала его за руку, он спокойно шел с ней. Этого гиббона можно выгодно сравнить с другими антропоидами из-за его необычайной чистоплотности. Он всегда возвращался в то место, которое раньше использовал для своих нужд, и никогда не убирал свою постель или комнату нечистыми. От него не исходило ни малейшего запаха, так что он был вполне приятным собеседником; и он делил постель с одним из детей доктора Гермеса, не причиняя ни малейшего беспокойства или дискомфорта. Он любил раскачиваться взад-вперед на веревке, за которую держался одной рукой.

Образец *Hylobates funereus* хранился в Париже около года. Он был очень умен, но в меньшей степени, чем другие антропоиды. Он знал своих хозяев и частых посетителей, и ему было приятно, когда его ласкали; но он не выражал предпочтения одному человеку больше, чем другому, даже своему хозяину.

Мартин описывает, как в 1840 году в Париже в клетку *Hylobates agilis* пустили живую птицу. Понаблюдав за ее полетом, обезьяна вскочила на дальнюю ветку, за которую ухватилась одной рукой, а за птицу - другой. Его цели, как птица, так и ветка, были достигнуты с такой уверенностью, как если бы только один объект привлек его внимание. Он откусил птице голову, выщипал перья, а затем выбросил ее.

Другая особь женского пола *Hylobates agilis* внезапно напала на своего хозяина, прыгнула на него, исцарапала руками и ногами и укусила в грудь, так что мужчине повезло, что животное незадолго до этого лишилось клыков. Говорили, что та же самая обезьяна убила человека в Макао.

Антропоиды, содержащиеся в заключении, страдают кариесом зубов и челюстей, хроническими и острыми катарам бронхов и кишечника, воспалением и чахоткой легких, воспалением печени, водянкой перикарда, паразитами кожи и кишечника и т.д. Во время болезни, как мы узнаем из многих источников, эти животные проявляют большое сходство с людьми. Среди прочего Бок наблюдал на Суматре пожилого самца орангутанга, страдавшего чахоткой, который почти весь день лежал, завернутый в одеяло, и его постоянно мучил сильный кашель.¹²⁵

На черепах диких горилл и шимпанзе мы находим следы кариеса зубов и челюстей, которым, следовательно, эти животные могут быть поражены в естественном состоянии, а также паразитов на коже и кишечнике.

ГЛАВА VII.

ПОЛОЖЕНИЕ АНТРОПОИДОВ В ЗООЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ.

ТНЕ Расовую историю человекообразных обезьян можно с какой-либо определенностью проследить только до периода миоцена. Часто утверждался факт современного существования человекообразных обезьян и толстокожих, но он все еще слишком далек от того, чтобы быть установленным, чтобы заслуживать дальнейшего рассмотрения здесь. Следы стройной обезьяны (*Semnopithecus*), однако, были обнаружены в миоцене Греции, Вюртембурге, в горах Севалик и в регионе, граничащем с Гималаями. Название, данное одному из этих ископаемых видов (*Semnopithecus subhimalayanus*), по-видимому, указывает на его местонахождение. Многочисленные останки *месопитека* *Пентеличи* в Аттике, однако, вызвали споры. Годри и Бейрих были склонны отнести эти образцы исключительно к стройной обезьяне, но Годри впоследствии заявил, что, хотя строение черепа и зубов принадлежит *семнопитеку*, строение конечностей - макаке. Следовательно, он рассматривает *месопитеков* как интересную форму человекообразных обезьян, и это выражается в их научном названии.¹²⁶

Разделение этих двух видов человекообразных обезьян (*Semnopithecus* и *Macacus*), должно быть, по его мнению, произошло довольно поздно. *Плиоитеки* из пресноводного мергеля Сансан Годри и другие относят к гиббонам. Лартет и Квенштедт полагают, однако, что он ближе к следующему южному соседу, маготу (*Inuus*), из-за пяти клыков его последнего зуба. Кельнер считает связь с *семнопитеком* вполне вероятной.

Dryopithecus Fontanii, о котором я уже говорил, судя по слепку, сделанному Фриком в Праге, имеет явно антропоидный характер; но скудость материалов не позволяет нам сделать каких-либо точных выводов относительно зоологического положения этого вымершего животного. Строение задних зубов, как мы уже говорили, безусловно, антропоидное. Квенштедт, всегда осторожный в своих суждениях, придерживается мнения, что зубы обезьяны, найденные в железняке Швабских Альп во время вторичной формации млекопитающих, имеют явно антропоидный характер, и животные, которым они принадлежали, следовательно, должны были принадлежать к тому же типу. Ископаемые останки африканской коренастой обезьяны (*Colobus*) также были найдены в Штайнхайме.¹²⁷ *Macacus priscus* из долины Арно, по-видимому, родственны африканской макаке.¹²⁸ Owen's *Macacus pliocenus* Оуэна из Эссекса тесно связан с *Macacus sinicus*. Ископаемые человекообразные обезьяны также были обнаружены в Америке. *Протопит* был очень крупным животным, родственным *мицетам*. Другой ископаемый вид, найденный в Южной Америке (*лаопитек*), должно быть, был тесно связан с человеком. Этот последний факт тем более примечателен, что обычно предполагалось, и действительно не без оснований, что существует заметное разделение между обезьянами Старого и Нового Света.

Виды шелковистых обезьян (*Hapale*), сахуи (*Jacchus*), прыгающих обезьян (*Callithrix*), ревущих обезьян (*Mycetes*) и катающихся обезьян (*Cebus*), встречающиеся сейчас в тропической Америке, были представлены уже в дилювиальный период на этом континенте. Не похоже, что с того периода произошло какое-либо широкое родовое распространение человекообразных обезьян. Иначе обстоит дело с развитием видов,

которое, по-видимому, по крайней мере в частичной степени, произошло поздно. Это можно сделать из физических характеристик горилл и шимпанзе, которые, при всех своих различиях, имеют много общего друг с другом. В четвертой главе мы описали формы человекообразных обезьян, находящиеся между гориллой и шимпанзе, и представляется возможным, что это возврат к той или иной форме. Многочисленные разновидности формы у антропоидов указывают на продолжение процесса разделения в этом семействе человекообразных обезьян, и для постепенного превращения разновидностей в постоянные виды требуется лишь изолирующее воздействие.

По своим внешним характеристикам тела, анатомическому строению и высокоразвитому интеллекту антропоиды не только стоят на первом месте среди обезьян, но и занимают еще более высокое место, приближаясь к человеческому виду. В соответствии с тем, что я сказал во второй и третьей главах, я оставляю в стороне порядок *четвероруких* и принимаю линнеевский порядок *приматов*, как для людей, так и для обезьян. Я бы включил мужчин как *прямоходящих*, а антропоидов как *антропоморфов* в подсемейство *примариев*. В случае с обезьянами (*Simiina*) Я бы сохранил удобное различие между особями с узким и широкими носовыми отверстиями (*Catarrhina* и *Platyrrhina*). Полуобезьяны (*Prosimii*) должны составлять отдельный отряд млекопитающих. Следующая систематическая схема показывает классификацию, которую я предлагаю:—

I. МЛЕКОПИТАЮЩИЕ (*Mammalia*).

A. Монодельфия, Blainv. (Плаценталия, Оуэн).

I. Отряд: Приматы, Linnæus.

1. Семейство: Примариин.

(1) Подсемейство: *Прямоходящие* (*Homo sapiens*).

(2) Подсемейство: *Anthropomorpha*, Линней.

(a) *Дасипога*, то есть Антропоморф, без мозолей у сидящего.

(α) Род: *Троглодиты*, E. Geoffroy.

Вид: Горилла (*Troglodytes Gorilla*, Сэвидж и Вайман). Шимпанзе (*Tr. niger*, Э. Жоффруа).

Другие виды точно неизвестны.

(β) Род: *Pithecus*, E. Geoffroy.

Вид: Орангутанг (*Pithecus Satyrus*, E. Geoffroy).

(b) *Тилопога*, то есть Антропоморф, с мозолями на ногах.

(λ) Род: *Hylobates*, Illig.

Вид: см. [стр. 45](#).

2. Семейство: Собственно человекообразные обезьяны (*Simiina*).

(1) Подсемейство: *Catarrhina*.

Роды: *Semnopithecus*, *Colobus*, *Cercopithecus*, *Inuus*, *Macacus*, *Cynocephalus*.

(2) Подсемейство: *Platyrrhina*.

Роды: *Mycetes*, *Lagothrix*, *Ateles*, *Cebus*, *Pithecia*, *Nyctipithecus*, *Callithrix*, *Chrysothrix*, *Hapale*.

ГЛАВА VIII.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ Вместе С НЕКОТОРЫМИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ СООБРАЖЕНИЯМИ ОБ АНТРОПОМОРФИЗМЕ ГОРИЛЛЫ, ШИМПАНЗЕ, ОРАНГА И ГИББОНА.

УТВЕРЖДЕНИЕ Хаксли о том, что низшие обезьяны дальше удалены от высших обезьян, чем последние от людей, по моему опыту, все еще совершенно справедливо. Нельзя отрицать, что высший порядок животного мира тесно связан с высшим сотворенным существом.

В третьей главе я попытался показать, каким образом можно доказать питекоидные характеристики людей. Из последних глав также можно многое узнать об антропоидных характеристиках антропоидов. Внешняя форма в первую очередь провоцирует на сравнение. В строении тела есть многое, что преодолевает кажущуюся пропасть между человеком и обезьяной, и это очевидно для самого простого понимания. Голова и общая форма тела, особенно у молодых самцов и самок горилл, шимпанзе и орангов, и даже у гиббонов, если исключить длину их рук, обнаруживают много сходства с человеком. Это проявляется даже в отдельных органах тела — как, например, в ухе. Иллюстрации, приведенные во второй главе книги "Уши обезьян", включая уши гориллы, были намеренно взяты мной из тех образцов, которые имели наименьшее сходство с человеком, и все же даже в них нельзя не признать определенного сходства.

Я уже отмечал, что старые самцы антропоидных видов всегда дальше от человека, чем молодые, и особенно это относится к горилле. Голова пожилого самца гориллы с большими черепными гребнями и мощной челюстью разительно отличается от человеческого типа. Это важный факт, поскольку в случае с мужчиной мы почти без исключения рассматриваем полностью развитого взрослого мужчину как типичную форму.

При рассмотрении конечностей различия между руками человека и антропоидами очевидны, но менее разительны, чем в случае с нижними конечностями. Ибо цепкая ступня обезьян имеет в себе нечто ненормальное, что отчетливо отличается от ступни человека, приспособленной для ходьбы. Нельзя также напрямую сравнивать сгибаемость пальцев ног человека в некоторых случаях с сгибаемостью ступни обезьяны, у которой большой палец действует так же, как большой палец. Геккель отмечает, что новорожденные дети также могут крепко хвататься за большой палец ноги, а если вставить ложку, они могут удерживать ее ногой так же крепко, как и рукой.¹²⁹ Эта способность, однако, является лишь частичной и подчиненной по сравнению с многообразной и развитой хватательностью стопы антропоида. Возможность ходить прямо до определенной, хотя иногда и в очень ограниченной степени, степени не является исключительной привилегией антропоидов, поскольку эта способность может быть приобретена путем тренировки у других обезьян, а также у собак, свиней, лошадей и т.д. Многие человекообразные обезьяны Нового Света, такие как хвостатые и лазающие обезьяны, а также некоторые полуобезьяны, медведи, ихневмоны, чешуйчатые и грызуны, могут преодолевать некоторое расстояние в вертикальном положении так же легко, как и антропоиды, и не будучи обученными этому.¹³⁰ Строение человекообразных, действительно, лучше приспособлено для хождения

на четвереньках или лазания. Выступ копчика в виде рудиментарного хвоста, как хорошо известно, наблюдался в некоторых единичных случаях у человеческого вида. Предполагается, что эта особенность является наследственной у некоторых неевропейских народов, таких как ниям-ниям из Центральной Африки и некоторые южные малайцы. Но это предположение пока не подтвердилось.

Уже говорилось, что когда мы сравниваем мужчин и антропоидов, профиль цветного человека демонстрирует поразительное сходство с профилем антропоидов. В это верят сами цветные люди, которые, особенно среди негритянских рас, считают крупных обезьян проклятыми представителями своего собственного вида, тупыми и волосатыми людьми и так далее. Следует, однако, заметить, что антропоморфизм играет важную роль в религиозной жизни грубых народов и что нецивилизованным людям сравнительно легко поставить себя на один уровень с животными, в то время как цивилизованные расы отвергают такие идеи с сознательной гордостью. Я могу добавить, что цивилизованные люди возмущены пресловутым уродством обезьян и поэтому с отвращением отвергают любое признание реального родства с ними. Мы должны, однако, помнить, что мужчины ни в коем случае не наделены физической красотой, особенно красотой черт лица. Среди всех народов мы находим индивидуумов, чье уродство немногим уступает уродству антропоидов, а иногда даже превосходит его. Притязания на широко распространенную физическую красоту могут предъявляться народами классической древности; тевтонцами, румынами и славянами; черкесами, армянами, татарами, турками, сенитами, берберами, беджа; и некоторыми индейцами, полинезийцами, американскими индейцами и неграми; но такие привлекательные черты редки среди других народов мира, таких как монголы, большинство негров, папуасы, гуарани и малайцы. Мы уже показали, что среди некоторых низших рас невозможно не заметить чисто внешнего и физического приближения к обезьяньему типу.

Некоторые люди, опять же, исключительно по психическим соображениям, уклоняются от признания какого-либо родства между людьми и обезьянами, поскольку психическая организация первых, по их мнению, не имеет ничего общего с антропоидами, о которых они так низко думают. И все же не следует забывать, что образ жизни деградировавших рас мало отличается от образа жизни антропоидов. Здесь я могу сослаться на то, что я сказал об австралийских аборигенах, чьи звериные инстинкты требуют всего нашего внимания, когда мы беремся за подобные сравнения. Орда ботокудо, упомянутая умным наблюдателем принцем Максимилианом из Нойвида,¹³¹ и деревня в верховьях Юпуры, населенная миренами и описанная Марциусом,¹³² произвели на путешественников ужасающее впечатление своей жестокой деградацией. Это впечатление могло бы еще больше укрепиться, если бы мы могли осмотреть лагерь обонго или доко с хижинами.

Было замечено, что самый грубый дикарь способен проявлять жалость и преданность к своим братьям. Так, например, зимой 1881-82 годов, когда несколько огнеземельцев были выставлены в Европе, один из них заболел, и его дикие товарищи заботились о нем с любовью и даже с некоторым подобием нежности. Но, как мы видели, антропоиды точно так же заботятся и защищают членов своей семьи и демонстрируют взаимную зависимость и лояльность; это было особенно заметно в случае нескольких орангутанов, которые ухаживали друг за другом. Любовь к своим детенышам и нередко любовь к своим товарищам, выраженная самым сильным образом, если говорить сравнительно, глубоко укоренилась в животном мире. Хорошо известно, что как грубые, так и цивилизованные народы способны проявлять невыразимую и, как это ошибочно называют, нечеловеческую жестокость друг к другу. Эти акты жестокости, убийств и грабежей часто являются результатом неумолимой логики национальных особенностей и, к несчастью, являются

истинно человеческими, поскольку ничего подобного им нельзя проследить в животном мире. Было бы, например, серьезной ошибкой сравнивать тигра с кровожадным палачом времен Правления террора, поскольку первый удовлетворяет свой естественный аппетит только тем, что охотится на других млекопитающих. Зверства судебных процессов по обвинению в колдовстве, беспорядочная резня, совершаемая неграми на побережье Гвинеи, человеческие жертвоприношения, совершаемые кхондами, расчленение живых людей баттами, не находят параллели в повадках животных в их диком состоянии. И такое сравнение, прежде всего, невозможно в случае антропоидов, которые не проявляют враждебности по отношению к людям или другим животным, если только на них не нападают первыми. В этом отношении человекообразная обезьяна стоит на более высоком уровне, чем многие люди.

Огромная пропасть между человеком и антропоидами образована, как я полагаю, тем фактом, что человеческая раса способна к образованию и способна приобрести высочайшую умственную культуру, в то время как самый умный антропоид может получить только определенное механическое обучение. И даже этому обучению есть предел из-за угрюмого нрава, проявляемого антропоидами с возрастом. Они являются интересными объектами изучения в зверинце, но они никогда не становятся, подобно нашим обычным домашним животным, полезными членами домашнего хозяйства. Я сам придерживаюсь мнения, что все человеческие расы способны к культуре, хотя и различаются по степени, в которой это возможно для них. Я, например, не предполагаю, что племя австралийцев из Квинсленда может быть настолько образовано, чтобы встать на один уровень с высочайшими интеллектами нашей собственной нации. Но сколько веков потребовалось, чтобы возвысить нас так высоко над папуасами! Действительно, очевидно, что даже очень грубые дикари могут быть полезными членами человеческого общества, как мы можем видеть из изменений, произошедших среди жителей Сандвичевых островов, таитян и маори в течение последних восьмидесяти лет. В наши дни посланцы королевы Мадагаскара поняли, как возвращаться в высших берлинских кругах с благородными манерами, и мы должны признать этот факт значительным, не обольщаясь, однако, слишком широкими выводами из него.

Часто делалось замечание, что африканские чернокожие, индейцы и т.д. Проявляют большую покорность в молодости и очень восприимчивы к мудрости и культуре, но останавливаются на определенном этапе, как будто не в состоянии продвинуться дальше, а иногда, действительно, подобно обезьянам преклонного возраста, возвращаются в свое первоначальное дикое состояние. Можно, однако, сделать вывод, что эти попытки дать образование молодым дикарям, как правило, терпят крах из-за ошибочных методов обучения. Юным сынам природы часто слишком потакают, их детские поступки переоцениваются, их разум перегружается, должное развитие ума и тела сдерживается; они становятся высокомерными, и тогда люди удивляются, что по мере роста самосознания в их незрелом мозгу развивается большее или меньшее количество самомнения. Бывают случаи, когда дикарь, получивший с большим трудом образование и цивилизованность, вновь впадает в варварство и приходит к насильственному концу как враг своего бывшего защитника, как грабитель или мятежник; однако даже к концу своей жизни он развил в себе качества и условия, которые напоминают ему лучшие времена. Мы видим пример этого в некоторых цивилизованных маори, которые впоследствии присоединились к восставшим племенам и которые представили своим соотечественникам силу более прочной организации против английского господства. В поведении этих закоренелых дикарей всегда есть что-то более высокое, чем мы можем проследить в диком упрямстве угрюмого старого шимпанзе или оранга.

И попытки обучить дикарей не всегда оказывались безуспешными. Великий индейский вождь Текумсе; президенты Бенито Хуарес и Рамон Кастилья; негр Туссен Лувертюр; король

Хова Радама I; полинезийские правители Камехама I, Помаре II, Джорджес и Кокабау показывают, что можно сделать из таких материалов при благоприятных обстоятельствах. Бедный индеец из Оахаки; стойкий лидер Перус, принадлежавший к нуждающейся семье Аррьеро; гаитянин, который раньше был погонщиком на плантации, так же далеки от дикарей-аборигенов, как малагасийцы и полинезийцы, воспитанные европейскими миссионерами.

Хорошо известно, что нации в самые ранние периоды своего существования должны проходить через определенные грубые условия своего развития, и самые высокоцивилизованные нации не освобождаются от этого закона. Переходный период каменного века необходим для всех, и с использованием металлов постепенно развивалась более высокая и культурная жизнь. Даже те, кто не признает какой-либо четкой демаркационной линии между каменным и металлическим периодами, все же, говоря в целом, они признают, что времена, в которые использовались каменные инструменты, и те, в которые в основном использовались бронзовые и железные инструменты, представляют собой признаки реальных эпох в исторической культуре. Как мы знаем, в каменном веке также были определенные фазы развития. На самых ранних стадиях своего развития грубый и необработанный инструмент не мог обеспечить своему владельцу никакого постоянного убежища: он жил в пещерах, расселинах или под скудным покровом листьев и использовал свой инструмент для убийства диких животных; для рубки дерева; для выделки шкур, сухожилий и сосудов для тыкв; для расчленения добычи, добытой на охоте; и для извлечения костного мозга из костей. Искусство придания формы и заточки этим каменным орудиям шло рука об руку с постепенным улучшением условий жизни человека.

Мы можем представить себе физическое и психическое состояние первых и наиболее ранних людей каменного века как состояние чрезвычайно грубых дикарей, но которые были наделены даром создавать для себя более высокие условия жизни.

В 1868 году полковник Лаусседат из Берлинской академии наук выставил нижнюю челюсть носорога, найденную в миоцене в Билли, Алье, на которой имелась выемка, которая, по мнению многих натуралистов, должна была быть сделана рукой человека. Аббат Делоне обнаружил в миоцене в Пуансэ, штат Мэн-и-Луара, ребро *Halitherium*, на котором были надрезы и которое, по-видимому, также подвергалось манипуляциям человека. Гарригу придерживается мнения, что некоторые кости, найденные в Сансане, были сломаны рукой человека, и Дюкер выразил аналогичное мнение об окаменелостях из Пикерми. Этим идеям были решительно воспротивлены. Многие отметины на этих костях были представлены как следы зубов плотоядных, грызунов и т.д. Аббат Буржуа нашел кремни в миоцене в Тенэ, недалеко от Пон-Левуа, Луара и Шер, обработку которых он приписывает существам, обладавшим более высоким интеллектом, чем животные того периода. Этому мнению придерживаются выдающиеся антропологи, такие как Вибрей, Ворсае, Мортилле, де Катрефаж и Хами. Годри не сомневается в точности отчета, данного об их местонахождении в Тенее таким опытным геологом, как Буржуа. Выдающегося наблюдателя четвертичной эпохи интересует только вопрос, были ли эти кремни в Тенае обработаны искусственно или нет. Камни были найдены в слое такого же щебня. Когда несколько таких кремней складываются вместе, лишь немногие люди могут обнаружить неоспоримое различие между камнями искусственной формы и бесформенными. Предполагаемое наличие фигурных кремней в миоценовую эпоху все еще требует тщательного изучения. Эпоха среднего миоцена очень древняя, и Леберон проводит различие между фауной, обнаруженной в известняках Боса и Фалунса, и фауной верхнего миоцена, Эппельсхайма и Пикерми. Согласно этому автору, следующим по порядку был Нижний плиоцен Монпелье; затем плиоцен Перье, Солильяка и Купе. Далее шла фауна лесной подстилки в Кромере, а затем фауны валунной глины. Судя по слоям Норфолка, эти последние были очень

продолжительными. Над фауной валунной глины стоят фауны дилuvia, за ними следует фауна периода северного оленя и нашего времени.

Что бы ни думали о многочисленных произошедших изменениях, рассматривать ли их как результат отдельных и независимых творений или как результат трансформаций, ни один геолог не может сомневаться в том, что для создания этих форм потребовалось огромное количество времени. В Среднем миоцене не было ни одного вида млекопитающих, который соответствовал бы какому-либо из ныне существующих видов. Если мы начнем с точки зрения простой палеонтологии, было бы трудно предположить, что существо, которое придавало форму кремням в Тенае, могло остаться неизменным посреди всех этих изменений. Если бы, как замечает Годри, можно было доказать, что кремни, собранные Буржуа в известняке Бос, действительно имели искусственную форму, он как геолог без колебаний признал бы в *дриопитеке* автора этой работы.¹³³

Но, говоря условно, *дриопитек*, который, как предполагается, пользовался этими кремнями и о котором мы, к сожалению, знаем лишь то немного, что можно почерпнуть из нескольких фрагментов кости, должен оставаться объектом интересной гипотезы, поскольку речь идет о его развитии антропоморфизме. Ни один из ныне существующих антропоидов не показал себя способным приспособлять камни и т.д. Для своего личного использования. Более того, самые фанатичные защитники доктрины происхождения становятся все более убежденными в том, что человек не может быть потомком какой-либо существующей формы антропоидов. Это правда, что между людьми и антропоидами можно проследить тесную и во многих отношениях очень близкую физическую связь, но не возможность прямого перехода от одного к другому. Это особенно хорошо видно на примере физического развития более крупных обезьян, которые сильно напоминают людей только в юности и все больше теряют этот признак по мере взросления. Абсолютное отсутствие какой-либо способности к дальнейшему развитию интеллектуальных качеств у наших современных видов антропоидов является еще одним доказательством этого факта; их интеллект, действительно, выше, чем у других млекопитающих, а также у других обезьян, но они все еще намного отстают от интеллекта человека, который способен к еще большему развитию.

В процессе физического роста, как я чувствую себя вынужденным часто повторять, антропоиды постоянно все дальше отходят от человеческой организации. К. Фогт справедливо замечает: "Когда мы рассматриваем принципы современной теории эволюции применительно к истории развития, мы сталкиваемся с важным фактом, что во всех отношениях молодая обезьяна стоит ближе к человеческому ребенку, чем взрослая обезьяна к взрослому человеку. Первоначальные различия между молодыми существами обоих типов гораздо слабее, чем во взрослом состоянии: это утверждение, давно высказанное в моих лекциях о человеческой расе, получило поразительное подтверждение в результате недавних вскрытий молодых антропоидов, погибших в Зоологических садах Европы. Пропорционально возрасту образца характерные различия в форме челюсти, черепных гребнях и т.д. Становятся более очевидными. И человек, и обезьяны развиваются из эмбрионального состояния и из периода детства в расходящемся или почти противоположном направлении к конечному типу своего вида, но даже взрослые обезьяны все еще сохраняют во всей своей организации черты, соответствующие человеческому ребенку".¹³⁴ Квенштедт также говорит: "Как бы сильно *Homo sapiens* ни возвышался своим интеллектом над всеми другими животными, как бы ни были важны физические различия, которые отделяют его от обезьян, все же сфера их существования в мире ни в коем случае не настолько широка, чтобы с течением времени узкие границы между ними не стирались. они не могут приблизиться более близко".¹³⁵

В этих словах излагается уже высказанное мною мнение, которое продолжает укрепляться, а именно, что человек не мог произойти ни от одного из ископаемых видов, которые до сих пор попадались нам на глаза, ни тем более от какого-либо из ныне существующих видов обезьян. Более вероятно, “что оба типа произошли от общей основной формы, которая еще сильнее выражена в строении молодых особей, потому что детский возраст менее развит” (Фогт).

Этот предполагаемый прародитель нашей расы неизбежно является полностью гипотетическим, и все попытки, предпринятые до сих пор для построения хотя бы сомнительного представления о его характеристиках, основаны на пустяковой игре воображения.

Дарвин пришел к выводу, что человек, во всяком случае, произошел от высокоорганизованной формы. Далее он говорит:

“Основания, на которых зиждется этот вывод, никогда не будут поколеблены, ибо близкое сходство между человеком и низшими животными в эмбриональном развитии, а также в бесчисленных чертах строения и конституции, как высокой, так и самой незначительной важности, рудименты, которые он сохраняет, и аномальные реверсии, которым он иногда подвержен, — это факты, которые не подлежат оспариванию. Они давно известны, но до недавнего времени они ничего не говорили нам о происхождении человека. Теперь, когда мы рассматриваем их в свете наших знаний обо всем органическом мире, их значение безошибочно. Великий принцип эволюции становится ясным и незыблемым, когда эти группы фактов рассматриваются в связи с другими, такими как взаимное сродство членов одной и той же группы, их географическое распределение в прошлом и настоящем и их геологическая последовательность. Невероятно, чтобы все эти факты оказались ложными. Тот, кто не довольствуется тем, что смотрит, подобно дикарю, на явления природы как на несвязанные, не может больше верить, что человек является результатом отдельного акта творения. Он будет вынужден признать, что близкое сходство эмбриона человека с эмбрионом, например, собаки; строение его черепа, конечностей и всего остова в целом, независимо от назначения, для которого могут быть использованы эти части, по тому же плану, что и у других млекопитающих; случайное повторное появление различных структур — например, нескольких отдельных мышц, которыми человек обычно не обладает, но которые являются общими для четвероногих; и множество аналогичных фактов — все это самым очевидным образом указывает на заключение, что человек является сородичем человека. потомок вместе с другими млекопитающими общего прародителя”.¹³⁶

“Древнейшие предки в царстве позвоночных, “ замечает тот же великий английский натуралист в другом месте, - на которых мы можем получить смутное представление, по-видимому, состояли из группы морских животных, напоминающих личинок существующих асцидий. Эти животные, вероятно, дали начало группе рыб, столь же низкоорганизованных, как ланцетные; и от них, должно быть, произошли ганоиды и другие рыбы, такие как лепидосирены. От таких рыб очень небольшое продвижение привело бы нас к амфибиям. Мы видели, что птицы и рептилии когда-то были тесно связаны друг с другом; и монотрематы теперь, в небольшой степени, соединяют млекопитающих с рептилиями. Но в настоящее время никто не может сказать, по какой линии происхождения три высших и родственных класса, а именно млекопитающие, птицы и рептилии, произошли от любого из двух низших классов позвоночных, а именно амфибий и рыб. В классе млекопитающих нетрудно представить этапы, которые вели от древних однопроходных к древним сумчатым, а от них - к ранним прародителям плацентарных млекопитающих. Таким образом, мы можем подняться к Лемуридам, а от них до Симиады небольшой промежуток.

Затем обезьяны разделились на две большие ветви - обезьян Нового Света и обезьян Старого Света; и от последних в отдаленный период произошел Человек, чудо и слава Вселенной". [137](#)

Оставляя пока в стороне эту длинную родословную человека, давайте рассмотрим некоторые из отдельных этапов, которые были установлены во все еще незавершенном состоянии современной науки. Что касается полуобезьян, близкое родство которых с людьми и человекообразными обезьянами в последнее время сильно подчеркивалось, я согласен с теми, кто, подобно Фогту, считает, что их отряд с его разнообразием форм указывает на сложное происхождение, вероятно, от сумчатых животных, с которыми их организация имеет много общих черт; следовательно, по-видимому, некоторые из их форм принадлежат к самым ранним млекопитающим третичного периода, с которыми мы хорошо знакомы. "В заключение," пишет он, "из этих фактов следует, что какая-либо очень тесная связь между полуобезьянами и человекообразными обезьянами, а следовательно, и с человеком, не может быть доказана. За исключением противоположного большого пальца, который является и был широко распространенным признаком, общим для многих видов, полуобезьяны не имеют ни одной общей с человекообразными обезьянами анатомической особенности. Их челюсть, наиболее постоянная характеристика, относит их к классу насекомоядных; причислять их к предкам человека - значит сводить на нет все принципы научного исследования". [138](#)

Это чисто гипотетическое существо, общего предка человека и обезьян, еще предстоит найти, и это задача, поставленная перед палеонтологией. Справится ли когда-нибудь эта наука, которой принадлежит великое будущее, с поставленной задачей, - это вопрос, который волнует сам себя. Между тем, учитывая великие палеонтологические достижения наших дней, открытие *одонторнитов*, *этозавров*, *рамфоринхи*, *голоптихий* и т.д., нам не нужно отчаиваться в возможности обнаружить истинную связь между миром человека и млекопитающих. Эта чисто спекулятивная сторона исследования, этот чисто научный подход к происхождению человека больше не удовлетворяется недоказанными утверждениями, а скорее доверяется напряженному труду будущих времен, и это не должно нарушать никаких религиозных или политических убеждений. Даже если предполагаемый предковый тип действительно будет обнаружен в каком-нибудь геологическом слое, все же исследованиям придется преодолеть огромные трудности, если они хотят объяснить развитие понимания и речи, а также рост независимого человеческого интеллекта. И все же мы не должны по этой причине отказываться признать возможность достижения некоторых новых открытий в этом направлении. Поступить так означало бы задушить импульс к научным исследованиям, а это было бы недостойно наших прежних интеллектуальных достижений. Поэтому давайте мужественно продолжать работу.

В вопросах, касающихся этнологии, нам постоянно показывают, что даже те человеческие расы, которые очень далеки друг от друга и о которых нельзя предположить, что в прежние времена они были объединены в одну нацию, совершили одни и те же технические открытия и переняли сходные манеры, обычаи и сходные религиозные обряды. Это позволяет нам сделать вывод, что существует физическое и психическое единство человеческой природы, которое действительно разделяется на расы и разновидности, но не на отдельные виды. Определенные признаки того, что гипотетически является первобытным типом, будут преобладать даже в потомстве, которое было изменено в результате отчетливого и обособленного развития, и нам не нужно удивляться возврату к животному строению, даже у человека, конечной ступени органического развития. Развитая культура человека также не станет каким-либо препятствием для такого возврата. Тероморфные состояния, на которые мы указали в третьей главе этой работы, такие как

передний отросток плоской височной части, поперечное расширение затылочной кости, заостренное ухо и т.д., встречаются как у высших, так и у низших рас человека; точно так же, например, как у примитивных, так и у высокородных пород лошадей наблюдаются возвраты к ископаемым формам в задних пальцах ног, раздвоенных копытах и т.д.

Не только физическое, но и умственное развитие человека происходит равномерно, а не *per saltum*. Физические качества и дефекты могут проявляться у определенного числа негров и папуасов и могут отсутствовать у равного числа европейцев, и наоборот, могут проявляться у одних и отсутствовать у других; тем не менее, по своему психическому состоянию негры и папуасы всегда должны рассматриваться как находящиеся на более низком уровне, чем европейцы. И если физическое превосходство более широко распространено у европейских народов, чем где бы то ни было, вследствие более высокой культуры, меньшего воздействия и лучшего питания, более регулярного образа жизни, а часто также полового отбора, продиктованного эстетическими соображениями, все же возврат к таким животным признакам, которые не оказывают никакого модифицирующего влияния на физическое развитие индивида, происходит как у этих, так и у других рас. Я завершаю эти замечания воспроизведением прекрасного отрывка, которым Дарвин заканчивает свою работу о происхождении человека.

“Человеку можно простить некоторую гордость за то, что он поднялся, хотя и не благодаря своим собственным усилиям, на самую вершину органической лестницы; и тот факт, что он поднялся таким образом, вместо того чтобы быть помещенным туда изначально, может вселить в него надежду на еще более высокое предназначение в отдаленном будущем. Но нас здесь интересуют не надежды или страхи, а только истина, насколько наш разум позволяет нам ее обнаружить. Я привел доказательства в меру своих возможностей: и мы должны признать, как мне кажется, что человек, со всеми его благородными качествами; с сочувствием, которое испытывает к самым униженным; с благожелательностью, которая распространяется не только на других людей, но и на самое скромное живое существо; с его богоподобным интеллектом, который проник в движения и устройство солнечной системы; - со всеми этими возвышенными способностями, человек все еще несет в своем теле неизгладимую печать своего низкого происхождения”.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

It was after I had finished this treatise that Mohnike's *Blicke auf das Pflanzen- und Thierleben in den indischen Malaienländern* (Münster, 1883) came into my hands. Автор, который в течение нескольких лет был врачом и медицинским суперинтендантом в Голландской Индии, дал интересный рассказ об орангутанге. Похоже, что это животное встречается только в северной части Суматры и чаще встречается на западном, чем на восточном побережье. Даже там орангутанга отлавливают лишь изредка. Даяки Борнео обожают мясо этой обезьяны, в которую они стреляют, особенно в глубине острова, отравленными дротиками, выпускаемыми из духовки. Затем пораненная часть аккуратно вырезается.

Мохнике утверждает, что на Борнео *Hylobates concolor* малайцы называют Уо-уо, а даяки - калавет. Темные экземпляры *Hylobates variegatus* на малайском диалекте называются *итам*, или черный унко, а светлые экземпляры называются *пути*, или белый унко. Хорошая иллюстрация *Hylobates leucogenys* приведена в *Трудах Зоологического общества*, стр. 680, Номер 42: Лондон, 1877.

К тому, что я сказал в тексте, следует добавить, что язычок у орангутанга часто отсутствует (Бишофф, *Руководство по анатомии горилл*, стр. 37; и Рюккарт, *"Глотка и дыхательный аппарат"*, стр. 24, таблица iii. рис. 10: Мюнхен, 1882). Я, однако, исследовал образец, у которого язычок был вполне заметен, а также небо и изогнутый корень языка.

В дополнение к нижней челюсти из Наулетта, о которой я говорил выше, недавно в пещере Шипка в Моравии был найден фрагмент нижней челюсти, который, по утверждению Шаффхаузена, принадлежал обезьяноподобному ребенку. Вирхов тщательно исследовал этот фрагмент и считает, что он принадлежит взрослой особи эпохи мамонта, которая страдала ретенцией зубов, и что в нем нет ничего питекоидного. Тот же автор подвергал тщательному анализу челюсть Наулетта, которую он неоднократно исследовал в Брюсселе, и в некоторой степени склонен признать питекоидный характер этого образца (*Журнал этнологии*, стр. 277: 1882).

Р. Бауме, с другой стороны, считает, что и челюсть Наулетта, и челюсть из пещеры Шипка являются питекоидными формами. Он находит в этих двух образцах фактическое доказательство существования человекообразных обезьян в дилювиальный период, поскольку они сильно отличаются формой нижней челюсти от любых ныне живущих образцов. Этот автор придерживается мнения, что в дилювиальный период, должно быть, существовали расы людей, намного уступающие низшим расам, существующим сейчас (*Die Kieferfragmente von La Naulette und aus der Schipkahöhle*, Лейпциг, 1883).

См. Hartmann, *Sitzungsbericht der Gesellschaft naturforschender Freunde zu Berlin*, 19 ноября 1878 г., замечания о сухожилиях, кровеносных сосудах плеча и бедра у антропоидов в дополнение к тем, что приведены в тексте.

ПОЛНОМОЧИЯ ДЛЯ ГЛАВЫ I.

(1) “Hinc (*i.e.* Θεῶν ὄχημα) tridui navigatione torrentes igneos prætervecti in sinum venimus, qui Noti Ceras dicitur (Νότου Κέρας). In sinus recessu insula erat priori, illi similis; nam lacum habebat, in quo insula erat altera, referta hominibus silvestribus. Erant autem multo plures mulieres hirsutis corporibus, quas interpretes Gorillas (Γορίλλας) vocabant. Nos persequentes viros quidem capere non potuimus, omnes enim effugiebant quum per præcipitia scanderent et saxis se defenderent; sed feminas cepimus tres, quæ mordentes et lacerantes ductores sequi nolebant. Atque occidimus eas et pelles detractas asportavimus Carthaginem. Neque enim ulterius navigavimus, quum annona deficeret” (Hannonis Carthaginiensis Periplus. Малая география, под ред. К. Муэллери, том i.).

(2) Сост. Temminck, Esquisses zoologiques sur la cote de Guinée (Leiden, 1853), p. 3.

(3) Марк де Серр первым обратил внимание натуралистов на эту мозаику. Сост. Froriep, Notizen zur Natur- und Heilkunde, book 42. Часто говорилось, что оригинал этой мозаики находится в Музее древностей в Берлине. Несомненно, мозаика, о которой идет речь, также состоит из пейзажа с бегемотами, крокодилами и т.д., Но ее нельзя сравнить с мозаикой Палестрины, которая, насколько мне известно, находится во дворце Барберини в Риме.

(4) См. Естественную историю Плиния младшего, ii. 172; vii. 2.

(5) Regnum Congo: hoc est Vera Descriptio Regni Africani quod tam ab incolis quam Lusitanis Congus appellatur, per Philippum Pigafettam, olim ex Edoardo Lopez acromatis lingua Italica excerpta, nunc Latio sermone donata ab Aug. Кассиод. Reinio. Iconibus et imaginibus rerum memorabilium quasi vivis, opera et industria Joan. Теод. et Joan. Israelis de Bry, fratrum exornata (Francofurti, MDXCVIII.).

(6) Abhandlungen der Königl. Bayrischen Akademie der Wissenschaften (iii. cl. ix. div. 1).

(7) Путешествие в Конго и несколько других стран Южной Африки, церковный сборник путешествий (Лондон, 1744), i. 651.

(8) Relation d'un voyage fait en 1695–97 aux côtes d'Afrique, etc. (Париж, 1699).

(9) Nouveau voyage en Guinée, p. 74.

(10) Медицинская обсерватория (Амстердам), § 56. Недавно у меня был повод усомниться в том, что представление Тульпе об обезьяне не основано на представлении орангутанга среднего размера. Во всяком случае, голова животного, приведенная этим анатомом, напоминает мне скорее оранга, чем шимпанзе.

(11) Анатомия пигмея в сравнении с анатомией обезьяны, Человекообразной обезьяны и Человека. С Эссе о пигмеях и др. древних (изд. i., Лондон, 1699; изд. ii., 1751).

(12) Перчасы, Его Паломники. Я воспользовался изданием, вышедшим в Лондоне в 1625 году (том ii. 982).

(13) Beschryvinge des Afrikaensche gewesten van Egypten, Barbaryen, Lybien, Biledulgerid, Negrosland, Ethiopien, Abyssinie, etc. (Амстердам, 1688; правка. ii. 1679). Я использовал немецкую версию 1760 года.

(14) Имя Куоджас Морроу также используется Тульпе. Живой экземпляр этих животных был подарен Дэппером принцу Фредерику Генриху Оранскому, и, возможно, именно он описан Тульпе.

(15) Миссия из замка Кейп-Кост в Ашанти (Лондон, 1819: пер. с англ. Weimar, 1820; Vienna, 1826). Я воспользовался последним переводом.

(16) Пер. Зоолога. Соч., том iii., 1848: О новом виде шимпанзе, автор профессор Оуэн.

(17) Описание внешних признаков и привычек гориллы Troglodytes, написанное доктором философии С. Сэвиджем, и ее остеологии Джеффрисом Уайменом (Журнал Nat. История., Бостон, 1847, том v.).

(18) Т. Сэвидж: Сообщение о горилле Троглодитес, новом виде орангутанга на Габуне (Бостон, 1847). Комп. Коленланд в Прок. Бостонского общества естествознания. История., 1850, 1852.

(19) Ostéographie (Paris, 1839–64). Атлас, том iv, Маммиферы, лист i.

(20) Archives du Muséum d'Histoire Naturelle de Paris, vol. x.

(21) Там же, том. viii.

(22) Оттиск на стали: способ фотографической иллюстрации, используемый Ньепсом де Сен-Виктором, который с тех пор был существенно усовершенствован.

(23) Der Gorilla, etc. Цветная иллюстрация Г. Мютцеля, лист i.

(24) Приключения и исследования в экваториальной Африке (Лондон, 1861). Путешествие в Страну Ашанго (Лондон, 1867). Страна гномов (Лондон, 1872).

(25) Рид, "Дикая жизнь: повествование о турне по Экваториальной, Юго-Западной и Северо-Западной Африке" и др. (Лондон, 1863). Brehm, Thierleben, edit. i., i. 16. See also Hartmann, Der Gorilla, p. 4.

(26) Замечания по статьям Дю Шайю о новых видах млекопитающих, открытых им в Экваториальной Африке: Продолжение. из Зоол. Соч., Лондон. 1861.

(27) Продолжение. из Бостонского общества естествознания. История., 1860. См. также "Приключения и исследования Дю Шайю", глава ii. 22; and Reichenbach's Vollständigste Naturgeschichte der Affen (Dresden and Leipzig), p. 196.

(28) Описание черепа взрослого самца гориллы из реки Данжер, относящегося к разновидности большого шимпанзе (Troglod. Горилла): Пер. Зоолог. Соч., Лондон, том iv., 1853. Мемуары о горилле (Лондон, 1865): хорошо иллюстрированные. Одонтография (Лондон, 1840-45). Статья о зубах Тодда и Боумена в "Энциклопедии анатомии и физиологии", том iv, часть ii. Лекции по сравнительной анатомии и физиологии позвоночных (Лондон, 1866-68, том iii.).

(29) "Два путешествия Бертона в страну горилл" и "Водопады Нила" (Лондон, 1876).

(30) Compiègne's L'Afrique Equatoriale (Paris, 1875; Gabonais, p. 260).

(31) De Brazza's Le Tour du Monde, Année 1878, No. 936.

(32) Lenz's Skizzen aus Westafrika (Berlin, 1878), p. 171.

(33) Экспедиция на Лоанго, часть ii., автор Фалькенштейн, стр. 149.

(34) Koppenfels' Die Gartenlaube (1877), No. 25.

(35) Zoologiska Studier, Andra Häftet. (Лунд, 1857).

(36) "Антропологическое обозрение" (1876), стр. 1 и др.

(37) "Медикал таймс", 1872.

(38) Descrizione di una scimmia antropomorfa proveniente dall' Africa centrale, in den Annali del Museo Civico di Genova, i. 53.

(39) Studii craniologici sui Cimpanzé. Там же, iii. 3.

(40) Труды Национальной академии наук. Науки (Филадельфия, 1879), пт. iii. стр. 385.

(41) Об аппендикулярном скелете приматов: Философские труды (1867), 299.

(41A) "Мышечная анатомия гориллы" Макалестера: Труды Королевской ирландской академии наук, 2-я серия, том i.

(42) Ueber die Schädelform des Menschen und der Affen, Leipzig, 1867.

(43) Die Hand und der Fuss. Abhandlungen der Senckenbergischen Naturforschenden Gesellschaft, vol. v.

(44) Archiv. für Anthropologie, viii. 67.

(45) Abhandl. aus dem Gebiete der Naturwissenschaften, herausgeg. vom Naturwis. Verein zu Hamburg-Altona (Hamburg, 1876), pp. 74–83.

(46) Там же, стр. 84 и т.д.

(47) Die anthropomorphen Affen des lübecker Museums (Lübeck, 1876).

(48) Mittheilungen aus dem königl. Зоол. Museum zu Dresden (1877), No. 2, p. 225.

(49) Der Gorilla, mit Berücksichtigung des Unterschiedes zwischen Menschen und Affen, etc. Denkschrift des Offenbacher Vereins für Naturkunde (Offenbach, 1863).

(50) Ueber die Verschiedenheit in der Schädelbildung des Gorilla, Chimpanse und Orang-utan, etc. (München, 1867). Vergleichende anatomische Untersuchungen über die äussern weiblichen Geschlechts- und Begattungsorgane des Menschen und der Affen. Abhandl. der königl. bayrischen Akad. d. Wissensch., cl. ii. vol. xiii. таблица ii. Beiträge zur Anatomie des Gorilla. Там же. глава ii. том. xiii. таблица iii.

(51) Beiträge zur Kenntniss des Gorilla und Chimpanse. Abhandl. der K. Gesellsch. der Wissensch. Göttingen, vol. 28.

(52) Ueber den Schädel des jungen Gorilla. Monatsberichte der königl. Akademie der Wissensch. цу Берлин (7 июня 1880 г.), стр. 516.

(53) Studien aus dem Gebiete der Naturwissensch., plate ii. (Петербург, 1876), т. 235.

(54) Различные работы о горилле под следующими названиями:—Beiträge zur Kenntniss der sogen. anthropomorphen Affen, Zeitschrift für Ethnologie, series iv. 198; viii. 129; ix. 117. Ueber das Hüftgelenk der anthropoiden Affen. Sitzungsber. der Gesellsch. Naturforsch. Freunde zu Berlin, April 17, 1877. Ueber den Torus occipitalis transversus am Hinterhauptbeine des Menschen; Ibid., Nov. 26, 1880. Die menschenähnlichen Affen, No. 247 of the Sammlung gemeinverständlicher wissensch. Вихрь, Вирхова и Хольцендорфа, стр. 11.

(55) Vogt's Vorlesungen über den Menschen (Giessen, 1863).

(56) L'homme et les singes. Bulletin de la Société d'Anthropologie, vol. iv. series ii., 1870.

(57) Magitot, Bulletin de la Soc. d'Ethnographie de Paris, 1872.

(58) Gesammelte Werke. A. d. Engl. von J. V. Carus, v. 1, 2 (Stuttgart, 1875).

(59) История Жерве. Нац. des Mammifères (Paris, 1854), vol. i. p. 27.

(60) "Руководство по анатомии позвоночных животных" Хаксли (Лондон, 1871).

(61) Введение Флауэра в остеологию млекопитающих (Лондон, 1870).

(62) Giebel's Odontographie. Vergleichende Darstellung des Zahnsystems der lebenden und fossilen Wirbelthiere (Leipzig, 1855).

(63) Продолжайте. из "Зоолога". Соч. (Лондон, 1876).

(64) Hist. Nat. générale et particulière, vol. 35 (Paris).

(65) I quote here the passage which Bosman has taken from the foregoing work by Buffon: "Les singes que l'on appelle smitten (forgerons) en flamand, sont de couleur fauve, et deviennent extrêmement grands: j'en ai vu un de mes propres yeux qui avait cinq pieds de haut et de bien moins grand que l'homme. Ils sont méchants et très forts; un marchand m'a conté, que dans le voisinage du fort de Wimba, le pays est occupé par un très-grand nombre de ces singes, qui sont de force à attaquer l'homme, ce dont on citait des exemples." Босман продолжает говорить о другом виде обезьян в том же районе, который столь же отвратителен, как и представители более крупного вида (Бешриджвинг ван Гинэ (1737), стр. 34; Путешествие по Гвинее, стр. 258).

(66) Сост. по этому поводу очень четкие замечания Хаксли в его работе о положении человека в природе.

(67) Ботанический сад, Бернар, Куайяк, Жерве и Лему (Париж, 1842), i. 82.

(68) Там же, стр. 83, вместе с иллюстрацией.

(69) Скопировано Шеню, Энциклопедия. d'Hist. Nat. Quadrumanes (Париж, 1851), лист i. рис. 36. Автор: Жерве, История, нац. des Mammifères (Paris, 1854), i. 16, 22. By A. B. Reichenbach, Praktische Naturgesch. des Menschen und der Säugethiere (New edit., Leipzig), plate i. fig. 4. H. G. L. Reichenbach, Die Vollständigste Naturgesch. der Affen (Dresden and Leipzig), plate xxxiv., fig. 466; etc.

(70) J. B. Brehm's Thierleben (Leipzig, 1876), i. 46, 68.

(71) Hartmann, Der Gorilla, etc. Гравюры на дереве, № vi., vii., viii., xiii.

(72) Beobachtungen an zwei lebenden Chimpanse, by H. Tiedemann, Philadelphia. Nach brieflichen Mittheilungen bearbeitet by L. Bischoff (Bonn, 1879).

(73) "Зоологическая экспедиция" Темминка, часть первая и др.

(74) Vrolik, Recherches d'anatomie comparée sur le Chimpanse (Amsterdam, 1841).

(75) О мышцах и нервах шимпанзе и т.д. (Журнал анатомии и физиологии, серия ii. 1871, стр. 176).

(76) Brühl, Myologisches über die Extremitäten des Chimpanse (Wiener Medicin. Wochenschrift. Jahrg. 1817).

(77) Ontleedkundige nasporingen over de hersenen van den Chimpanse (Amsterdam, 1849).

(78) Des caractères anatomiques des grands singes pseudo-anthropomorphes, Archives du Muséum, vol. viii. Vergleichung der Anatomie des Gorilla mit derjenigen des Chimpanse: very well illustrated.

(79) Recherches sur l'anatomie du Troglodytes Aubryi (Nouvelles Archives du Muséum d'Histoire Naturelle. Mémoires, vol. ii.).

(80) Mittheilungen aus dem königl. Zoologischen Museum zu Dresden, No. 2 (Dresden, 1877).

(81) Сост. работ, цитируемых в примечании 54. Also Hartmann, Beiträge zur Zoologischen und Zootomischen Kenntniss der sogenannten anthropomorphen Affen. Archiv. für Anatomie, Physiologie, etc., by Reichert and Du Bois-Reymond. Серия за 1872-76 годы, со множеством пластинок, некоторые из них хромолитографии.

(82) Description de l'espèce de singe aussi singulier que très rare, nommé Orang-Outang, de l'isle de Borneo. Apporté vivant dans la ménagerie de M. le Prince d'Orange. Description d'un recueil exquis d'animaux rares, etc. (Амстердам, 1804). Тарелки с изображением оранга, сопровождающие эту работу, выполнены неплохо.

(83) Verhandelingen van het Bataviaasch Genootschap. Tweede Deel. (Derde Druk, 1826).

(84) Beschrijving van der groote Borneosche Orang-outang of de Oostindische Pongo. Там же. Also Briefe des Herrn v. Wurmb und des Herrn Baron v. Wollzogen (Gotha, 1794).

(85) Общие и частные описания позвоночных животных; отряд quadrumana (Лондон, 1831): с цветными пластинками.

(86) Monographies de Mammalogie, vol. ii.

(87) Verhandelingen over de natuurlijke geschiedenis der Nederlandsche overzeesche besittingen (1839-45). Зоология, стр. 1.

(88) Description des mammifères nouveaux ou imparfaitement connus de la collection du Muséum d'histoire naturelle. Nouv. Archives du Muséum, etc., ii. 485.

(89) "Анналы и журнал естественной истории" (1842), ix. 54.

(90) "Правительственный вестник Калькутты", 13 января 1853 г. Азиатские исследования, xv. 489, 491.

(91) Малайский архипелаг Уоллеса.

(92) Naturgeschichte des Orang-Utan und einiger anderer Affenarten. Herbell (Düsseldorf, 1791).

(93) К сравнительной остеологии орангутанга и шимпанзе: Лондонский и Эдинбургский философ. Журнал, vi. 457; x. 259. Пер. Зоолога. Общество Лондона, i. пт. iv.

(94) Archiv. für Anatomie, Physiologie, etc., 1836, p. 46; 1839, p. 209.

(95) Л. с. цит. по

(96) Vier Abbildungen des Schädels der Simia Satyrus von verschiedenem Alter zur Aufklärung der Fabel vom Orañ-Utañ (Marburg, 1838).

(97) Note sur les métamorphoses du crâne de l'Orang-Outang, Bulletins de l'Académie de Bruxelles (1838). Annales des Sciences Naturelles (1839), p. 56.

(98) Zur Kenntniss des Orangkopfes und der Orangarten (Wien, 1856).

(99) Die Muskulatur der Extremitäten als Grundlage einer vergleichend-myologischen Untersuchung.

(100) Л. с., рис. 42, таблица vii.

(101) Л. с., табличка i, стр. 30 (рисунок слева).

(102) Zeitschrift für Ethnologie (1876), vol. 15. Brehm's Thierleben, i. 83.

(103) Скопировано в "Естественной истории" Касселла, i. 8 (52), с ошибочным названием "Больной шимпанзе".

(104) Naturhistorische Früchte der ersten kais. russischen Erdumsegelung (Petersburg, 1813), p. 130.

(105) Le règne animal (nouv. править.), i. 88.

(106) - Это Джефф. Сент-Илер и Ф. Кювье, История. Нац. des mammifères (Paris, 1819-35), plate iii. fig. 4.

(107) Странствия по Новому Южному Уэльсу (Лондон, 1834), том ii. глава. viii.

(108) Человек и обезьяны (Лондон, 1840), стр. 423.

(109) Бостонский национальный журнал. История., i.

(110) См. Работу, цитируемую в примечании 83.

(111) См. Работу, цитируемую в примечании 63, стр. 140.

(112) История. des Singes (Paris, an. ix.), p. 154.

(113) Archives du Muséum d'Hist. Nat., v. 529.

(114) Блайт в "Журнале азиатских стран", 1846, xv. 172; Там же, 1847, xvi. 730.

(115) Продолжайте. о зоологе. Лондонский университет, xiv. 11.

(116) Beiträge zur Anatomie des *Hylobates leuciscus*. Из Трудов Баварской академии наук, 2-я серия, том x, таблица iii.

СНОСКИ.

- ² *Vorträge über Viehzucht und Rassenkenntniss*, i. 61: Berlin, 1872.
- ³ Сост. Джеффр. Сент-Илер, таблица v.; также Хартманн, "Горилла", стр. 14, Anm. 4.
- ⁴ Оуэн, *Мемуары* и др., лист ii.; Брем, *Тирлебен*, i. 56.
- ⁵ Сост. Hartmann, *Der Gorilla*, fig. 8. Это, несомненно, одна из самых удачных иллюстраций шимпанзе, его привычек, выражения лица и характера.
- ⁶ Сост. Хартманн, *Горилла*, рис. 27, представляющий гамбургское животное среднего возраста. Рис. На рис. 6 изображена дикая Паулина из немецкой экспедиции Лоанго. В надписи по ошибке прессы указано, что это самец, а не самка шимпанзе.
- ⁷ Пока я писал эти строки, я получил высушенный образец *Hylobates leuciscus* (Kuhl), которому ввели жидкость Викаршейнера; крупный *Hylobates* того же вида, законсервированный в винном спирте; другой *Hylobates albianus* (Is. Джеффр. Saint-Hilaire), сохранившийся таким же образом; и скелеты *Hylobates syndactylus* (F. Cuvier) и *Hylobates agilis*.
- ⁸ Очень хорошую иллюстрацию этого животного можно увидеть в изд. Книга Пеппига "Иллюстрированная природоведческая школа Тьеррихов", том i. рис. 24 (Лейпциг, 1847), которая взята из какого-то английского источника, с которым я не знаком. Другая гравюра этого животного на дереве находится в книге Бока "Унтер-ден-Каннибален на Борнео", стр. 342: Йена, 1882.
- ⁹ Экземпляр *Hylobates leucogenys* (Ogilby) можно увидеть в Британском музее. Дж. Э. Грей, Каталог обезьян, лемурув и др.: Лондон, 1870.
- ¹⁰ Хорошая гравюра на дереве *Hylobates pileatus* (Дж. Э. Грей) появляется в работе Хаксли "Место человека в природе".
- ¹¹ Очень хорошую цветную иллюстрацию *Hylobates funereus*, вероятно, взятую Вернером с натуры, можно увидеть в Is. Джефф. Saint-Hilaire's *Description des mammifères nouveaux, ou imparfaitement connus de la collection du Muséum d'histoire naturelle. Archives du Muséum*, v. 26.
- ¹² Корональный гребень достиг совершенно необычной высоты на прекрасном образце черепа пожилого самца гориллы под номером 92, хранящемся в Музее естественной истории в Париже.
- ¹³ *Ethnologische Schriften, nach dem Tode des Verfassers gesammelt von dessen Sohne Professor Gustav Retzius*, p. 33: Stockholm, 1864.
- ¹⁴ *Справочник по орангутангами* др., стр. 3. Вирхов отмечает (Руководство Берлинским антропологическим обществом, 18 марта 1876 г.): "Тот факт, что гиббон, так же как и орангутанг, является брахицефалом, представляет большой географический интерес".
- ¹⁵ Ежемесячный отчет Королевской академии наук, Берлин, 7 июня 1880 г.
- ¹⁶ Virchow, *Ueber einige Merkmale niederer Menschenrassen am Schädel*, p. 41: Berlin, 1875. *Zeitschrift für Ethnologie*, xii. 23: 1880. *Monatsbericht der Königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*, p. 523: 1880. *Os epiptericum* можно наблюдать на черепе № 92

парижской коллекции. Это ясно видно на рис. 4, стр. 127, в "*Дарвинизме и его производстве*" (Мюнхен, 1876), где я упоминаю этот череп. See also Bischoff, *Schädelwerk*.

- ¹⁷ This illustration is from Duvernoy's *Des caractères anatomiques des grandes singes pseudo-anthropomorphes*, plate ii. Это прекрасная иллюстрация характерных остистых отростков позвоночного столба и взаимного расположения конечностей.
- ¹⁸ Дювернуа, таблица vi. Рис. В.
- ¹⁹ Brühl, *Zur Kenntniss des Orangkopfes*, pp. 2, 3.
- ²⁰ "Недостающее звено", *Журнал инженерного дела и горного дела*, хх. 3: Нью-Йорк.
- ²¹ *Отчет Антропологического общества*, Берлин, 16 апреля 1881 г.
- ²² "Происхождение человека" Дарвина, стр. 21.
- ²³ Архив Вирхова. *für Pathologische Anatomie*, liii. 485: 1871.
- ²⁴ *Отчет Антропологического общества*, Берлин, 9 марта 1878 г.
- ²⁵ "Происхождение человека" Дарвина, том i, стр. 192.
- ²⁶ *Geologische Bilder zur Geschichte der Erde und ihrer Bewohner*, ii. 120: Leipzig, 1851–53.
- ²⁷ *Voyage pittoresque dans le Brésil*: Paris, 1839.
- ²⁸ *Антропогения*, стр. 482: Лейпциг, 1874.
- ²⁹ По-видимому, это очень распространено среди японских человекообразных обезьян (*Inuus speciosus*).
- ³⁰ Брюль отметил периодическое возникновение соединения между большим крылом клиновидной кости и височной костью.
- ³¹ *Archiv. für Anthropologie*, p. 121: 1878.
- ³² Schlocker, *Ueber die Anomalien des Pterion*. Первая диссертация. Dorpat, 1879.
- ³³ *Zur Kraniologie der Mongoloiden: Beobachtungen und Messungen*, p. 56. Dissertation. Heidelberg, Berlin, 1882.
- ³⁴ *Bulletin de la Société d'Anthropologie*, iv. fig. 305.
- ³⁵ *Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie*, p. 164: 1872.
- ³⁶ *Die vierte allgemeine Versammlung der deutschen Gesellschaft für Anthropologie*, p. 49.
- ³⁷ *Die Urbevölkerung Europas*, p. 46.
- ³⁸ ежеквартальный научный журнал, январь 1864 г. Comp, also Fuhlrott, *Der fossile Mensch aus dem Neanderthal*: Duisburg, 1865.
- ³⁹ *Archiv. für Anthropologie*, viii. fig. 63.
- ⁴⁰ *Zeugnisse*, etc., 157.
- ⁴¹ *Crania Ethnica*, plate xxvi.; *Zeitschrift für Ethnologie*, series 12, plate viii. fig. 2.
- ⁴² Этнический череп, фото xxxvi.

- ⁴³ Тен Кейт, *лок. цит. по* стр. 17, 42. Вирхов придерживается мнения, что факты недостаточно ясны, чтобы позволить нам судить о том, насколько это образование влияет на мужчин (*Монахберихт Академии наук Виссеншафта в Берлине*, стр. 258: 1881). Отделение скуловой кости от сфено-верхнечелюстной щели орбиты до настоящего времени слишком редко наблюдалось у антропоидов, чтобы заслуживать серьезного рассмотрения в этой работе.
- ⁴⁴ Джоли, *Человек до металлов*: Лондон.
- ⁴⁵ Gaudry, *Les enchainements du monde animal*, p. 232: Paris, 1878.
- ⁴⁶ Hartmann, *Der Gorilla*, pp. 68, 109.
- ⁴⁷ *Correspondenzblatt der Deutscher Anthropologischen Gesellschaft*, p. 148, with illustration: 1878.
- ⁴⁸ *Zur Morphologie des Gesichtsschädel*, pp. 73, 85, 89: Stuttgart, 1877.
- ⁴⁹ Велкер о Себе и Брауне, *Архив. für Anatomie*, 1881. Rosenberg, Gegenbaur's *Morphologisches Jahrbuch*, i. 172.
- ⁵⁰ *Beiträge zur Geburtshilfe*, p. 161.
- ⁵¹ *Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften zu Wien*, lxxxv. fig. 1: 1882.
- ⁵² Hartmann in *Archiv. für Anatomie*, etc., by Reichert and Du Bois-Reymond, pp. 639–643: 1876.
- ⁵³ Wiedersheim, *Morphologisches Jahrbuch*, ii. 421.
- ⁵⁴ *Archiv. für Anthropologie*, p. 463: 1880.
- ⁵⁵ *Alttrojanische Gräber und Schädel. Aus der Abhandlungen der Königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin*, p. 47: 1882.
- ⁵⁶ *Sitzungsbericht der Berliner Anthropologischen Gesellschaft*: April 17, 1880.
- ⁵⁷ См. "Пещеры и первобытные обитатели Европы" Шпенгеля.
- ⁵⁸ *Руководство по анатомии позвоночных животных*, стр. 481: Лондон, 1871.
- ⁵⁹ *Введение в остеологию млекопитающих*, стр. 310: Лондон, 1870.
- ⁶⁰ *Об анатомии позвоночных*, ii. 551. Также смотрите мои собственные работы в *архиве. für Anatomie*, p. 648: 1876.
- ⁶¹ *Studien aus dem Gebiete du Naturwissenschaften*, ii. 316: St. Petersburg, 1876.
- ⁶² Hartmann in *Archiv. für Anatomie*, etc., p. 653: 1876.
- ⁶³ Велкер в Его и Брауна *архивах. Jahrg.*, i. p. 71.
- ⁶⁴ Кэмпер, *Œuvres*, i. 152; *Naturgeschichte des Orang-utan* и др.; Оуэн, *Труды Лондонского зоологического общества*, i. 365-368; Там же, v. 15; Велкер в его и Брауна *архиве. Jahrg.*, ii. p. 106.
- ⁶⁵ *Wiener medicinische Wochenschrift*, p. 4: 1871.
- ⁶⁶ Duchenne's *Mécanisme de la physiognomie humaine. Выражение эмоций по Дарвину*. Gamba's *Lezioni di anatomo-fisiologia applicata alle arti belle*.

- ⁶⁷ Макалистер в "Анналах и журнале естественной истории", vii. 342 (1871), утверждает, что он не смог отличить извилистую мышцу от круговой, и я потерпел такую же неудачу.
- ⁶⁸ Дарвиновское выражение эмоций.
- ⁶⁹ Дарвин, *Выражение эмоций*.
- ⁷⁰ Труды Академии естественных наук филадельфии, 1879. *Revue d'Anthropologie*, 1873, 1874.
- ⁷¹ Труды Академии естественных наук филадельфии, 1879.
- ⁷² Hartmann in *Archiv. für Anatomie*, by Reichart and Du Bois-Reymond, p. 743 (1875); p. 636 (1876).
- ⁷³ Хэлфорд, *Не похожий на человека, двуногий и двуногий, и еще не четвероногий, но хироподус*: Мельбурн, 1863. Демаркационные линии между Человеком, гориллой и макакой: Мельбурн, 1863. Я знаю эти два трактата только по цитате Бишоффа. *Anatomie, etc., des Hylobates leuciscus*, pp. 23, 24.
- ⁷⁴ Руге также считает эту мышцу частью длинного разгибателя пальцев.
- ⁷⁵ *Beiträge zur Kenntniss des Gorilla und Chimpanse*, p. 32, plate ii. рис. 3.
- ⁷⁶ *Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris* (1869), pp. 83, 113.
- ⁷⁷ Как, например, у *hylobates syndactylus*. Сост. Джобель, *Одонтография*, стр. 2: Лейпциг, 1855.
- ⁷⁸ *Ortleetkundige Beschryving van een volwassen Orang Oetan. Verhandelingen over de natuurlijke geschiedenis der Neederlandsche Bezittingen*: Leiden, 1840. *Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris*, iv. pp. 368–371: 1869.
- ⁷⁹ Сост. Aeby, *Der Bronchialbaum der Säugethiere und des Menschen*, p. 7, table v. fig. 11: Leipzig, 1880.
- ⁸⁰ *Мозг как орган разума*. Международная научная серия.
- ⁸¹ Панш пишет о мозге гориллы: "Мозжечок в горизонтальном положении должен быть несколько перекрыт головным мозгом". Я не понимаю, что он имеет в виду под выражением *должен*.
- ⁸² *Обзор естественной истории*, стр. 201: 1861.
- ⁸³ *Sitzung der Mathematisch-physikalischen Klasse der königl. bairischen Akademie der Wissenschaften*, p. 100: Feb. 4, 1871.
- ⁸⁴ Gratiolet, *Mém. sur les plis cérébraux de l'homme et des primates*.
- ⁸⁵ *Correspondenzblatt der deutschen Anthropologischen Gesellschaft*, p. 133: 1878.
- ⁸⁶ *Verhandlungen der berliner Anthropologischen Gesellschaft*, 1877.
- ⁸⁷ Там же, стр. 25: 1878.
- ⁸⁸ *Verhandlungen der berliner Anthropologischen Gesellschaft*, p. 28: 1878.
- ⁸⁹ *Archiv. für Anthropologie*, p. 129: 1867.
- ⁹⁰ *Verhandlungen der berliner Anthropologischen Gesellschaft*, p. 283: 1877.

- ⁹¹ *Correspondenzblatt der deutschen Anthropologischen Gesellschaft*, p. 134: 1877. Н. Gerhartz, *Ueber die Ursachen der Microcephalie*. Первая диссертация. Bonn, 1874.
- ⁹² *Anatomische Untersuchung eines Microcephalen Knaben*. Перепечатка статьи, написанной к празднованию трехсотлетия Вюрцбургского университета, стр. 27.
- ⁹³ *Verhandlungen der berliner Anthropologischen Gesellschaft*, p. 248: 1877.
- ⁹⁴ *Das peripherische Nerversystem der Wirbelthiere*, p. 219: Leipzig, 1878.
- ⁹⁵ *Bulletin de la Société Zoologique de France*, p. 1: 1877.
- ⁹⁶ *Die Vollständigste Naturgeschichte der Affen*, p. 191: Leipzig and Dresden.
- ⁹⁷ See Chenu, *Encyclopédie d'Histoire Naturelle, Quadrumanes*, p. 34.
- ⁹⁸ Каталог обезьян, лемуров и летучих мышей-плодоядных в Британском музее. Приложение, стр. 127: Лондон, 1870.
- ⁹⁹ Например, уши представлены как несколько слишком маленькие. Хотя рост волос на макушке заставляет их выглядеть крупнее, следует признать отсутствие пропорций. Его можно было бы легко изменить, но я предпочел воспроизвести первоначальный эскиз в том виде, в каком он был.
- ¹⁰⁰ *Die Säugethiere in Wort und Bild.*, by C. Vogt and Specht, p. 11: Munich, 1882.
- ¹⁰¹ *Мафюка Беззащитна*. Reprinted from the reports of the *Gesellschaft für Natur und Heilkunde zu Dresden*, Sitzung, xxvii. p. 9: 1876.
- ¹⁰² *Thierleben*, ii. 80, 81. *Illustrierte Naturgeschichte des Thierreichs*, i. 11: Leipzig, 1880.
- ¹⁰³ *Горилла*, vi. стр. 25. Надпись на этой тонкой огранке ошибочно указывает на мужской, а не женский экземпляр.
- ^{Серия 104} за 1876 год, таблица vii. рис. 2, 4.
- ¹⁰⁵ *Последние дневники Ливингстона в Центральной Африке с 1865 года до его смерти*, ii. 52-55: Лондон, 1874.
- ¹⁰⁶ *Die Loango Expedition*, Abth. iii. p. 248: Leipzig, 1882.
- ¹⁰⁷ Там же, Abth. ii. стр. 150.
- ¹⁰⁸ *Экспедиция на Лоанго*, Abth. i. стр. 123.
- ¹⁰⁹ *Экспедиция на Лоанго*, стр. 103.
- ¹¹⁰ Отчет Х. фон Коппенфельса, о ранней смерти которого мы все должны сожалеть, взят из его статьи в "*Гартенлаубе*" (1877, № 25); из его переписки с семьей, которую мне разрешили просмотреть; и из пространного документа, адресованного профессору Бастиану из Адалиналонги, датированного 26 марта 1874 г.
- ¹¹¹ *Illustriertes Thierleben*, i. 17: Hildburghausen, 1864.
- ¹¹² Schweinfurth, *Im Herzen von Afrika*, p. 335: New edition, Leipzig, 1878.
- ¹¹³ Duirentuin: Иллюстрированное описание млекопитающих и птиц, содержащихся в Зоологическом саду Амстердама. Опубликовано на голландском языке около 1862 года.

- [114](#) *Unter den Kannibalen auf Borneo*, etc., p. 31.
- [115](#) Эта иллюстрация подтверждает уже сделанное замечание о том, что задняя часть этой обезьяны по строению несколько напоминает крестец птицы.
- [116](#) *Verhandelingen over de natuurlijke geschiedenis der Nederlandsche overzeesche Bezittingen*: Leiden, 1840–45.
- [117](#) *Unter den Kannibalen auf Borneo*, p. 31.
- [118](#) *Die Preussische Expedition nach Ostasien. Zoologische Abtheilung*, vol. i. p. 249: Berlin, 1876.
- [119](#) *Unter der Kannibalen auf Borneo*, p. 327.
- [120](#) Сэр Стэмфорд Раффлс видел совершенно белый экземпляр этого вида (*Труды Линнеевского общества*, xiii. 241).
- [121](#) G. Broesike, *Sitzungsbericht der Gesellschaft naturforschender Freunde zu Berlin*: December 18, 1877.
- [122](#) *Verhandlungen der berliner Anthropologischen Gesellschaft*, March 18, 1876, p. 93.
- [123](#) See also Nissle, *Die Zeitschrift für Ethnologie*, pp. 56, 57: 1876.
- [124](#) "Малайский архипелаг Уоллеса", том первый
- [125](#) *Unter den Kannibalen auf Borneo*, p. 31.
- [126](#) *Enchainements*, стр. 235.
- [127](#) Fraas, *Wurtembergische Jahreshft*, xxvi. plate iv. fig. 1: 1870.
- [128](#) Forsyth, *Atti della Società Italiana di Scienze Naturali*, xiv.: 1872.
- [129](#) *Антропогенія*, стр. 482: Лейпциг, 1874.
- [130](#) Мы не включаем сюда прыгающих и бегающих мышей.
- [131](#) *Reise nach Brasilien*, ii. 177: Frankfurt-am-Main, 1821.
- [132](#) *Beiträge zur Ethnographie und Sprachenkunde Amerikas*, etc., i. 534: Leipzig, 1867.
- [133](#) *Les Enchainements du monde animal*, p. 240.
- [134](#) *Die Säugethiere in Wort und Bild*, p. 49.
- [135](#) *Handbuch der Petrefactenkunde*, 3rd edit., i. 38: Tübingen, 1882.
- [136](#) "Происхождение человека" Дарвина, 1-е изд., том ii. стр. 385.
- [137](#) "Происхождение человека" Дарвина, i, стр. 212.
- [138](#) *Die Säugethiere in Wort und Bild*, p. 67.

НАПЕЧАТАНО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ WILLIAM CLOWES AND SONS, LIMITED, ЛОНДОН И БЕККЛЗ.

Примечания переписчика

Пунктуация, переносы и орфография были приведены в соответствие, когда в оригинальной книге было обнаружено преобладающее предпочтение; в остальном они не изменялись.

Были исправлены простые типографские ошибки; несбалансированные кавычки были исправлены, когда изменение было очевидным, и в противном случае оставлены несбалансированными.

Иллюстрации в этой электронной книге размещены между абзацами и вне цитат. В версиях этой книги, поддерживающих гиперссылки, ссылки на страницы в Списке иллюстраций ведут на соответствующие иллюстрации.

Компания Transcriber добавила цифры 43-45 к иллюстрации на [странице 138](#), чтобы подписи были недвусмысленными на маленьких экранах.

Сноски, первоначально помещавшиеся внизу страниц, на которые делались ссылки, были собраны, последовательно перенумерованы и помещены ближе к концу книги, непосредственно перед Указателем.

Указатель не был проверен на правильность расположения в алфавитном порядке или ссылок на страницы.

[Источники для главы I](#), пронумерованные 11, 17, 26 и 50, дважды упоминаются в [главе I](#). Все обратные ссылки на эти ссылки ведут к первому появлению.